

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 4 • 2014 • ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Теория художественного перевода

Миронова Н.Н. Михаил Лермонтов — переводчик классической немецкой лирики. К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова . . . 5

Дидактика перевода

Пэн Лин. К вопросу формирования социокультурной компетенции филолога-переводчика 16

Поэтика перевода

Алексеева М.О. К вопросу о звучании русской поэзии в польских переводах и о переводе стихов Юлиана Тувима на русский язык . . . 24

Бойко Б.Л. Звуки, цвета, свет и запахи в картине войны (по текстам «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого) 35

Мешкова Е.М. Лингвопоэтическая неоднородность оригинала и эквивалентность перевода (на материале драмы У. Шекспира «Юлий Цезарь» и её переводов на русский язык) 46

Наугольных Е.А. Эстетика языковых девиаций: природа антиномы и специфика её перевода (на материале романа Дж. Джойса «Улисс»). 56

Лингводидактика

Волкова А.А. Роль контекста в восприятии и понимании иноязычных вкраплений в радиокommunikации. 67

Нестерова Н.Г. Роль аутентичных радиотекстов в диалоге культур . . . 73

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

Қасым Б.Қ. Лингвокультурные концепты в системе священных чисел 88

Лычкина Ю.С. Лексические единицы, обозначающие волевые черты характера в русском языке 96

<i>Раздобудько-Чович Л.И.</i> Вербализация концепта «героизм» в черногорской и русской языковых картинах мира в поэме П.П. Негоша «Горный венец» и его перевода на русский язык.	107
<i>Фащанова С.В.</i> Ключевые прецедентные феномены в контексте национального менталитета (на материале радиодискурса)	124

История перевода

<i>Шомахова Т.М., Пхитиков Х.М.</i> Шумеро-аккадские, ассиро-вавилонские, хатто-хетто-адыгские языковые параллели в зеркале перевода (на материале клинописных текстов)	133
---	-----

Хроника научной жизни

<i>Миронова Н.Н.</i> О международной конференции «Перевод как средство взаимодействия культур». К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова.	143
--	-----

<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2014 год</i>	148
--	-----

Contents

Literary Translation Theory

- Mironova, N.N.* Mikhail Lermontov as a classical german lyric poetry translator. The 200-year anniversary by Lermontov 5

Translation Didactics

- Ling, Peng* The issue of socio-cultural competence, philologist-translator . . . 16

The Poetics of Translation

- Alekseeva, M.O.* Problems of translation of Russian poetry to Polish and poems by Julian Tuwim in Russian translations 24
- Boyko, B.L.* Sound, Color and Smell in War Picture 35
- Meshkova, E.M.* Linguopoetic Heterogeneity of the original and translation equivalency (on the material of “Julius Caesar” by W. Shakespeare and its Translations into Russian) 46
- Naugolnykh, Ye.A.* Esthetics of language deviations: antinorm and its translatability (based on the novel by James Joyce’s Ulysses) 56

Language Education

- Volkova, A.A.* The role of context in the perception and understanding of foreign elements in radio communication 67
- Nesterova, N.G.* The role of the authentic radio texts in a cultural dialogue . . 73

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Kassym, B.K.* Comparative lingva-cultural-cognitive concepts in the system of the sacred numbers 88
- Lychkina, Y.S.* Lexical units, meaning strong-willed character traits in Russian 96
- Razdobudko-Chovich, L.I.* Verbalization of the Concepts *Humanity* and *Bravery* in Njegoš’s *Gorski vijenac* and its Translation into Russian 107
- Fashchanova, S.V.* Key precedent phenomena in a context of national mentality (in radiodiscourse) 124

Translation History

- Shomakhova, T.M., Pkhitikov, H.M.* Shumero-akkadsky, assiro-Babylon, hatto-hetto-Adyghe language parallels in a translation mirror (on a material the klinopisnykh of texts). 133

Chronicles of Scientific Life

Mironova N.N. The International Conference “Translation as a Means of Cultural Interaction”. Celebrating Mikhail Yu. Lermontov’s Bicentennial 143

Index of Articles and Materials Published in “The Bulletin of Moscow State University” Series 22 — Teoria perevoda in 2014 148

ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Н.Н. Миронова,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: nnmironova@yandex.ru

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ — ПЕРЕВОДЧИК

КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИРИКИ.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Известные стихотворения Генриха Гейне, Иоганна В. Гёте, Фридриха Шиллера, принадлежащие золотому фонду немецкой классической лирики, в переводах Михаила Лермонтова на русский язык стали образцами русской классической лирики. На основе теории поэтической эквивалентности Р. Якобсона и теории тематической и формальной эквивалентности В. Шмида проводится исследование переводов в их соответствии/несоответствии оригиналу. Рассматриваются вопросы рецепции поэзии М.Ю. Лермонтова в Германии в их ретроспективе.

Ключевые слова: немецкая классическая поэзия, русская классическая поэзия, поэтическая эквивалентность, тематическая эквивалентность, формальная эквивалентность, свободный перевод, рецепция.

Nadezhda N. Mironova, Dr. sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: nnmironova@yandex.ru

Mikhail Lermontov as Translator of Classical German Lyric Poetry

Famous poems by Heinrich Heine, Johann W. Goethe and Friedrich Schiller are classical German lyric poetic works par excellence. The poems as translated by Mikhail Lermontov are considered to be paragons of classical *Russian* lyric poetry. The present research of the poetic translations is conducted on the basis of Roman Jakobson's poetry equivalence theory and V. Schmidt's thematic and formal equivalence theory to show equivalence / lack of equivalence between original poems and their translated versions. Some issues of reception of Mikhail Lermontov's poetry in Germany are reviewed in retrospect.

Key words: classical German poetry, classical Russian poetry, poetic equivalence, thematic equivalence, formal equivalence, loose translation, reception.

Оценивая переводы стихов А.С. Пушкина, М.И. Цветаева подчёркивала: «...переводить такого поэта должен поэт» [цит. по: Эткинд, 1999, с. 541]. С полным правом эту оценку можно отнести и к лирике М.Ю. Лермонтова. Стихи и проза Лермонтова известны в Германии и Австрии. Рильке, известный немецкий поэт, перевёл всего одно стихотворение Лермонтова, — «Выхожу один я на дорогу...». «Перевод этот гениален, он один может открыть немцам суть лермонтовской лирики», — справедливо заметил Е.Г. Эткинд [Эткинд, 2001, с. 305]. Сопоставляя немецкий язык с французским

и русским языком, М.И. Цветаева писала в письме к Рильке: «...немецкий ближе всех к родному». Немецкий и русский языки ближе к поэзии... [Цветаева, 1992, с. 92]. Оспаривать это положение неуместно, если вспомнить, как много стихов немецких поэтов перевели русские поэты. М.Ю. Лермонтов — великий русский поэт — известен как великолепный переводчик произведений немецких авторов — Шиллера, Гёте, Лессинга, Клингера, Лейзевица, Гейне, Э.-Т.-А. Гофмана. Лирическое наследие Лермонтова привлекло внимание таких известных отечественных теоретиков художественного перевода, как И. Андроников, Б.М. Эйхенбаум, Э.Э. Найдич, А.В. Фёдоров, С.М. Финкель и др. Лермонтов — романтик, он ищет в поэзии небесную гармонию, что выражается и в звуке, и в слове. Музыкой стиха романтики выражают гармонию культуры, по мнению А. Блока [Блок, 1995, с. 444]. «Романтической лингвистикой» назвал Е.Г. Эткинд языковую концепцию Лермонтова в его поэзии [Эткинд, 1999, с. 26—27].

М.Ю. Лермонтов стал романтиком во многом благодаря знакомству с немецким романтизмом.

К переводам стихов немецкого романтика Ф. Шиллера Лермонтов обратился в 1829 г. Отметим, что рецепция Ф. Шиллера в русской культуре связана с появлением переводов В.А. Жуковского, гения перевода, по словам А.С. Пушкина¹. Начиная с 1800 г. и далее, В.А. Жуковский переводил немецкую лирику и баллады². Оценке этих переводов посвящены работы, основывающиеся на литературоведческом и лингвистическом переводоведении, включая статьи и монографии начала XXI в. [Schutte, 2005; Vockery, 2001].

Первое знакомство с поэзией Шиллера через полвека завершилось в 1857—1861 гг. собранием его сочинений на русском языке в девяти томах. Это издание обогатил тщательно подготовленный лингвокультурологический и исторический комментарий³. Интерес к личности немецкого поэта и его творчеству не прекращался: позже появились и новые переводы и литературоведческие издания⁴.

---

¹ См.: Пушкин А.С. Письмо к Гнедичу от 27 сентября 1822 года. А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 48. Цит. по [Чуковский, 2011, с. 31].

² Pein, A. Schiller and Zhukovsky / Aesthetic Theory in Poetic Translation, Mainz, 1991.

³ См.: Гербель В.Г. О русских переводах Шиллера // Ф. Шиллер. Соч.: В 9 т. С.-Петербург, 1857—1861. Т. 1. С. 257—273.

⁴ Peterson, O.P. Schiller in Russland / 1785—1805. New York, 1934; Ders., Schiller und die russischen Dichter und Denker des 19. Jahrhunderts / 1805—1881. New York, 1939; Harder, H.-B. Schiller in Russland. Bad Homburg v.d.H., 1969; Kostka, E.K. Schiller in Russian Literature. Philadelphia, 1965; Danilevskij, R.Ju. Schiller in der russischen Literatur / 18. Jahrhundert-erste Hlfte 19. Jahrhundert. Dresden, 1998.

В названных литературоведческих штудиях, отражающих панораму рецепции Ф. Шиллера в России, содержатся многочисленные замечания, касающиеся подробной истории произведения и оценки его перевода с немецкого на другие европейские языки, включая русские переводы, начиная с конца XVIII в. Немецкие исследователи отмечают наиболее важный вклад великого русского поэта Лермонтова в процесс рецепции Ф. Шиллера, что проявилось в передаче метрических компонентов стиха. Так, в 1829 г. появился перевод известной баллады Ф. Шиллера «Перчатка» («Handschuh»). Позже перевод этой баллады выполнил В.А. Жуковский. Именно в его переводе это произведение Шиллера публикуется в современных собраниях сочинений на русском языке.

М.Ю. Лермонтов весьма интересовался и переводами драматических произведений Шиллера. Немецкий язык, лаконичный и точный, повлиял на выбор названий его произведений на русском языке. До настоящего времени в собраниях сочинений М.Ю. Лермонтова они приводятся по-немецки: например, «Menschen und Leidenschaften».

Влияние творчества Ф. Шиллера на М.Ю. Лермонтова проявилось и в упоминании пьесы Шиллера «Разбойники» в реплике героя в драме Лермонтова «Станный человек» (1831).

Всего Лермонтов перевёл шесть произведений Шиллера: они представляют собой такие жанры шиллеровской поэзии, как любовно-лирическое и элегическое стихотворение («An Emma», «Die Begegnung»), эпиграмма из раздела «Ксений» («Teile mit mir was du weisst»), философское двустишие («Das Kind in der Wiege»), сюжетное произведение-баллада («Der Handschuh»), драматический диалог (разговор ведьм из «Макбета»). Сравнивая переводы баллады «Перчатка» («Der Handschuh») М.Ю. Лермонтова (1829) и В.А. Жуковского (1831), А.В. Фёдоров утверждал, что переводчики применили в переводах различную метрику: в немецком оригинале чередуются строки «разного слогового и акцентного строения, местами напоминающего рифмованный *vers libre*» [Фёдоров, 1941, с. 135], его воспроизводит М.Ю. Лермонтов, предлагая близкий ритмический вариант на русском языке. В отличие от него В.А. Жуковский «избрал для её передачи разностопный ямб без строгой системы рифм — стих басенного типа» [Федоров, 1941, с. 136]. Это — один из примеров обогащения русской метрики при переводе. Интересно проявляется и замена имён собственных при переводе. Так, заголовок стихотворения «An Emma» М.Л. Лермонтов передаёт как «К Нине» (имени, весьма популярном как в свете, так и в творчестве самого Лермонтова; 1829), у В.А. Жуковского стихотворение называется «К Эмме», как в оригинале (1819).

Ранние переводы с немецкого языка (1829) выявляют недостатки Лермонтова как переводчика. Речь идёт, скорее, о приспособлении «оригинала к условиям русской традиции жанра».

Позже перевод станет для Лермонтова созданием вариаций на тему в которых отмечается значительный отход от оригинала.

Обратимся к наследию Иоганна Вольфганга фон Гёте, классика немецкой литературы. Его произведения были и остаются в центре внимания переводчиков, литературоведов и историков. Поэма «Фауст», лирика, драмы, статьи популярны в разных сферах искусства во всем мире. Рецепция Гёте в России продолжается столетия.

И есть одно небольшое стихотворение, написанное Гёте во время его путешествия в горы, гениальный перевод которого на русский язык М.Ю. Лермонтовым позволяет отнести его как к сокровищнице немецкой лирики, так и к золотому фонду русской лирики. Это «Wanderers Nachtlied» — «Ночная песнь странника»⁵. Перевод полностью передаёт атмосферу стиха, это — тихая грусть о неизбежном конце.

По справедливому мнению А.В. Фёдорова и С.М. Финкеля, в оригинале наблюдаются колебания ритма, рифмовка несимметрична, отсутствует членение на строфы, «...в переложении М.Ю. Лермонтова появляется плавный хорей, образуются замкнутые синтаксические группы: или целое предложение (во второй части стихотворения), или группа главного члена предложения (подлежащего в нечётных стихах первой половины и сказуемого в чётных); возникает отчётливый ритмико-синтаксический параллелизм, рифмовка приобретает полное единообразие. И только короткая стихотворная строка до некоторой степени отражает короткий же, но своеобразно отрывистый, нисколько не плавный стих Гёте» [Фёдоров, 1941, с. 161].

Über allen Gipfeln
In allen Wipfeln
Ist Ruh',
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

И.В. Гёте

Горные вершины
Тихие долины
Спят во тьме ночной;
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты...

М.Ю. Лермонтов

⁵ Встречается также название «Ночная песнь путника».

В настоящее время в ряде случаев отсутствует указание на перевод: автором стихотворения считается М.Ю. Лермонтов⁶.

У Гёте в его стихотворении нет образа дороги и листопада, отсутствует лексика «долины, полные свежей мглой», «ночная тьма...». В русском стихотворении нет образа смолкших птиц. Тем не менее общее настроение передано точно. Вместе с тем, последние две строки допускают большое смысловое расхождение: мотив покоя у Гёте может восприниматься буквально, в отличие от строк Лермонтова, где вполне приемлемо философское понимание покоя: вечного покоя.

Генрих Гейне — один из самых популярных немецких поэтов — стал известен в России в 1838—1839 гг., когда его переводы на русском языке начинают печататься в журналах: «Московский Наблюдатель», «Отечественные Записки», «Современник».

М.Ю. Лермонтову принадлежит перевод стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» («На севере диком стоит одиноко...») из «Книги песен» («Buch der Lieder», 1827). Вольный, по своей сути, перевод был выполнен Лермонтовым в 1841 г., последнем году своей земной жизни. Это известные всем строки, которые сегодня не маркируются как перевод, — стихотворение существует самостоятельно⁷:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh';
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

Г. Гейне

М.Ю. Лермонтов

Первая редакция перевода более близка к подлиннику, чем вторая редакция, приведённая выше. В качестве эпиграфа для первой редакции Лермонтов выбрал первые строки стихотворения Гейне на немецком языке:

⁶ Так звучит музыкальное произведение: «Горные вершины спят во тьме ночной...». Романс А.Е. Варламова на слова М.Ю. Лермонтова. Отметим также, что Л.В. Щерба считал, что «лермонтовское стихотворение является... совершенно самостоятельной по содержанию пьесой, очень далекой от своего quasi-оригинала» [Сб. «Советское языкознание». Л., 1936, т. II, с. 130].

⁷ Ср. надпись под картиной, иллюстрирующей это стихотворение: «Иллюстрация к стихотворению Лермонтова “На севере диком...”». Рисунок И. Шишкина, 1890 г. Третьяковская галерея, Москва.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh';
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

Г. Гейне

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf Kahler Höh

Heine

На холодной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаясь, дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
В далёкой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

М.Ю. Лермонтов

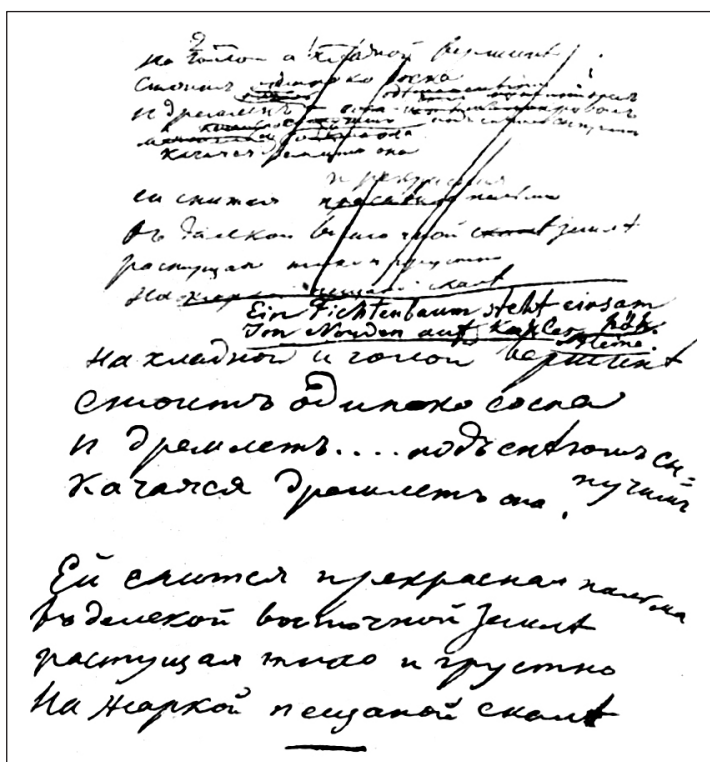

Рис. Автограф М.Ю. Лермонтова: первая версия перевода
«На севере диком стоит одиноко...»

Если мы сравним обе редакции перевода «Ein Fichtenbaum steht einsam», то можно утверждать, что первая редакция ближе к оригиналу, а вторая изобилует лексикой, которой нет в оригинале.

Лермонтов и метрически усложняет его⁸, вводя чередование четырёхударных стихов с трёхударными (вместо сплошных трёхударных стихов первой редакции, соответствующих подлиннику); он вносит в стихотворение своеобразную рифмовку (в оригинале попарно рифмуют лишь чётные стихи с мужскими окончаниями: 2-й стих с 4-м, 6-й — с 8-м; в первой редакции сохранена эта система рифмовки, оставленные Лермонтовым без всякого указания на переводность, на источник, то окажется, что во второй рифмуют также и нечётные, но не через стих, а через три стиха: 1-й стих с 5-м, 3-й с 7-м) [Подробно см.: Фёдоров, 1941, с. 164—167]. Первый вариант перевода проще по лексике, по выбору образов, менее метафоричен и менее эмоционален.

Основным смысловым различием оригинала и перевода выступает принадлежность стихотворения к любовной лирике (Г. Гейне) либо к философскому осмыслению одиночества (М.Ю. Лермонтов). При свободном изложении смысла произошла замена субъектов: у Г. Гейне в оригинале сосна (*der Fichtenbaum*, мужской род) мечтает о пальме (*die Palme*, женский род), М.Ю. Лермонтов в переводе использовал субъекты одного и того же рода (сосна и пальма, женский род)⁹.

Гендерное несоответствие приводит к различным трактовкам смысла поэтического произведения. В других переводах иная картина: *der Fichtenbaum* передаётся названием дерева мужского рода: у Тютчева и Майкова как «кедр», у Фета — «дуб». Таким образом, в их переводах сохраняется лирическая линия.

Ein Fichtenbaum steht einsam Im Norden auf kahler Höh'; Ihn schläfert; mit weißer Decke Umhüllen ihn Eis und Schnee.	На севере мрачном, на дикой скале Кедр одинокий под снегом белеет, И сладко заснул он в инистой мгле, И сон его вьюга лелеет.
---	--

Er träumt von einer Palme, Die, fern im Morgenland, Einsam und schweigend trauert Auf brennender Felsenwand.	Про юную пальму все снится ему, Что в дальних пределах Востока, Под пламенным небом, на знойном холму Стоит и цветёт, одинока...
---	---

Г. Гейне

Ф.И. Фет

Л.В. Щерба считал, что «Лермонтовское стихотворение является... совершенно самостоятельной по содержанию пьесой, очень далёкой от своего quasi-оригинала» [Щерба, 1936, с. 130].

⁸ Здесь мы согласны с данными, представленными в фундаментальной работе А.В. Фёдорова «Творчество Лермонтова и западные литературы». М.: Главлитиздат, 1941. С. 129—226.

⁹ Эта разница в соотношении грамматических родов отмечена ещё у А. Потебни. Записки по теории словесности. Харьков, 1905. С. 69.

Стилистический диапазон Лермонтова намного богаче, чем в оригинале. Лексемы «сыпучий», «горючий», сравнение «как ризой», несомненно, принадлежат к более торжественному стилю, чем немецкие лексемы «Schnee», «Eis» «Decke». Эпитеты («прекрасная пальма», «на севере *диком*»), употребляемые Лермонтовым-переводчиком, поднимают эмотивность лирического произведения.

Но главное отличие оригинала и перевода состоит в изменении смысла, что мы наблюдали и в ранее приведённых переводах Лермонтова.

Как мы видим, при переводе немецкой классики на русский язык встречается довольно значительная вариативность. Проблема нового перевода, начиная с XVIII в., актуальна и ныне [Гарбовский, 2011]. Но существует совсем немного вариантов, которые стали авторскими. Одним из творцов таких лирических произведений малых форм по праву считается Михаил Юрьевич Лермонтов.

Весьма полезной для сопоставления переводов может быть теория эквивалентности, которой посвящены работы в самых разных научных областях. «Эквивалентность означает «равноценность», «равнозначность», «равнозначимость», т.е. равенство по какой-либо ценности, по какому-либо значению. Эквивалентность включает в себя два типа отношений: *сходство* и *оппозицию*, т.е. любая эквивалентность подразумевает одновременно и сходство, и оппозицию затрагиваемых элементов. Общее между сходством и оппозицией заключается в том, что соотносимые элементы идентичны, по меньшей мере, по отношению к одному признаку, а по отношению к другому — не идентичны» [Шмид, 2003, с. 242]. Установление сходства или оппозиции, разумеется, — всегда вопрос интерпретации. Уже решение о том, какие признаки в том или другом тексте актуализированы, зависит от точки зрения наблюдателя (о восприятии эквивалентности как герменевтической проблеме см. далее). Итак, сходство и оппозицию можно определить как связи совпадений и несовпадений относительно тех признаков, которые являются в данном контексте актуализированными. Отметим, что Я. ван дер Энг (1978) предусматривал четыре типа эквивалентности (которая у него называется «оппозиция»), а именно: 1) аналогии, 2) параллелизмы, 3) антитезы и 4) вариации. В. Шмид придерживается более простой, бинарной типологии, которая оправдана дихотомией идентичности/неидентичности элементов по отношению к признакам. Типы 1 и 4 ван дер Энга являются вариантами сходства, типы 2 и 3 — оппозиции.

В действительности же можно было бы различать и больше, чем четыре типа эквивалентности. Сам ван дер Энг ранее допускал существование шести типов [Шмид, 2003, с. 243].

Историографическое и лингвокультурологическое исследование оригинала и его переводов может быть дополнено теорией типологии эквивалентности Вольфа Шмида в художественном повествовании (нарратологии) [Шмид, 2008]. Эта теория как эвристический инструмент расширяет исследования по поэтике А.А. Потебни, Р. Якобсона, J. Schutte, применительно к практике перевода художественного текста. В. Шмид различает следующие типы эквивалентностей:

- а) языковая эквивалентность (формальная эквивалентность);
- б) смысловая эквивалентность (тематические эквивалентности) и
- в) эквивалентность звукового образа (фоническая эквивалентность) [Шмид, 2003, с. 253].

Для понимания смысловой эквивалентности приведём слова Л.Н. Толстого из письма Н.Н. Страхову (1875):

«Если бы я хотел сказать словами всё то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всём, почти во всём, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берётся одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя: а можно только посредственно — словами, описывая образы, действия, положения. Теперь... для критики искусства нужны люди, которые бы подсказывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателем в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений» (курсив мой. — Н.М.) [Толстой, 1928—1958, т. 62, с. 268—269].

Виктор Шкловский, анализируя прозу А.П. Чехова и драмы В. Шекспира, также обратил внимание на смысловую роль сцеплений в художественной литературе [Цит. по: Шмид, 2003, с. 247]: «Через сопоставления-противоречия художник добирается до сущности предмета. <...> Через остроумное противопоставление открывается сущность взаимоотношений людей». «Задачей художественного произведения является передача жизни через создание таких сцеплений и выявление таких противоположностей, которые выясняют сущность предмета».

«Сцепление идей», «сцепление смыслов», «противопоставление смыслов» — суть нарративного текста, как термины относятся

к литературоведению. Что происходит при переводе поэтического текста? По всей видимости, смысловые сцепления, возникшие при создании стихотворения, суть инварианта переводного текста, тождественного оригиналу, так что один текст существует не вместо другого, а заменяет другой, следуя классификации типов художественного перевода Иоганна Вольфганга Гёте.

Предложенная типология эквивалентностей в нарративном тексте может быть применена в виде метода изучения вариативности лирических переводов М.Ю. Лермонтова с немецкого языка на русский. Наша задача состоит в попытке определить, какие именно уровни эквивалентности имеют наибольшую значимость (ценность) в поэтическом переводе. Определяющее значение для нас состоит в понимании того фрагмента картины мира, представленного автором, который должен передать языковыми средствами переводчик. Когнитивная функция языка выходит на первый план, определяя поэтическую функцию текста (стихотворения). Помимо когнитивной функции в тексте актуализируются функции: информативная, эмотивная, экспрессивная, эстетическая. Как это показано выше, они не совпадают при передаче лирического произведения. Семантические замены («сцепления») в оригинале и переводе изменили общий смысл стихотворений. Звуковой образ (фоническая эквивалентность) претерпела ритмические изменения при переводе. Таким образом, вариативность переводов в лирике приводит к многообразию в оценке уровней эквивалентности.

Как это следует из Аннотированного каталога серии «Литературные памятники» РАН, М.Ю. Лермонтов был переводчиком отдельных сонетов Адама Мицкевича с польского языка (Москва, 1826) [Аннотированный каталог..., 1998, с. 171]; стихотворений на оссиановские темы Джеймса Макферсона с английского языка [там же, с. 213—214]; стихотворений Андре Шенье с французского языка (1819) в виде переложений [там же, с. 289—290].

Эти переводы интересны всем, кто занимается теорией художественного перевода, теорией словесности, литературоведением, изучая творчество Лермонтова-переводчика.

Список литературы

- Андроников И.* Образ Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. и коммент. изд.-ва Художественная литература. М.: Правда, 1988. С. 5—18.
- Аннотированный каталог 1948—1998 // Литературные памятники / Сост. Т.Г. Анохина, М.Л. Гаспаров, А.А. Гришунин, А.Д. Михайлов, И.Г. Птушкина. М.: Наука, 1998. 379 с. (Российская академия наук, сер. «Литературные памятники»).

- Блок А.* О романтизме // Избранное. М.: Панорама, 1995. С. 433—444 (Русская литература. XX век).
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 1. С. 3—16.
- Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 2 т. / Сост. и коммент. изд-ва Художественная литература. М.: Правда, 1988.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928—1958. Т. 62. С. 268—269.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Авалонь, Азбука — Аттикус, 2011. 448 с.
- Федоров А.В.* Творчество Лермонтова и западные литературы. Лит. наследство. Т. 43—44. М.: Главлитиздат, 1941. С. 129—226.
- Финкель С.М.* Ночная песнь странника Гёте в русских переводах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.lseptember.ru/articlef.php?ID=200101307>
- Цветаева М.И.* Письмо Цветаевой к Рильке от 6 июля 1926 г. // Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке. СПб.: Акрополь, 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.tsveteva.com/letters/rilke_rajner_7_2.php#n6_jul_1926
- Шмид В.* Нарротология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
- Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. Л., 1957. С. 97—109.
- Эткинд Е.Г.* Поэзия Пушкина во французских переводах // Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 541—561.
- Эткинд Е.Г.* Вместо предисловия // Барселонская проза / Записки незаговорщика, Барселонская проза. СПб.: Академический проект, 2001. С. 301—309.
- Die russische Lyrik. Herg. Von Bodo Zelinsky unter Mitarb. Von Jens Herlth. Böhlau Verlag Köln Weimar Wien. 2002. 491 s.
- Drews, P.* Schiller und die Sklaven. München; Berlin, Washington D.C. Otto Sanger Verlag, 2005. 296 s.
- Schutte, J.* Einführung in die Literaturinterpretation/ — 5., aktualisierte u. erw. Aufl. Stuttgart, Weimar: Verl. J.B. Metzler, 2005 (Sammlung Metzler, Band 27). 272 s.
- Vickery, Walter N.* M.Yu. Lermontov: His Life and Work. München: Verl. Otto Sagner, 2001 (Slavische Beiträge. Bd 409). 422 s.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Пэн Лин,

старший преподаватель кафедры русского языка Сианьского университета
Цзяотун; e-mail: peng_ling2002@126.com

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ФИЛОЛОГА-ПЕРЕВОДЧИКА

Становление личности филолога-переводчика является одной из составляющих процесса образования, рассматриваемое в единстве обучения и воспитания. Современные условия развития общества, подвижность профессий, диктуемых новыми формами экономического уклада страны, вызвали, на наш взгляд, и иные формы подготовки переводчиков. В качестве такой формы предлагаем в данной статье некоторые вопросы формирования социокультурной компетенции переводчика.

Ключевые слова: образование; социокультурная компетенция, социально-культурное содержание, социально-культурный минимализм, филолог-переводчик, культура, иностранные языки, межкультурный диалог.

Peng Ling, Senior Lecturer at the Department of the Russian Language of Xi'an Jiaotong University, China; e-mail: peng_ling2002@126.com

Socio-cultural Competence of Translators Trained as Philologists

The personality of the translator is one of the major components of the educational process seen as the unity of teaching and education. Current conditions of social development and occupational mobility dictated by new forms of national economic structures require, in our view, new methods of training interpreters. One of such methods, analyzed in this article, deals with some issues of socio-cultural competencies of translators trained as philologists. A technology of sociocultural material selection is presented.

Key words: formation; sociocultural competence, sociocultural content, sociocultural minimalism, translator, philologist, culture, foreign languages, intercultural dialogue.

«...особенность подхода к иностранному языку, как учебному предмету — не в изучении лингвистики как науки, а в овладении своеобразной деятельностью».

Л.В. Щерба

Характеристике социокультурной компетенции посвящено много научных работ. В Европейском стандарте изучения иностранных языков социокультурная компетенция определяется как аспект коммуникативной способности, касающейся тех особенных черт общества и культуры, которые выражаются в коммуникативном поведении членов общества [Waystage, 1996].

Под социокультурной компетенцией ряд исследователей понимают знания социокультурного контекста изучаемого языка и опыт использования этих знаний в процессе общения [Бим, 2001; Сысоев, 2001; Коренева, 2003]. Социокультурная компетенция как способность сравнивать соизучаемые лингвокультурные общности, интерпретировать межкультурные различия и адекватно действовать в ситуациях нарушения межкультурного взаимодействия рассматривается в работах В.В. Сафоновой (1996, 1997, 2001).

В данной статье в качестве рабочего определения предлагается следующее: социокультурная компетенция — это способность оперировать системой социокультурных знаний и умений при осуществлении общения в условиях диалога культур, то есть на межкультурном уровне.

Большинство исследователей отмечают многокомпонентный состав социокультурной компетенции. Содержание социокультурной компетенции можно рассмотреть в виде трёх составляющих:

а) социокультурные знания (сведения о стране изучаемого языка, духовных ценностях культурных традиций, в том числе о представителях разных этнических групп, об особенностях национальной ментальности поведения);

б) личностные отношения к фактам культуры (в том числе способность преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении, выбор приемлемого стиля общения, верная трактовка явлений иноязычной культуры);

в) владение способами применения языка (правильное употребление национально-маркированных языковых единиц в речи в различных сферах межкультурного общения, восприимчивость к сходству и различиям между родным и иноязычным социокультурными полями).

Ввиду большого богатства и разнообразия культурного наследия русского и китайского народов, а также достаточно жёстких временных рамок обучения иностранному языку в вузе необходим отбор социокультурного содержания обучения. Необходимость минимизации содержания обучения обусловлена тем, что формирование способности к межкультурной коммуникации требует достаточно длительного времени. Поэтому превышение минимально допустимого содержания обучения без учёта реального учебного времени, отводимого на его изучение в вузе, может привести к непоправимым отрицательным результатам: потере со стороны студентов интереса к изучению языка и утрате уверенности в успешном овладении изучаемым языком.

Обоснованный отбор имеет большое значение для качества обучения и его влияния на развитие личности. Наличие минимума, как известно, помогает сузить круг изучаемых явлений и даёт воз-

возможность сосредоточить внимание лишь на том, что является наиболее представительным. Это позволяет сократить учебное напряжение и повысить эффективность обучения.

Отбор социокультурного материала для обучения на начальном этапе сегодня остаётся задачей номер один. Изучение и анализ существующих подходов к отбору социокультурного материала в целом, а также его компонентов (см. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Пассов Е.И., Гальскова Н.Д., Никитенко З.Н., Осиянова О.М., Черкасс И.А., Черникова Ю.Н., Шукин А.Н., Вуйович И, Воскресенская Л.Б., Вежбицкая А., Томахин Г.Д., Ошоров Д.Д., Бабуев С.Д., Бабуева В.Д., Дондуков У.-Ж.Ш., Лхасаранова Б.Б., Намжилон Л.Б. и др.) показали, что основные положения по методике отбора материала сформулированы в виде принципов, которые, как правило, носят общий характер, а также в виде критериев, которые являются частными положениями. Для нашей работы особую значимость имеют два принципа отбора: принцип социокультурной ценности и принцип методической целесообразности, которые и определяют конкретные критерии отбора социокультурного материала для начального этапа обучения.

Эти принципы определяют конкретные критерии отбора.

Принцип социокультурной ценности состоит в выделении из всего многообразия социокультурного материала тех единиц, которые способны содействовать не только обучению общения на китайском языке, но и приобщению к китайской культуре. На основе этого принципа выделяются следующие критерии отбора:

- критерий социокультурной содержательности;
- критерий типичности;
- критерий современности и общеизвестности;
- критерий облигаторности;
- критерий достоверности;
- критерий соотнесённости фактов двух культур (родной и изучаемой).

В соответствии с принципом методической целесообразности подлежит отбору такой материал, который позволяет проводить целенаправленную работу по воспитанию уважения и чувства любви к китайскому языку, к культуре китайского народа и который охватывает наиболее важные компоненты, способствующие достижению поставленной цели. Принцип методической целесообразности включает следующие критерии:

- критерий функциональности;
- критерий учёта адресата отбора;
- критерий тематичности.

Единицей отбора социокультурного минимума является лингвокультурема, которая представляет собой «особую единицу, включающую сегменты не только языка (языкового значения), но и

культуры (внеязыкового культурного смысла), которые репрезентируются соответствующим знаком. В отличие от слова лингвокультурема содержит как собственно языковое представление, так и неразрывно связанную с ним «внеязыковую культурную среду» — устойчивую сеть ассоциаций, составляющих культурный ареал слова, который позволяет проникнуть в смысл высказывания текста как отражения культурного феномена» [Суворова, 2000, с. 11].

При отборе социокультурного содержания должны учитываться интересы обучающегося, с одной стороны, и «облигаторность» этого содержания, с другой стороны. Поставленную задачу необходимо решать, на наш взгляд, посредством изучения интересов студентов, начинающих изучать китайский язык на начальном этапе, и анкетирования носителей языка, которые должны выполнить роль экспертов при определении облигаторного (обязательного) объёма социокультурной информации.

Например, можно задать следующие вопросы:

1. Что Вы хотели бы узнать о Китае?

2. Чему Вы хотите научиться, изучая китайский язык?

Для определения облигаторного (обязательного) объёма социокультурной информации необходимо использовать и данные анкетирования носителей китайского языка, которые должны выразить своё мнение по поводу того, что из культурного наследия китайцев должны знать студенты, начинающие изучать китайский язык.

Согласно критерию социокультурной содержательности необходимо отобрать те факты национальной культуры, знание которых необходимо для формирования социокультурной компетенции. Например, лингвокультурема «Tiānānmen» должна быть включена в содержание обучения как компонент лингвострановедческих и экстралингвистических знаний, потому что обучающиеся китайскому языку должны знать государственные символы КНР.

Социокультурный материал, отобранный по критерию типичности, отражает наиболее типичные факты действительности китайской культуры и создаёт более точное представление о Китае. Социокультурный минимум обязательно должен включать, например, такие лингвокультуремы, как: *baozi* — национальное блюдо из теста с разными начинками, *zīpào* — национальное женское платье, *Chūnjié* — праздник Нового года по лунному календарю, и т.д.

Критерий современности и общеизвестности — условие для отбора фактов национальной культуры, которые актуальны в быденном, массовом сознании среднего носителя языка и которые являются для него привычными, не осознаются им, но неизвестны представителю другой культуры. Согласно этому критерию рассматриваются те элементы культуры, которые имеют наиболее распространённый, общий характер. Например, вопрос «*Nǐ chī le ma?*» (А ты сегодня поел?) — это своеобразное приветствие китай-

цев, зародившееся в далёкой древности, остаётся актуальным и по сей день. Этот вопрос вызывает удивление у представителей другой культуры. Однако для китайцев это привычный и известный для всех вопрос, который обязательно задаётся при встрече.

Согласно *критерию облигаторности* в социокультурный минимум включены лингвокультуремы, которые обязательно необходимо знать каждому образованному человеку. Например, информация об известных китайских учёных Цай Лунь, Чжан Хэн, Хуа То, Лу Бань, Би Шэн, Чжан Хэн, Цянь Сюэсэнь, о классиках литературы Цюй Юань, Сыма Цянь, Ло Гуаньчжун, Цао Сюэцинь, о китайских художниках, каллиграфрах Ван Сичжи, Ван Вэй, Ци Байши, Чжан Дачиан, об известных киноактёрах и режиссёрах Чжан Имоу, Чжао Беньшань, Фэн Гун, о поэтах династии Тан: Ли Бэй, Ду Фу, Бо Цзюйи, Мэн Хаожань, Ли Шаньбинь, о легендах и преданиях, например, о Чан Э и Хоу И должны быть включены в качестве компонентов экстралингвистических знаний.

Критерий достоверности требует отбора проверенных фактов и подбор информации из надёжных и авторитетных источников с тем, чтобы не исказить национально-культурную картину.

Критерий соотнесённости фактов двух культур (родной и изучаемой) предполагает отбор социокультурной информации, которую можно рассмотреть с точки зрения сравнения этих культур. Это позволяет выявить общие и различные факты и сделать анализ для более эффективного овладения сведениями культуры. Например, все особенности национально-маркированной лексики можно обнаружить лишь при сравнении двух языков. Так, слово «сорока» в русском языке имеет негативные коннотации, а в китайском языке позитивные: означает встречу, любовь, так как по легенде именно сороки помогли влюблённым встретиться (мост из сорок).

Критерий тематичности ограничивает отбор материала рамками представленной программы. Например, начальный этап обучения китайскому языку не включает такие темы, как «Искусство», «Общественно-политическое устройство» и т.д.

Критерий учёта адресата отбора предполагает отбор материала с точки зрения его доступности и соответствия возрасту, интересам и речевому опыту обучающихся. В отличие от школьников, в вузе студенты в рамках темы «Учёба» больше внимания уделяют работе над материалом о своём вузе, о других вузах города и вузах других городов, о свободном времени своих ровесников, о будущей профессии.

Согласно *критерию функциональности* производится отбор материала в зависимости от его функционального назначения. Например, благопожелания, пословицы, поговорки и загадки помимо того, что демонстрируют образцы вербального поведения и рас-

крывают своеобразие видения мира китайцев, но и могут быть использованы для презентации и тренировки фонетического, лексического и грамматического материала. Более того, такой материал имеет большую воспитательную и образовательную ценность.

Далее необходимо соотнести данные анкетирования носителей китайского языка с интересами обучаемых и применить описанные критерии отбора к полученному материалу, что позволит выделить социокультурный минимум в соответствии с компонентами социокультурного содержания обучения, установленными рядом исследователей в методике обучения языкам. К ним относятся знания, навыки и умения, отношение к деятельности.

Компонент содержания обучения «знания» подразумевает теоретическое владение материалом и включает лингвострановедческие и экстралингвистические знания.

Этот компонент содержания является предметом исследования следующей статьи.

Итак, технология формирования социокультурного минимума переводчика должна найти своё выражение в следующих таблицах.

Социокультурный минимум филолога-переводчика
Лингвострановедческие знания
Реалии

Географические реалии	Этнографические реалии	Общественно-политические реалии	Реалии современной культуры и искусства
----------------------------------	-----------------------------------	--	--

Коннотативная лексика

Лексическая группа «флора»	Лексическая группа «фауна»	Лексическая группа, обозначающая особенности ландшафта	Лексическая группа, обозначающая элементы культуры
-----------------------------------	-----------------------------------	---	---

Фоновая лексика

Слова, словосочетания	Фразеологизмы, элементы фольклора
------------------------------	--

Навыки и умения вербального и невербального поведения

Экстралингвистические знания: знания государственной символики и устройства, истории, географии, традиций и т.д.

Сегодня, как никогда прежде, задачи профессиональной подготовки сблизились с целями развития личности, особенно личности филолога-переводчика, его гражданского, нравственного, культурного совершенствования. Л.В. Щерба точно и тонко заметил, что обучение иностранным языкам это, прежде всего, «овладение своеобразной деятельностью», т.е., на наш взгляд, — формирование социокультурной компетенции, являющейся базовой составляющей филолога-переводчика.

Список литературы

- Бердичевский А.Л.* Языковая политика и методика преподавания иностранных языков в странах Европы // Иностранные языки в школе. 2002. № 5. С. 16—22.
- Бим И.Л.* К проблеме системности в овладении основами общения на иностранном языке // Иностранные языки в школе. 1987. № 6. С. 14—20.
- Богомолова О.И., Гунжитова Г.-Х.Ц., Дареева О.А. и др.* Мэндэ-эл: Начальный курс бурятского языка: Учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. 236 с.
- Болдырева Т.В.* Социокультурная компетенция как связующее звено иноязычной коммуникативной и межкультурной компетенций в обучении иностранному языку // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2011. № 15. С. 100—105.
- Вартанов А.В.* От обучения иностранным языкам к преподаванию иностранных языков и культур // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 21—25.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
- Вельская О.А.* Лингвострановедение в языковом вузе // Иностранные языки в высшей школе. М.: Высшая школа, 1978. Вып. 13. С. 5—11.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова иностранного. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
- Воробьев Г.А.* Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 30—35.
- Каплунова Н.С.* Социокультурная компетенция как основа социокультурного общения // Культура. Наука. Интеграция. 2012. № 2. С. 100—104.
- Сафонова В.В.* Культуроведение в системе современного языкового образования // Иностранные языки в школе. 2001. № 3. С. 17—23.
- Сысоев П.В.* Культурное самоопределение обучающихся в условиях языкового поликультурного образования // Иностранные языки в школе. 2004. № 4. С. 14—20.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 264 с.
- Фурманова В.П.* Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1993. 124 с.
- Хацкевич Е.В.* Навыки и умения вербального и невербального поведения в структуре социокультурного содержания обучения иностранным языкам // Вестн. Бурятского ун-та. Теория и методика обучения в вузе и в школе: Сб. науч. тр. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. Вып. 4. Сер. 8. С. 23—32.
- Щерба Л.В.* О двуязычии // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 53.

- Шукин А.Н.* Обучение иностранным языкам. Теория и практика. М.: Филоматис, 2004. 408 с.
- Языкова Н.В.* Социокультурный подход к обучению предметам языкового цикла // Вестн. Бурятского ун-та. Сер. 8: Теория и методика обучения в вузе и школе. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та. 1998. С. 3—10.
- Standards for Foreign language learning: Preparing for the 21st century: Printed by Allen Press, Inc. Lawrence, KS, 1996.
- 宋梅砚, 语言文化教学与“文化体验”研究, 《河南大学学报(社 科版)》, 2010年, N 4.
- 彭文钊, 语言世界图景的知识系统: 结构与生成, 《中国俄语教 学》, 2008年, N 1.

ПОЭТИКА ПЕРЕВОДА

М.О. Алексеева,

кандидат филологических наук, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: monorime@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗВУЧАНИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ И О ПЕРЕВОДЕ СТИХОВ ЮЛИАНА ТУВИМА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются специфические особенности польского стихосложения и связанные с ними сложности, возникающие при переводе с польского языка на русский и наоборот. Автор анализирует некоторые просодические аспекты поэтических текстов: способы рифмовки, стихотворные размеры, строфику и т.д. и особенности их реализации в польском и русском языках. Проблемы перевода русской поэзии на польский язык и польской на русский раскрываются на примере оригинальных стихов и переводов Ю. Тувима.

Ключевые слова: польская поэзия, поэтический перевод, просодика, система рифм, стихотворный размер, Юлиан Тувим.

Marianna O. Alekseyeva, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

Translating Russian Poetry into Polish and Russian Translations of Poems by Julian Tuwim

The article reveals specific peculiarities of Polish versification and corresponding difficulties that appear in translation from Polish into Russian and vice versa. The author analyzes several prosodic aspects of poetic texts: rhyme methods, meter, strophe scheme, etc., as well as some of their peculiarities in the Polish and Russian languages. Some issues of translating Russian poetry into Polish and Polish poetry into Russian are explained based on a number of poems and translations by Julian Tuwim.

Key words: Polish poetry, poetic translations, prosody, rhyme system, poetic meter, Julian Tuwim.

Юлиан Тувим — может быть, наиболее знаковый польский поэт, воплотивший в своих стихах хрупкость и стойкость, нежность и иронию, безнадежность и веру в лучшее, столь свойственные душе польского интеллектуала и интеллигента. Однако он проявил себя и как блистательный переводчик. Ещё в детстве прикоснувшись к великой русской литературе, он был навсегда очарован русской поэзией. Впоследствии именно Тувим познакомил польского читателя со многими русскими поэтами — от Пушкина и Грибоедова до Пастернака и Твардовского. Северин Поллак, известный литератор, издатель и переводчик, писал: «Он был одно-

временно самым крупным популяризатором русской поэзии в Польше и создателем современной школы перевода» [Pollak, 1952, s. 104]. В качестве переводчика Тувим всегда ставил перед собой максимально объёмные задачи и виртуозно их решал. Одарённый моцартовским (или пушкинским!) лёгким и многогранным талантом, он одинаково ярко работал во всех жанрах: был органичен и блестящ в любовной и философской лирике, в сатире и гражданской поэзии.

Юлиан Тувим был убеждён, что переводчик должен не только максимально точно передать содержание поэтического текста, scrupulёзно выстраивая стилевые и лексические соответствия, но и следовать в переводе ритму и мелодии оригинала. Как он сам писал, стихотворение «плывёт музыкально, вздымается, опадает, звучит, играет оттенками слов и скрытыми в них звучаниями, управляется логикой своей мелодии» [Тувим, 2000, с. 4], и эту мелодию переводчик обязан услышать и подхватить.

Именно в работе над русскими стихами проявился не только самобытный поэтический дар Тувима-переводчика, но и его способность подчинить свою индивидуальность строю и ритму чужой речи.

Польский язык, по сравнению с русским, существенно более традиционен. Это связано с двумя, казалось бы, взаимоисключающими явлениями: с достаточно поздней самоидентификацией поляков, с одной стороны, и с их обострённым чувством национальной принадлежности — с другой. Польский язык до сегодняшнего дня опирается на праславянские языковые реликты (результат длительного отсутствия ментальной и, соответственно, языковой самостоятельности) и тщательно, и трепетно их сохраняет на протяжении всего периода своего существования и развития (демонстрация самости, сознательная консервация особенностей и отличий польского языка от других славянских языков). Можно утверждать, что в польском языке получило отражение своеобразие ментальности польского народа. И яркая иллюстрация тому — польские носовые гласные (nosówki). Этот праславянский реликт сохранился только в польском языке, что говорит о его приверженности старославянской традиции и — одновременно — является своеобразным знаком его исключительности в семье славянских языков и предметом особой гордости поляков¹. Русский язык, в отличие от польского, на протяжении своего развития испытал на себе множество самых разнородных влияний и существенно дальше ушёл от своих праславянских истоков.

---

¹ Можно говорить о первом, втором и третьем южнославянском влиянии, о важном периоде заимствований в Петровскую эпоху, о формировании «нового русского слога» в эпоху Н.М. Карамзина и так далее.

Эти особенности во многом определили отношение к своему языку поляков и русских. Польские писатели и поэты всегда позиционировали себя как хранители уникальности языковой картины польского мира. Носители русского языка — даже литераторы и лингвисты — были на порядок демократичней, мобильней и, следует признать, беспечней.

Непосвящённым может показаться, что стихотворный перевод с русского на польский (и наоборот) не представляет особых трудностей: языки родственные, их лексическое и синтаксическое сходство очевидно, зачастую переводчик может обойтись и без подстрочника. Однако профессиональные переводчики знают, что такое сходство в ряде случаев может не только не облегчать, но даже затруднять перевод: в попытках использовать аналогичную языковую конструкцию переводчик теряет стилевое и ритмическое соответствие, нарушает органичность построения фразы, грамматические и лексические нормы. В рамках данной статьи у нас будет возможность подтвердить это конкретными примерами из переводов стихов Тувима на русский язык.

Целый комплекс сложных проблем встаёт перед переводчиком поэтических текстов с польского или на польский. Здесь мы будем говорить даже не о передаче полнообъёмного семантического содержания подлинника, а о сохранении его ритмической организации (прежде всего стихотворного размера) и системы рифм (мужских, женских, дактилических, гипердактилических).

Почти непреодолимые трудности возникают из-за разности просодий в польском и русском языках. Речь идёт, в первую очередь, об ударении. В русском языке ударение подвижное и может падать на любой слог, а в польском оно фиксировано на предпоследнем слоге — и исключений практически нет. Причём при изменении количества слогов в парадигме ударение почти всегда остаётся на том же предпоследнем слоге.

Эта особенность польского языка порождает массу формальных сложностей в стихотворном переводе с русского на польский.

Во-первых, дактилическая и гипердактилическая рифмы в польских стихах — явление априори невозможное. А как без неё переводить Некрасова и Лермонтова, в поэтике которых особенно ярко являет себя дактилическая рифма, или Брюсова и Маяковского, которые виртуозно использовали рифму гипердактилическую, — не говоря уже о русском фольклоре? Тувим, кстати, блистательно перевёл поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» с огромным числом дактилических рифм и пушкинскую «Сказку о попе и о работнике его Балде» с гипердактилическими рифмами.

Во-вторых, возникают определённые сложности с адекватной передачей ритмической организации стихов с мужской рифмой. В

русской поэзии она используется очень активно, так как способна сообщать строфе особую энергичность, витальность — без неё невозможен знаменитый русский ямб. В польском стихосложении очень мало мужских рифм и ямбический стих используется крайне редко, что, безусловно, связано с акцентацией: в польском мужская рифма возможна, только если в конце стиха стоит односложное слово. Согласитесь, крайне затруднительно сохранить адекватную передачу содержания, используя в концевых рифмах исключительно односложные слова! Кроме того, в любом языке количество таких слов весьма незначительно. Нельзя не привести здесь высказывание самого Тувима, демонстрирующее его неподдельное отчаяние, облечённое как всегда в чуть ироничную форму: «Ограниченное количество односложных слов в польском языке плюс постоянство польского ударения (на втором слоге от конца) — сущее наказание для переводчика. Тот, кто стремится верно передать ритм оригинала (а к этому надо стремиться всегда), как правило, сталкивается с невероятными затруднениями. И лишь с помощью головоломных вывертов, хитрых приёмов, вольтов и выкрутасов удаётся довести постройку четверостишия до конца. Сколько слов приходится переставить, переделать, покалечить, укоротить или вытянуть, дабы целое вошло в тесную колею определённого ритма, достойно связалось с предыдущей и последующей строками, сцепилось бы с ними рифмой и прочно утвердилось на фундаменте последнего стиха» [Тувим, 2000, с. 6].

Однако дело не только в этом. Для польской поэзии более органична силлабическая система стихосложения, а русское стихосложение ушло от силлабического стиха уже к середине XVIII в., активно развивая и доводя до совершенства силлабо-тоническую систему.

Надо сказать, что Тувим-переводчик виртуозно справлялся с подобного рода сложностями. В качестве иллюстрации приведём некоторые примеры. Так, в стихотворении Константина Бальмонта «Разлучённые» [Бальмонт, 1969, с. 87] мы слышим классическую мелодию романса. Женская рифма здесь чередуется с дактилической, создавая плавный, изысканный ритм:

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной! —
Над водой, над рекой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной...

Czy spoglądam ze smutkiem, z tęsknotą,
O, z tęsknotą głęboką, bezkresną!
W głębię rzeki, w toń wód oniemiałą,
Oniemiałą, bezgłośną, bolesną [Balmont, 1921, s. 25]

Переводчик заменил дактилическую рифму женской — это, естественно, изменило ритмический рисунок и придало стихотворению несколько иную мелодию, но не лишило его романсового обаяния и задушевности.

Стихотворение Бальмонта «Тишина» [Бальмонт, 1969, с. 61] построено только на мужской рифме, и Тувим, несмотря на трудности подбора односложных слов, сумел её сохранить во всех четырёх строфах перевода. В оригинале лишь немногие строки завершаются односложным словом, а в переводе — все без исключения. Приведём только одно четверостишие:

Задремавшая река	Jaśń obloków, modry cud,
Отражает облака,	Odzwierciedla głębia wód,
Тихий, бледный свет небес,	Cichy, bladej odcień chmur,
Тихий, тёмный, сонный лес.	Cichy, ciemny, senny bór

[Balmont, 1921, s. 13].

Здесь переводчик воссоздал бальмонтовскую хореическую стопу и ямбическую рифму при том же количестве стоп. В последнем двустишии благодаря общности польского и русского языков удалось сохранить даже авторскую синтаксическую конструкцию и аллитерацию.

Экстремально сложной для перевода является пушкинская «Сказка о попе и о работнике его Балде» (Wajka o popie i jego parobku Jołopie) — с её неожиданными ритмическими перебивками и многообразием рифм. Во имя сохранения общего звучания, смысла и стиля переводчик вынужден идти на серьёзные жертвы. Вот только один пример:

Черти стали в кружок,
Делать нечего — собрали полный оброк.
Идёт Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.

[Пушкин, 1960, с. 307—308]

Nie ma co — zebrali czarci wszystkie myta,
Niesie Jołop worek na plecach, zębami zgrzyta.
Zobaczył go pop — skoczył za popadnię,
Łydki mu się trzęsą, ledwo ze strachu nie upadnie.

[Puszkin, 1954, s. 207]

Ритмическая организация строфы у Тувима столь же прихотлива, как и у Пушкина, но при этом оригинал и перевод существенно различаются и просодически, и структурно — меняется строфика, число стоп, размер. И вместо мужской, дактилической и гипер-

дактилической рифм в польском переводе используется только женская. Обращает на себя внимание, что Тувим «перевёл» и имя главного героя сказки: Балда в польском тексте зовётся Јојор (тупица, остолоп, олух, болван). Действительно, это необходимая мера — очевидно, что в данном случае имя героя в переводе обязательно должно вызывать тот же комплекс ассоциаций, что и в оригинале.

Поэзия Юлиана Тувима всегда была созвучна рефлектирующей русской душе. Надо сказать, что Тувима в России переводили довольно активно, однако совсем не так хорошо и полно, как хотелось бы, несмотря на то что его стихи привлекали внимание очень крупных поэтов — Анны Ахматовой, Марии Петровых, Давида Самойлова, Леонида Мартынова. Много поколений российских детей выросли на его детских стихах — знаменитые «Азбука» или «Птичье радио» до сих пор помнятся наизусть. А в более романтическом возрасте мы заслушивались тувимовским «А может, нам с тобой в Томашев сбежать хоть на день, мой любимый...» в исполнении прекрасной и грустной Эвы Демарчик.

Но всё же во всей красоте и глубине Тувим в русских переводах раскрывается редко. Ведь перевод с польского требует особых усилий, особых переводческих навыков, особого музыкального слуха и особой душевной лабильности.

Переходя от общих картин к конкретике, поговорим об очень известном стихотворении Юлиана Тувима «Rzuciłbym to wszystko...» [Tuwim, 1980, s. 26—27]. На первый взгляд польский текст кажется прозрачным и ясным как по форме, так и по содержанию. И в представленном русском переводе содержание передано вполне достоверно, а вот форма... (Здесь и далее в представленных переводах подчёркивания выделяют некорректные слова и фразы, явные смысловые несоответствия или неудачные рифмы.)

Rzuciłbym to wszystko, rzuciłbym od razu,
Osiadłbym jesienią w Kutnie lub Sieradzu.

W Kutnie lub Sieradzu, Rawie lub Łęczycy,
W parterowym domu, przy cichej ulicy.

Byłoby tam ciepło, ciasno, ale miło,
Dużo by się spało, często by się piło.

Tam koguty rankiem na opłotkach pieją,
Tam sąsiedzi dobrzy tyją i głupieją.

Poszedłbym do karczmy, usiadłbym w kąciку,
Po tym, co nie wróci, popłakał po cichu.

Pogadałbym z Tobą przy ampulce wina:
«No i cóż, kochana? Cóż, moja jedyna?»

Żal ci zabaw, gwaru, tęskno do stolicy?
Nudzisz się tu pewno w Kutnie lub Łęczycy?»

Nic byś nie odrzekła, nic, moja kochana,
Słuchałaś wicheru w kominie do rana...

I dumала długo w lęku i tęsknicy:
— Czego on tu szuka w Kutnie lub Łęczycy?

Покинуть бы это однажды решиться,
Осенним бы делом заехать в Ленчицу.

В Серадзе иль Рава, Ленчице иль Кутно
Нашёл бы домишко и зажил уютно.

Тепло бы там было, мы б печку топили,
И поздно бы спали, и сладко бы пили.

Там кочеты утром поют на заборах,
Соседи глупеют в пустых разговорах.

Пошёл бы в харчевню, засел в уголочек,
О том бы поплакал, чего не ворогишь.

Тебе бы промолвил, винца наливая:
— Ну что, дорогая? Ну что, золотая?

Соскучилась, видно, грустишь по Варшаве?
Небось, надоело в Серадзе иль Рава?

А ты бы в ответ не сказала ни слова,
Всё слушала б жалобы ветра ночного,

И думала б долго, смежая ресницы:
— Чего он здесь ищет, в Серадзе, в Ленчице?

Сразу возникает ряд вопросов, главный из которых — почему тувимовский мягкий и зыбкий хорей с многочисленными пиррихиями переводчик заменил на жёсткое, регулярное стаккато амфибрахия? Ради чего? Давид Самойлов — а это именно его перевод — большой поэт и замечательный, тонкий переводчик, всегда бережно относящийся к тексту оригинала. Возможно только одно объяснение: недостаточно зная польский язык, он неверно прочёл первую строчку: здесь один из редких случаев, когда ударение, всегда в парадигме падающее на предпоследний слог, смещается и оказывается на третьем слоге с конца — *gzuciŃyut*. Если поставить ударение, как в абсолютном большинстве случаев, на предпоследний слог, то схема стиха будет выглядеть так: - / - - / - - / - - / - (четырёхстопный амфибрахий), а на самом деле она выглядит так: / - () - / - / - () - / - (шестистопный хорей с двумя пиррихиями).

Кроме того, Самойлов использует два некорректных для русского языка оборота: «осенним бы делом захватить» и «поздно бы спали». Первый невозможен априори, а второй нарушает смысловую связь глагола с наречием — спать можно «долго», но нельзя спать «поздно». А нежно-интеллигентное обращение к лирической героине «любимая, единственная» почему-то заменяется фольклорно-цыганским «дорогая, золотая», что вместе со словом «харчевня» окрашивает текст определённым образом.

Два других перевода этого же стихотворения, в отличие от самойловского, в целом сохраняют хореический размер, но вызывают другие нарекания. Первый перевод принадлежит Эрнсту Левину, а второй — Надежде Далецкой. Сразу бросается в глаза отсутствие естественного течения речи, органичного и свободного рождения стиха — оба русских текста стихотворения демонстрируют отчётливые следы насилия, принуждённости:

Бросить бы всё это, бросить бы не глядя,
Поселиться осенью в Кутно иль Серадзе.

В Кутно иль Серадзе, в Рава иль Ленчице,
В тихом переулке, в хатке поселиться.

Было б там уютно, тесновато малость,
Хорошо пилося бы, хорошо дремалось.

Петухи бы утром на заборах пели,
Добрые соседи пухли и глупели.

Сел бы я за столик в кабачке напротив
И оплакал тихо то, что не воротишь.

У тебя спросил бы, отхлебнув вина, я:
«Ну и что ж, любимая? Что ж, моя родная?»

Жаль тебе веселья, гомона столицы?
Ты, небось, скучаешь в Кутно иль Ленчице?»

А моя родная, слова не ответив,
До утра бы слушала в дымоходе ветер

И с тоскою думала, опустив ресницы:
«И чего он ищет в Кутно иль Ленчице?»

Разом бы покинуть всё, всё покинуть разом
И осесть бы осенью в Кутно иль в Серадзе.

Э. Левин

В Кутно иль в Серадзе, в Рава ли, в Ленчице,
В доме низкорослом, тихом приютиться.

Тесно бы там было, но тепло и мило,
И спалось бы сладко, хорошо бы пилося.

Петухи там утром глотки не жалеют,
Добрые соседи, сдобные, глупеют.

Я в корчму пошёл бы в закуток приткнуться,
Тихо бы оплакал дни, что не вернутся.

Поболтал с тобой бы, чарку наливая:
«Ну чего, голубка, что, моя родная?»

Жалко шума, блеска и забав столицы?
Скучно тебе, верно, в Кутно иль в Ленчице?

Ты в ответ, ни слова так и не ответив,
Слушала б, как плачет, жалуется ветер.

— Надо же такому, — думала, — присниться!
— Что он ищет в Кутно, что забыл в Ленчице?

Н. Далецкая

Каждый из этих переводов по-своему не совершенен: есть очевидные потери на уровне формы, стиля, смысла — и, увы, русской грамматики.

А теперь, абстрагируясь от конкретных достоинств и недостатков представленных переводов, зададим себе вопрос: а переводимо ли это стихотворение в принципе? То есть возможна ли *полноценная* передача — любыми способами! — всего объёма смыслов и коннотаций, содержащихся в его тексте?

Обращает на себя внимание, что формальная, и смысловая структура стихотворения построена на чередовании четырёх топонимов. Это названия маленьких польских местечек, расположенных в географическом центре Польши (в Лодзинском воеводстве), но удалённых от столицы страны — Варшавы. Именно в этих городках сохранилось не только то неспешное течение жизни, которого совершенно лишён суетливый городской быт, но и та квинтэссенция «польскости», которая неизбежно размывается в столичном космополитизме. Для польских читателей каждое название — Кутно, Серадз, Рава, Ленчица — наполнено особенными историческими и культурными коннотациями и содержит целый букет разного рода ассоциаций (в том числе и глубоко личных, индивидуальных — поляки прекрасно знают свою страну). Тувим в одной из своих статей предостерегал: в переводе ни в коем случае «не следует недооценивать этих факторов, этой подсознательной деятельности образов и ощущений!» [Тувим, 2000, с. 8]. Но все эти смыслы невозможно выявить, не будучи носителем польской культуры. Простого знания языка здесь явно недостаточно.

Эти маленькие даже по польским меркам городочки расположены как бы по окружности, на некотором отдалении от города Лодзи, в котором прошли детство и юность автора, — так что в стихотворении разворачивается глубоко личная история. Мы же из этого текста способны понять только, что речь идёт о глухой провинции, которая для нас абсолютно лишена какого бы то ни было

обаяния. А для лирического героя, тождественного автору рефлектирующего интеллигента, эта внешне бессмысленная и лишённая энергетики жизнь — возможность вернуться к самому себе. Лирический герой стихотворения мечтает уехать из столицы, полной развлечений и шума (*zabaw, gwaru*), сбросить с себя шелуху пёстрой столичной круговерти, однако его любимая, без которой гармония в жизни героя невозможна, совершенно не разделяет его стремления жить тихой жизнью в глухой провинции. (Очень, кстати, пушкинская ситуация!) И для неё слова Кутно, Серадз, Рава, Ленчица звучат совершенно иначе — бессмысленно и скучно (как и для русского читателя). А автор настойчиво чередует в тексте названия этих городков, как бы перебирая их в памяти, ибо они для него наполнены особой музыкальностью и нежностью. (Так же, как и упоминание в уже цитируемом стихотворении маленького города Томашев, который расположен в том же регионе.) Для Тувима эти названия символизируют некий личный «потерянный рай» — отсюда тихо-безнадёжная интонация стихотворения: герой знает, что никогда не вернётся в эти места — и никогда не будет спокоен и счастлив.

Таким образом, можно говорить о двух семантических пластах стихотворения: об очевидном смысловом наполнении традиционной дихотомии «*столица-провинция*» и о множестве неочевидных смыслов, содержащихся в противопоставлении «*Варшава — Кутно, Серадз, Рава, Ленчица*». Первый семантический пласт универсален и легко считывается в переводе: в любой европейской стране есть вполне определённые (и сходные) приметы жизни в многолюдном столичном городе и в тихом провинциальном городишке. А вот второй семантический пласт в переводе остаётся не наполненным вовсе: названия эти ничего не говорят ни сердцу, ни уму русского человека, более того, их форма, их звучание чужеродно и даже неблагозвучно для русского уха. И с этим ничего нельзя поделать! Это же не вымышленная станция под названием Chandra Unyńska, которая легко перекладывается на русский. И не до боли созвучный русской душе Mordobijski powiat из знаменитой «сентиментальной поэмы» Тувима «Пётр Плаксин», который Лев Бондаревский так и вписывает в русский текст: «Мордобойский повет». И правильно делает, потому что — при полноценном сохранении семантики — этот топоним сообщает русскому тексту особую «польскую» окрашенность:

На станции «Смертная Скука»,
Что в Мордобойском повете,
Телеграфист Пётр Плаксин
Играть не умел на кларнете.

Na stacji Chandra Unyńska
Gdzieś w Mordobijskim powiecie,
Telegrafista Piotr Płaksin
Nie umiał grać na klarnecie.

К сожалению, четыре польских топонима из стихотворения «Rzuciłbym to wszystko...» нельзя сделать значимыми для носителей русского языка и органичными для русского слуха. И мы не можем заменить Кутно, Серадз, Раву и Ленчицу на Муром, Вологду, Кострому и Тарусу, которые вызывают у нас множество национально-исторических, культурно-художественных и эмоционально-личностных ассоциаций. Получается, что даже при гипотетическом — идеальном, безупречном! — переводе основная часть плана содержания стихотворения теряется, и потеря эта — невосполнима.

Сам Тувим совершенно не обольщался возможностью достижения адекватности перевода. Стихотворение (если это не грубая версификация, а подлинное произведение искусства) — это очень хрупкий мир, сплетённый из сложных образов, еле уловимых звуков и запахов, неосознанных ассоциаций, чувств и воспоминаний. Вся эта сложнейшая структура воплощена в конкретной языковой системе и закодирована в небольшом объёме текста.

Увы, поэзия непереводаема. Но можно создать по-своему прекрасное отражение чужого поэтического мира, обладая вкусом, душой и талантом. И, конечно, стихотворный перевод — особенно, если речь идёт о гениальных стихах, — это кропотливая и трудоёмкая, практически ювелирная работа. Как писал Юлиан Тувим, стихи надо «разложить на составляющие кубики, разрезать, как картонную головоломку, и только после этого в поте лица старательно приладить фрагментик к фрагменту, чтобы все прилегло — пусть переделанное, опоященное, но все-таки, если не точно такое же (ибо сие недостижимо), то разительно похожее, вернее говоря, бесконечно приближающееся к идеалу совершенства, то есть к оригиналу» [Тувим, 2000, с. 10].

Список литературы

- Бальмонт К.* Стихотворения (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1969.
- Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. Поэмы. Сказки. С. 306—307.
- Тувим Ю.* Четверостишие в работе / Czerwiersz na warsztacie; Пер. А. Эпель. Polska, Warszawa: Instytut Książki, Новая Польша, 2000. N 6. С. 3—17.
- Balmont, Konstanty. Briusow Walery.* Liryki / Julian Tuwim. Towarzystwo Wydawnicze “Ignis”. Warszawa, 1921.
- Pollak, S.* Nad nowym przekładem «Eugeniusza Oniegina» / Nowa Kultura. 1952. N 50. 115 s.
- Puszkina, A.S.* Dzieła wybrane. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, tt. I—VI. 1953—1954. Т. II. Poematy i baśnie / J. Brzechwa, M. Jastrun, S. Pollak, J. Tuwim. 1954. 318 s.
- Tuwim, J.* Siódma jesień, Czytelnik, Warszawa, 1980. S. 26—27.

Б.Л. Бойко,

доктор филологических наук, профессор Военного университета МО РФ;
e-mail: borisboiko@gmail.com

ЗВУКИ, ЦВЕТА, СВЕТ И ЗАПАХИ В КАРТИНЕ ВОЙНЫ (по текстам «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого)

Социальный опыт восприятия войны аккумулируется в ощущениях и в слове, в текстах, образуя тот слой этнической культуры, в котором война существует в языковом этническом сознании. На материале «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого в статье анализируются сенсорные краски отдельных эпизодов войны, как они воспринимались автором и его современниками. Сопоставление фрагментов оригинала с их переводом на английский язык позволяет судить о принципиальной общности русской и английской сенсорных картин мира.

Ключевые слова: картина войны, звуки, цвета, свет, запахи войны.

Boris L. Boyko, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia; e-mail: borisboiko@gmail.com

Sound, Color and Smell in War Picture

The perception of war experience is accumulated in human feelings, language and texts. It exists as a certain layer of ethnic culture in which war is depicted in forms common for ethnic consciousness. Based on Leo Tolstoy's *Sevastopol Sketches* the article discusses sensory aspects of several episodes of war and the way they were perceived by the author and his contemporaries. The comparison of original fragments with their English translations reveals their resemblance.

Key words: war picture, sounds, colors, light, smells.

Звуки, цвета, свет и запахи отдельных эпизодов войны образуют сенсорную палитру картины войны. Ощущения — зрительные, слуховые, обонятельные (вкусовые и тактильные ощущения мы оставляем за рамками настоящей статьи) — обобщаются в социальном опыте и закрепляются в языке этноса. Звуки, краски, язык войны — одно из направлений исследований в рамках военно-исторической антропологии. С.А. Козлов на материале русской военной поэзии XX в. различает три типа звуков войны — техногенные, антропогенные, природного характера [Козлов, 2006]. Этноспецифические аспекты семантики звуковой и свето-цветовой картины войны в военной поэзии и прозе обсуждались в докладе В.А. Татарина и В.Г. Кульпиной на V Международном конгрессе исследователей русского языка [Татарин, Кульпина, 2014]. Анализу звуков и частично запахов и тактильных ощущений в картине войны посвящены наши две небольшие работы [Бойко, 2014а, 2014б].

Ниже мы предпримем попытку описания звукоизобразительных, цветовых и световых, ольфакторных фрагментов картины войны на материале текстов «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого — трёх самостоятельных произведений, объединённых темой обороны Севастополя на завершающем этапе Крымской войны 1853—1856 гг. В основу рассказов легли личные впечатления автора, командовавшего одной из батарей русской артиллерии.

Первый из рассказов — «Севастополь в декабре месяце» написан в жанре репортажа, два других — «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 года» — в художественном отношении представляют собой рассказы, имеющие сюжетную основу.

Вторая задача, которую мы ставим перед собой в данной статье, адресуется читателям Вестника Московского университета. Серия 22. Теория перевода. На материале английских переводов «Севастопольских рассказов», датированных 1935 годом [Tolstóy, 1935], мы, отвлекаясь от анализа успехов и недочётов перевода на уровне содержания и формы, попытаемся установить семантическую общность средств, с помощью которых передаются сенсорные краски картины войны на сопоставляемых языках. В лексикографическом плане межъязыковые сопоставления цветолексем рассматриваются в статье В.Г. Кульпиной [Кульпина, 2012].

Своеобразие звуков, цветов, запахов в общей картине войны и её отдельных эпизодах человек различает на основе социального речевого опыта. Звуки, цвета и запахи войны интенсивны, они воспринимаются человеком в условиях опасности для его жизни, обострённого восприятия окружающего мира. В пределах имеющихся речевых, прежде всего лексических, средств человек умеет называть или учиться именовать то, что ему дано в ощущениях как участнику или свидетелю конкретных эпизодов войны. Отдельного внимания заслуживают средства синтаксиса и грамматика обращений — эмоционально окрашенных призывов, криков «ура» — коротких фраз, свёрнутых до восклицаний, проклятий и прочих эмоционально окрашенных единиц.

Словесные обозначения отдельных фрагментов в картине войны те же, что и в общей картине мира. Сопоставляя словосочетания *звук струны* и *звук пули*, *молния грозового разряда* и *молния выстрела*, *запахи моря* и *госпитальные запахи*, мы не обнаружим в словах *молния* и *звук* какой-либо военной специфики.

Картина войны складывается из отдельных эпизодов, где в отдельности или в совокупности проявляются звуки, цвета и свет, запахи. Начнём со звуковой картины войны.

Звуковая картина войны

Звуковая картина войны в «Севастопольских рассказах», если оставаться только на военной стороне дела, представлена звуками, производимыми оружием, и звуками человеческих голосов. Звуки боевых средств — артиллерии и стрелкового оружия — это звуки производства выстрела, полёта снаряда (бомбы, ядра, пули) в направлении цели, падения, удара и разрыва снаряда в районе цели, звуки, возникающие при ударе пули при встрече с целью. Звуки человеческих голосов включают команды и крики, сопутствующие атаке или её отражению.

В звуковой картине эпизодов войны, как они показаны в «Севастопольских рассказах», главное место занимает артиллерия, отступая на второй план звуки ружейной перестрелки: *артиллерийский гул, гул бомбардирования, гул выстрела (выстрелов), гром пушек, раскатистые выстрелы, трескотня ружей*. Ожидаемое современным читателем слово *грохот* встречается в текстах рассказов всего дважды — *грохот орудий и ружейной перепалки* и *продолжительный перекатывающийся грохот* [артиллерийской стрельбы]. Большая часть лексических средств относится к литературному языку, меньшая заимствуется из профессиональной речи артиллеристов, например, слово *палить* (стрелять) автор связывает исключительно с профессиональной речью моряков, о чем сообщает в специальном примечании: ср. (противник) *...палил из всех орудий, ружейная перепалка*. Самостоятельный слой образует лексика солдатского просторечия середины XIX в. — *абразура* (амбразура), *баксион* (бастион), *маркела* (мортира) и др. Частично она воспроизводится в речи офицеров: «Что, капитан, — сказал Калугин, — когда опять на баксиончик?» [Толстой, 1973, с. 108].

Обобщённостью, отсутствием звукоизобразительной конкретики отличаются словосочетания со словом «звук» — *звуки бомб, звуки бомбардирования, звуки взрывов, звуки выстрелов, звуки стрельбы, звук разрыва, звук картечи, ружейный звук, звук пули, звук столкнувшихся штыков*. Для читателей — современников автора, не имеющих личного опыта восприятия эпизодов звуковой картины войны, описание этих звуков во многих случаях окажется умоглядным.

Конкретность звуковой картины достигается за счёт введения в описание звука дополнительного уточняющего определения, ср. *звуки гула бомбардирования* (обстрел позиций средствами артиллерии), *перекатывающийся треск, звук просвистевшего ядра*. Дальнейшая конкретизация звука достигается за счёт сравнения, когда, например, *гул артиллерийской канонады* сравнивается с *гулом*

ударов грома во время грозы, звуки частой стрельбы — с барабанной дробью (исключительно армейское по своей природе сравнение). Такое сравнение сужает круг воспринимающих до тех, кому известны звуки парадов и рутины армейского плаца:

(1) *...то быстро друг за другом следовали менее сильные звуки, как барабанная дробь, перебиваемая иногда поразительным гулом, то все сливалось в какой-то перекатывающийся треск, похожий на громовые удары, когда гроза во всем разгаре и только что полил ливень* [Толстой, 1973, с. 145] *...now less violent sounds followed one another in quick succession like the roll of drums, broken now and then by a startling boom, and now again all these sounds mingled into a kind of rolling crash, like peals of thunder when a storm is raging in all its fury and rain has just begun to fall in torrents* [Tolstóy, 1935, p. 154].

Звуковая картина артиллерийского выстрела несколько различается в зависимости от того, находится ли наблюдатель непосредственно у орудия на артиллерийской позиции или на некотором удалении. Наблюдатель, находящийся в непосредственной близости от орудия, слышит в момент выстрела *ужаснейший гул* и *удаляющийся свист снаряда*:

(2) *Вдруг ужаснейший, потрясающий не одни ушные органы, но все существо ваше, гул поражает вас так, что вы вздрагиваете всем телом. Вслед за тем вы слышите удаляющийся свист снаряда...* [Толстой, 1973, с. 97]. *Suddenly the moist fearful roar strikes not only your ears but your whole being and makes you shudder all over. It is followed by the whistle of the departing ball...* [Tolstóy, 1935, p. 103].

Чаще всё же речь идёт о звуках артиллерийских выстрелов и артиллерийской стрельбы, воспринимаемых издали: *раскатистые выстрелы* — *reverberating boom of cannon*, *беспрестанные раскаты выстрелов* — *incessant roll of the guns*. Слова и словосочетания *выстрелить*, *послать выстрел*, *звук выстрела* позволяют получить самое общее представление о звуке, конкретика описания звука имеется всё же только в семантике слова *гул*, *входящего в состав словосочетания гул выстрела*.

Полёт бомб и ядер (родовое понятие — *снаряд*), полёт пуль, разлёт осколков сопровождается следующими звуковыми эффектами:

— бомба — *свистит*, издаёт в полете *свист*, может *просвистеть* над позицией;

— ядро — *жуужжит*, издаёт в полете *свист*;

— пули — *жуужжат*, *свистят*, *визжат* (см. в тексте *визгливая пулька*);

— осколки — *жуужжат*, *шуршат*, разлетаются *со свистом* и *визгом*.

Звукоподражательный компонент в семантике слов, изображающих звуки, усиливается за счёт сравнений с «голосами» природы. Сравнения чаще всего необходимы автору для передачи звуков, сопровождающих ружейную стрельбу, полёт пуль, удары пуль при встрече с преградой:

(3) ...пули посыпались буквально как град... [Толстой, 1973, с. 199]. — *The bullets fell just like hailstones* [Tolstóy, 1935, p. 222].

(4) ...звуки ружейной, частой, как дождь, бьёт по окнам, перестрелки [Толстой, 1973, с. 197]. — *The wind brought a sound of small-arm firing, like rain pelting against window-panes* [Tolst y, 1935, p. 220—221].

(5) ...со всех сторон, кажется, слышите различные звуки пуль — жужжащие, как пчела, свистящие, быстрые или визжащие, как струна... [Толстой, 1973, с. 95]. ...*you seem to hear the different sounds of bullets all around, some humming like bees, some whistling, and some rapidly flying past with a shrill screech like the string of some instrument* [Tolstóy, 1935, p. 101].

(6) Пули свистели не по одной, как штуцерные, а роями, как стадо осенних птичек пролетает над головами [Толстой, 1973, с. 198]. *The bullets did not whistle as single ones do but came in swarms like a flock of autumn birds flying overhead* [Tolstóy, 1935, p. 222].

При встрече с целью бомба (ядро) падает, шлёпается, слышится звук удара, бомба разрывается — лопаётся. Осколки жужжат, разлетаются с визгом и со свистом, ударяются о препятствия. Пули, осколки ударяются о землю, о камень.

(7) ...недалеко от себя слышите вы удар ядра... [Толстой, 1973, с. 95]. *You think you hear the thud of a cannon-ball not far off...* [Tolstóy, 1935, p. 101].

(8) ...он слышал только, как бомба где-то очень близко шлёпнулась на твёрдую землю [Толстой, 1973, с. 131]. ...*only heard the bomb crash down on the hard earth close by.* [Tolstóy, 1935, p. 139].

(9) «Впрочем, может быть, не лопнет» [Толстой, 1973, с. 132]. *'Perhaps it won't explode'* [Tolstóy, 1935, p. 140].

(10) Близёхонько от него прожужжал осколок и ударился в траншею [Толстой, 1973, с. 123]. *A splinter of a bomb whizzed near him and fell into the trench* [Tolstóy, 1935, p. 130].

(11) ...визгливая, зацепившаяся пулька пролетела над самыми головами разговаривающих и ударила о камень [Толстой, 1973, с. 195]. *Just then a shrieking, glancing rifle-bullet flew just over the speaker's heads and struck a stone* [Tolstóy, 1935, p. 217].

Голоса людей в звуковой картине боя — это команды, призывы, крики ура, стоны раненых:

(12) *...выхватил свою маленькую железную тупую сабельку и закричал: — Вперёд, ребята! Ура-а! Голос был звучный и громкий...* [Толстой, 1973, с. 199]. *...he drew his blunt little iron sword and cried: 'Forward, lads! Hurrah!' His voice sounded loud and clear...* [Tolstóy, 1935, p. 222].

(13) *Иногда слышался стон раненого и крики: «Носилки!»* [Толстой, 1973: 126]. *Now and again the moaning of a man who was hit and could be heard, and the cry, 'Stretchers!'* [Tolstóy, 1935, p. 134].

Светоцветовая картина войны

Огонь артиллерии и стрелкового оружия составляет только часть общей картины огневого боя как наиболее эмоциональной составляющей сражения в целом. Картина будет более полной, если добавить в неё описание световых эффектов артиллерийской стрельбы. К таковым относятся вспышка и дым в момент выстрела, огненные точки летящих бомб (разрывных ядер) на фоне неба, вспышки на месте разрыва бомб:

(14) *...ночь была темна — хоть глаз выколи, — только огни выстрелов и разрывы бомб мгновенно освещали предметы* [Толстой, 1973, с. 126]. *The night was pitch dark. Only the flashes of the guns and the bursting bombs made thing around visible* [Tolstóy, 1935, p. 134].

(15) *Над головами стояло высокое звёздное небо, по которому беспрестанно пробегали огненные полосы бомб...* [Толстой, 1973, с. 193]. *High overhead stretched the starry sky, across which the fiery trails of the bombs ran incessantly...* [Tolstóy, 1935, p. 215].

Световые эффекты отличаются высокой интенсивностью, особенно когда они воспринимаются в тёмное время суток.

(16) *Небо было чисто и темно; звезды и беспрестанно движущиеся огни бомб и выстрелов уже ярко светились во мраке* [Толстой, 1973, с. 165]. *The sky was clear and dark. The stars, the flash of the guns and continual flare of the bombs already showed up brightly in the darkness...* [Tolstóy, 1935, p. 179].

Как и в случаях передачи интенсивности звуков боя, при описании интенсивности вспышки выстрела или взрыва бомбы автор прибегает к сравнениям. Вспышка выстрела по своей яркости ассоциируется с молнией. Световая картина совмещается со звуковой:

(17) *...на чёрном горизонте чаще и чаще вспыхивала молния, и бомбы чаще и чаще свистели и лопались около него...* [Толстой, 1973, с. 170]. *On the dark horizon the lightnings flashed oftener and oftener and the bombs whistled and exploded more and more frequently around them* [Tolstóy, 1935, p. 187].

В цветовой палитре войны обращают на себя внимание разнообразные цвета форменной одежды — защитники Севастополя одеты в серые солдатские шинели и черные пальто моряков, на французских солдатах мундиры синего, а панталоны красного цвета:

(18) *Навстречу шёл большой обоз русских мужиков..., наполненный больными и ранеными солдатами в серых шинелях, матросами в чёрных пальто, греческими волонтёрами в красных фесках и ополченцами с бородами* [Толстой, 1973, с. 145]. *They met a train of Russian peasant-carts... with sick and wounded soldiers in grey uniforms, sailors in black coats, volunteers with red fezes on their heads, and bearded militia-men* [Tolstóy, 1935, p. 154].

(19) *Впереди, в дыму, видны были ему уже синие мундиры, красные панталоны и слышны нерусские крики; один француз стоял на бруствере, махал шапкой и кричал что-то* [Толстой, 1973, с. 199]. *Before him through the smoke he could already see the blue coats and red trousers, and hear shouts that were not Russian. One Frenchman stood on the breastwork waving his cap and shouting something* [Tolstóy, 1935, p. 222].

Выше, в целях анализа, мы приводили фрагменты текста, в которых звуковая картина войны существовала отдельно от светово-цветовой. В реальности звуковые и световые эффекты боя, войны в целом не существуют раздельно, так как конкретное событие воспринимается одновременно разными органами чувств. Приведём один из эпизодов:

(20) *...вдруг со всех сторон заблестело мильон огней, засвистело, затрещало что-то; он закричал и побежал куда-то, потому что все бежали и все кричали* [Толстой, 1973, с. 129].

But suddenly a million fires flashed from all sides, and something whistled and clattered. He shouted and ran somewhere, because everyone shouted and ran [Tolstóy, 1935, p. 137—138].

Запахи в картине войны

Запахи в эпизодах войны, описанных в «Севастопольских рассказах» окрашены преимущественно в негативные тона. Даже, казалось бы, приемлемые запахи отдалённых от боевых позиций мест обострённо воспринимаются автором:

(21) *Вы подходите к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас...* [Толстой, 1973, с. 86]. *As you approach the harbor you are struck by the peculiar smell of coal-smoke, manure, dampness, and meat* [Tolstóy, 1935, p. 89].

В местах скопления людей и на позициях дурно пахнет, здесь встречаем словосочетания с прилагательным *вонючий*:

(22) ...землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать только два человека ...там переобуваются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять везде ту же вонючую грязь, следы лагеря... [Толстой, 1973, с. 96]. ...*dug-outs into which only two men can crawl, and there you will see the Cossacks of the Black Sea battalions changing their boots, eating, smoking their pipes, and in short living. And again you will see the same stinking mud the traces of camp life...* [Tolstóy, 1935, p. 102].

Ольфакторная составляющая картины войны, как она показана в «Севастопольских рассказах», включает резкие запахи человеческого тела в трагических ситуациях войны — запахи гниения ран и разложения мёртвой плоти. Ключевые слова в таких ситуациях — *вонь* и *смрад*, да и слово *запах* имеет в эпизодах картины войны негативные коннотации, тем более, если оно усилено такими атрибутами, как *тяжёлый* и *затхлый*. Пример тому находим в описании госпиталя, временно развёрнутого в помещении дворянского собрания в Севастополе:

(23) *Вы входите в большую залу Собрания. Только что вы отворили дверь, вид и запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас* [Толстой, 1973, с. 89]. *You enter the large Assembly Hall. As soon as you open the door you are struck by the sight and smell of forty or fifty amputation and most seriously wounded cases, some in cots but most of them on the floor* [Tolstóy, 1935, p. 93].

Отрицательные коннотации в значении слова *запах* усиливаются в словосочетаниях *тяжёлый запах* и возрастают ещё в большей степени, когда запах мёртвой плоти исходит от тяжело раненного умирающего человека:

(24) *Тяжёлый запах мёртвого тела сильнее поражает вас, и пожирающий внутренний жар, проникающий все члены страдальца, проникает как будто и вас* [Толстой, 1973, с. 91]. *The oppressive smell of mortified flesh assails you yet more strongly, and the feverish inner heat in all the sufferer's limbs seems to penetrate you also* [Tolstóy, 1935, p. 95].

Дальнейшему усилению отрицательных коннотаций слова *запах* служат определения, характеризующие принадлежность — *гошпитальный*, и определения, выражающие степень негативности — *отвратительный*, *ужасный* и даже — *отвратительно-ужасный*.

(25) *Войдя в первую комнату, обставленную койками, на которых лежали раненые, и пропитанную этим тяжёлым, отвратительно-ужасным гошпитальным запахом, они встретили двух сестёр милосердия, вышедших им навстречу* [Толстой, 1973, с. 167]. *On entering the first room, full of beds on which lay wounded men and permeated by a horribly disgusting hospital smell, they met two Sisters of Mercy just going out* [Tolstóy, 1935, p. 183].

Те же определения — *ужасный, отвратительный* — предваряют слово *запах* в картине следов сражения, остановленного кратким перемирием, заключённым для уборки разлагающихся мёртвых тел:

(26) *На нашем бастионе и на французской траншее выставлены белые флаги, и между ними в цветущей долине кучками лежат без сапог, в серых и в синих одеждах, изуродованные трупы, которые сносят рабочие и накладывают на повозки. Ужасный, тяжёлый запах мёртвого тела наполняет воздух* [Толстой, 1973, с. 139]. *White flags are hung out on our bastions and on the French trenches, and in flowery valley between them lie heaps of mangled corpses without boots, some clad in blue and others in grey, which workmen are removing and piling onto carts. The air is filled with the smell of decaying flesh* [Tolstóy, 1935, p. 148].

Исключительно негативные семантические оттенки имеют слова *смад* и *смадный*. В тексте находим словосочетания *смадные тела* погибших, *смадный полусвет блиндажа*, *смадный блиндаж*.

Негативные коннотации слова *смад* усиливаются в соединении со словом *вонючий*:

(27) *Лужи крови, видимые на местах незанятых, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный, тяжёлый, густой, вонючий смад, в котором пасмурно горели четыре свечи на различных концах залы* [Толстой, 1973, с. 121]. *The pools of blood visible in the unoccupied places, the feverish breathing of several hundred men, and the perspiration of the bearers with the stretchers, filled the air with a peculiar, heavy, thick, fetid mist, in which the candles burnt dimly in different parts of the hull* [Tolstóy, 1935, p. 127].

Сенсорные краски русской картины войны на английском языке

Анализ средств выражения звуковых, цветовых, световых и ольфакторных красок в картине войны средствами английского языка показал, что в основном в языке перевода нашлись необходимые эквивалентные средства. Война слишком хорошо знакома представителям европейских этносов, слишком часто встречающихся на полях сражений и имеющих схожие средства вооружённой борьбы. И только подтверждая принципиальную непереводаемость безэквивалентной лексики, элементы просторечия и профессионализмы оригинала передаются единицами литературного языка. Например, глагол *лопаться*, используемый для обозначения звука разрыва снаряда, передаётся глаголами *burst*, *explode*; принадлежащий языку артиллеристов и подхваченный просторечием глагол *палить* передаётся словом *fire*; просторечные аналоги литератур-

ной (и одновременно терминологической) лексики *антиллерия* (артиллерия), *баксион* (бастион), *маркела* (мортира) передаются нормативными *artillery, bastion, mortar*. Этнокультурная специфика ограничена единицами, не относящимися к литературной речи, тому примером служат слова *пальба, палить* (об артиллерийской стрельбе), *шлёпаться* (о падении бомбы), *бомбов* (род. п., мн. ч. от лит. *бомбы*) и др. Принадлежа всецело к профессиональному и общему просторечию, такая лексика не находит эквивалентных средств в языке перевода, кроме как на уровне нормативной лексики. Картина войны теряет в этих случаях краски этнического просторечия.

Заключение

Звуки, цвета и свет, запахи в картине войны, как было показано выше, представлены в этническом языковом сознании текстами и соответствующими лексическими единицами. Работая с текстами, мы не обнаружили в языке каких-либо специализированных средств, предназначенных исключительно для выражения того, что можно увидеть, услышать или воспринять посредством обоняния на войне.

Сопоставительный анализ текстов «Севастопольских рассказов» на языке оригинала и в переводе на английский язык позволяет сделать вывод о том, что практически все краски в картине войны могут быть выражены в русском и английском языках эквивалентными средствами.

Список литературы

- Бойко Б.Л.* Звуковая палитра войны // V Международный конгресс «Русский язык: Исторические судьбы и современность». Труды и материалы. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический ф-т. 18–21 марта 2014 г. [2 с.] [2014а].
- Бойко Б.Л.* Картины боя в ощущениях и слове // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Материалы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации 27 июня 2014 г. С. 416–423 [2014б].
- Козлов С.А.* Звуки, краски и язык войны (см.: http://www.ng.ru/kafedra/2006-05-04/4_war.html?auth_service_error=1).
- Кульпина В.Г.* Лексикографическая теория терминов как шаг к переводным словарям цветолексем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 3. С. 74–84.
- Татаринов В.А., Кульпина В.Г.* Звуковая и цветоцветовая картина войны в военной поэзии и прозе // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации 27 июня 2014 г. С. 447.

Литературные источники

- Толстой Л.Н.* Севастополь в декабре месяце // Л.Н. Толстой. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1973. С. 86—100.
- Толстой Л.Н.* Севастополь в мае // Л.Н. Толстой. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1973. С. 101—143.
- Толстой Л.Н.* Севастополь в августе 1855 года // Л.Н. Толстой. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1973. С. 144—204.
- Tolstóy, Leo.* Sevastopol in December 1854 // Leo Tolstóy. Tales of Army Life. Translated by Louise and Aylmer Maude. Oxford University Press. London: Humprey Milford, 1935. P. 91—106.
- Tolstóy, Leo.* Sevastopol in May 1855 // Leo Tolstóy. Tales of Army Life. Translated by Louise and Aylmer Maude. Oxford University Press. London: Humprey Milford, 1935. P. 107—152.
- Tolstóy, Leo.* Sevastopol in August 1855 // Leo Tolstóy. Tales of Army Life. Translated by Louise and Aylmer Maude. Oxford University Press. London: Humprey Milford, 1935. P. 153—229.

Е.М. Мешкова,

доцент кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: yemeshkova@mail.ru

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ОРИГИНАЛА И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА (на материале драмы У. Шекспира «Юлий Цезарь» и её переводов на русский язык)

В настоящей статье рассматривается вопрос об эквивалентности перевода лингвопоэтически неоднородного художественного текста. Под лингвопоэтической неоднородностью в данном случае имеется в виду тематико-стилистическая неоднородность, выявляемая в ходе лингвопоэтической стратификации текста. Лингвопоэтическая неоднородность может проявляться и как чередование повествовательных типов или их лингвопоэтических разновидностей. В статье рассматриваются лингвопоэтически эквивалентный и неэквивалентный переводы трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь». В случае перевода лингвопоэтически неоднородного текста лингвопоэтическая эквивалентность достигается путём воспроизведения лингвопоэтической неоднородности оригинала.

Ключевые слова: лингвопоэтическая неоднородность, лингвопоэтическая эквивалентность, лингвопоэтическая стратификация, повествовательные медитативные отрывки, повествовательные риторические отрывки, лингвопоэтически эквивалентный перевод, лингвопоэтически неэквивалентный перевод.

Yelena M. Meshkova, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of Theory and Practice of English, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: yemeshkova@mail.ru

Linguopoetic Heterogeneity of the Original and Translation Equivalency: A Case Study of “Julius Caesar” by W. Shakespeare and its Russian Translations

The present article discusses translation equivalency based on linguopoetically heterogeneous originals. By linguopoetic heterogeneity we mean here thematic-stylistic heterogeneity that is revealed by means of linguopoetic stratification of the literary text. The article analyses the linguopoetically equivalent and the linguopoetically non-equivalent Russian translations of *Julius Caesar* by William Shakespeare. The linguopoetically equivalent translation of the linguopoetically heterogeneous text reproduces the linguopoetic heterogeneity of the original.

Key words: linguopoetic heterogeneity, linguopoetic equivalence, linguopoetic stratification, non-narrative meditative passages, non-narrative rhetorical passages, linguopoetically equivalent translation, linguopoetically non-equivalent translation.

Под лингвопоэтикой следует понимать «раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определённого идейно-художественного содержания

и создания эстетического эффекта» [Липгарт, 1996, с. 23]. Одним из методов лингвопоэтического исследования является лингвопоэтическая стратификация, которая предполагает «выделение единых по замыслу, художественно-образной и лексико-грамматической структуре и стилевым особенностям слоёв, пластов, или страт, написанных как бы в одном ключе, вокруг единой стилистической доминанты» [Полубиченко, 1991, с. 445]. Лингвопоэтическая стратификация отличается от тематического, объёмно-прагматического и образно-тематического членения текста, при этом отсутствует «зависимость между типом речи (проза или поэзия), используемом в тексте, и способом его членения». В процессе лингвопоэтической стратификации тематическое членение является лишь первым этапом, далее следует определить отдельность/тождество стратума на основании стилистических характеристик [Липгарт, 1996, с. 421—489]. Метод лингвопоэтической стратификации успешно применялся для выявления эстетического своеобразия отдельных произведений [там же] и для определения особенностей развития авторского стиля [Липгарт, 2005; Шмуль, 2001]. Эволюцию авторского стиля в ряде случаев можно изучать и применяя метод лингвопоэтики повествовательных типов [Талызина, 2004; Аксенова, 2013].

Художественный текст, в котором выделяется два и более тематико-стилистических пласта, считается неоднородным в тематико-стилистическом плане. В силу функционально-стилистической неоднородности произведений словесно-художественного творчества [Липгарт, 2006, с. 64—74] в одних текстах оказывается возможным выделять тематико-стилистические пласты, в других — повествовательные типы [Мурашкина, 2004] и лингвопоэтические разновидности повествовательных типов [Карпова, 2009]. Существуют и однородные в лингвопоэтическом плане тексты, а также художественные тексты, которые вообще не могут быть исследованы лингвопоэтическими методами. Художественное произведение, характеризующееся тематико-стилистической неоднородностью или чередованием различных повествовательных типов или их лингвопоэтических разновидностей, можно назвать лингвопоэтически неоднородным.

Повествовательные типы можно определить как различающиеся в логико-понятийном плане способы передачи того или иного идейно-художественного содержания. Для каждого повествовательного типа характерны определённые лингвопоэтические признаки: набор стилистически маркированных единиц и степень реализации значения данных единиц. Принято выделять три основных повествовательных типа: описание, рассуждение, волеизъявление. Для повествовательного типа «рассуждение» типично развитие какой-

либо идеи, и в таком контексте создаются благоприятные условия для реализации метасемиотического потенциала элементов функции воздействия; поэтому для рассуждения характерно лингвопоэтически полноценное и актуализированное речеупотребление стилистически маркированных единиц и реализация ими гномической и ассоциативной лингвопоэтических функций. Для волеизъявления характерно не развитие одной идеи, а «иллюстрирование» её и усиление производимого текстом впечатления, поэтому в данном типе повествования стилистически маркированные единицы, как правило, не могут реализовывать свой лингвопоэтический потенциал, характеризуются автоматизацией речеупотребления и реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Для повествовательного типа «описание» характерно либо перечисление некоторого количества фактов, либо собственно описание какого-либо действия, события, человека и т.п. В данном типе также преобладает автоматизация речеупотребления стилистически маркированных единиц и реализация ими экспрессивной лингвопоэтической функции [Мурашкина, 2004].

Лингвопоэтическая значимость — это тот объём содержательных свойств, который та или иная стилистически маркированная языковая единица реализует в данном конкретном случае её речеупотребления. При автоматизированном речеупотреблении стилистически маркированная языковая единица слабо мотивирована содержанием высказывания или вовсе не мотивирована и может быть опущена без утраты смысла высказывания. В случае лингвопоэтически полноценного речеупотребления стилистически маркированная единица обусловлена содержанием высказывания и не может быть опущена без утраты смысла высказывания, а в случае актуализированного речеупотребления стилистически маркированная единица, помимо обусловленности общим содержанием высказывания, развивает смысловые связи с другими элементами высказывания и не может быть опущена без полной утраты смысла высказывания [Липгарт, 1996а, с. 25—31].

Лингвопоэтическая функция — это тот вклад, который данная стилистически маркированная языковая единица вносит в передачу идейно-художественного содержания текста и создание эстетического эффекта. Категорию лингвопоэтической функции А.А. Липгарт определяет на основании признака отвлечённости: отсутствие данного признака у стилистически маркированной языковой единицы позволяет говорить о реализации данной единицей экспрессивной лингвопоэтической функции, которая заключается в усилении коннотативности высказывания. Гномическая и ассоциативная лингвопоэтические функции предполагают, помимо усиления коннотативности высказывания, создание некоего отвлечённого пла-

на: с развитием дополнительных ассоциативных рядов в случае реализации ассоциативной лингвопоэтической функции и без развития дополнительных ассоциативных рядов в случае реализации гномической лингвопоэтической функции [Липгарт, 1997, с. 73—74].

Сопоставление оригинала и перевода лингвопоэтически неоднородного произведения целесообразно проводить не на уровне отдельных стилистически маркированных языковых единиц, а на уровне тематико-стилистического членения или на уровне повествовательных типов и лингвопоэтических разновидностей соответственно, с тем чтобы определить, насколько перевод соответствует оригиналу в плане передачи идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта, иными словами, эквивалентен ли перевод оригиналу в лингвопоэтическом отношении.

О лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу можно говорить в том случае, если перевод и оригинал передают сходное идейно-художественное содержание, производят в целом сходный эстетический эффект и в переводе при этом воспроизводится общий характер использования стилистически маркированных единиц, наблюдаемый в оригинале, несмотря на возможные (а часто неизбежные) различия в лексическом составе, грамматической структуре и стилистических оттенках. Лингвопоэтическая эквивалентность соотносима с коммуникативной эквивалентностью в понимании В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 2007, с. 61—62, 67—68], поскольку «цель коммуникации», иными словами, цель создания художественного произведения заключается в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта, и данная цель может осуществляться не только при помощи сюжетно-композиционных средств, но и путём реализации семантического и метасемиотического потенциала языковых единиц.

В статье А.А. Липгарта, посвящённой переводам произведений А.С. Пушкина на английский язык, было установлено, что перевод, отражающий тематико-стилистическую неоднородность подлинника, оказывается высокохудожественным и эквивалентным оригиналу, в то же время «<...> если переводчик не видит тематико-стилистической неоднородности оригинала или же если ему не удаётся воспроизвести эту неоднородность в переводе, то созданный им текст будет лишь бледным подобием подлинника, воспроизводящим только содержательную канву и отдельные стилистические особенности оригинального текста, но при этом очень далеко отстоящим от него по художественной сложности и по силе оказываемого на читателя воздействия» [Липгарт, 2010].

Драма У. Шекспира «Юлий Цезарь» (“Julius Caesar”) представляет собой лингвопоэтически неоднородное произведение, и в ходе

её лингвопоэтической стратификации нами были выделены следующие семь тематико-стилистических стратумов:

1) повествовательные риторические отрывки, характеризующиеся обильным использованием стилистически маркированных единиц синтаксического уровня (риторические вопросы, обращения, синтаксический параллелизм и т.п.), наличием коннотативной лексики, в частности атрибутивных словосочетаний, абстрактных существительных, но сравнительно небольшим числом случаев актуализации потенциальных свойств лексического уровня;

2) повествовательные медитативные отрывки, к которым относятся рассуждения героев наедине либо в диалоге с другими персонажами, характеризующиеся меньшим по сравнению с повествовательными риторическими отрывками использованием стилистически маркированных синтаксических единиц, но достаточно частыми случаями актуализации единиц лексического уровня, нередко встречающимися в составе развёрнутых метафор, сравнений, атрибутивных словосочетаний;

3) повествовательные отрывки, характеризующиеся использованием как стилистически маркированного синтаксиса, так и стилистически маркированной лексики, выполняющей в основном экспрессивную и, реже, гномическую лингвопоэтическую функцию;

4) диалоги, относительно нейтральные в языковом плане; отдельные случаи использования коннотативных атрибутивных словосочетаний характеризуются автоматизацией речеупотребления;

5) перебранки между героями, характеризующиеся значительным количеством элементов функции воздействия, потенциальные свойства которых, однако, остаются нереализованными в силу специфических контекстуальных условий;

6) речь людей из толпы во 2-й сцене III акта, для которой характерны простота синтаксической организации, восклицания и стилистически маркированная (в том числе отрицательно коннотативная) лексика (существительные и атрибутивные словосочетания), лингвопоэтический потенциал которой, однако, не реализуется;

7) повествовательная прозаическая речь Каски во 2-й сцене I акта, сочетающая стилистически маркированные синтаксические единицы, типичные для стратума повествовательных отрывков, и отрицательно коннотативную, в том числе сниженную, лексику, не характерную для остальных частей пьесы (имеются в виду выражения типа “I can as well be hanged as tell the manner of it”).

Терминологические словосочетания «повествовательный отрывок» и «повествовательный отрывок» характеризуют текст по степени развитости в нём сюжетного начала [Липгарт, 1997, с. 97—98]: в повествовательных отрывках оно более выражено, чем в повествовательных, которые характеризуются более отвлечённым со-

держанием, например на первый план может выходить рассуждение или проявление эмоций. В целом, повествовательные отрывки соотносятся с повествовательным типом «рассуждение» или «волеизъявление», повествовательные — с повествовательным типом «описание». Тот или иной тип повествования как совокупность наиболее общих содержательных свойств и языковых (стилистических) особенностей характеризует фактически любой художественный текст (возможно, за исключением отдельных текстов модернистского и постмодернистского характера). Тематико-стилистические стратумы также можно отнести к тому или иному повествовательному типу. В частности, в «Юлие Цезаре» повествовательные риторические отрывки можно отнести к повествовательному типу «волеизъявление», повествовательные медитативные — к повествовательному типу «рассуждение»; остальные 5 стратумов по своим общим содержательным и языковым характеристикам относятся к повествовательному типу «описание».

В данной связи представляется уместным поставить вопрос о соотношении тематико-стилистического членения и членения текста на повествовательные типы и их лингвопоэтические разновидности. Отчасти ответ на него был дан в диссертации Л.С. Карповой: «...несмотря на большое методологическое сходство, лингвопоэтическая стратификация качественно отличается от лингвопоэтики повествовательных типов тем, что в ходе лингвопоэтического анализа, проводимого с помощью метода стратификации, исследователь выделяет в тексте *тематико-стилистические пласты* (здесь и далее — курсив Л. Карповой), т.е. отрывки текста, написанные в одном стилистическом ключе, которые при этом похожи в содержательном плане; лингвопоэтика повествовательных типов исходит из степени выраженности *сюжетного начала* в тексте или его фрагменте, способа повествования — описание, рассуждение или волеизъявление, при этом непосредственное содержание отрывка не играет существенной роли, так как сходство или отличие отрывков текста на содержательном уровне ещё ничего не говорит нам об объёме реализуемых в них стилистически маркированными языковыми единицами лингвопоэтических свойств» [Карпова, 2009, с. 36—37]. Как мы уже упоминали выше, в силу функционально-стилистической неоднородности далеко не все тексты могут быть подвергнуты тематико-стилистической стратификации, иными словами, не во всех текстах тематические пласты (если они вообще выделяются) характеризуются отдельными стилистическими особенностями. Тот или иной повествовательный тип присутствует в любом тексте, в ряде же текстов можно обнаружить чередование таких типов или их лингвопоэтических разновидностей. Предпо-

ложительно, в тексте, характеризующемся тематико-стилистической неоднородностью, каждый стратум будет соотноситься с тем или иным типом повествования или лингвопоэтической разновидностью того или иного повествовательного типа. При этом несколько стратумов могут относиться к одному и тому же повествовательному типу и в то же время, поскольку содержательные особенности каждого повествовательного типа в определённой мере предопределяют функционирование стилистически маркированных языковых единиц, весьма маловероятно наличие разных повествовательных типов в одном стратуме.

К лингвопоэтически неэквивалентным следует отнести перевод «Юлия Цезаря» У. Шекспира, выполненный А. Величанским. Сопоставляя данный перевод с оригиналом, необходимо отметить, что, во-первых, он содержит элементы разных стилей — возвышенного и просторечного, что создаёт дополнительный эстетический эффект, отсутствующий в оригинале. И, во-вторых, названные стилистические контрасты характерны как для риторических и повествовательных, так и для медитативных отрывков, и таким образом различие между этими стратумами стирается в переводе. Приведём пример медитативного отрывка из шекспировского оригинала и сравним с переводом А. Величанского.

Cassius. Well Brutus, thou art noble; yet, I see,
Thy honourable mettle may be wrought
From that it is disposed: therefore 'tis meet
That noble minds keep ever with their likes;
For who is so firm that cannot be seduced?

(I, 2, 310—314)

Эти слова Кассий произносит в конце той сцены, где происходит его разговор с Брутом, в котором Кассий всячески намекает на то, что Цезаря нужно устранить, и Брут не высказывает своего протеста. В данном примере речепотребление коннотативного атрибутивного словосочетания 'honourable mettle' актуализировано, поскольку его адъективный компонент 'honourable' развивает связи с 'noble' ('thou art noble' и 'noble minds'). Слово 'mettle/metal' в языке Шекспира имело как значение 'heavy, hard and shining substance', так и значение 'constitutional disposition, character, temper'. Хотя словарь Шмидта приводит данную фразу ('thy honourable mettle may be wrought from that it is disposed') в качестве иллюстрации к значению 'constitutional disposition, character, temper', а значение 'wrought' в данной фразе объясняет как 'denoting the result and change produced by operation or influence' [Schmidt, 1971], тем не менее соположение 'mettle' и 'wrought' в одной фразе может способствовать развитию ассоциаций и параллелей со значениями

‘heavy, hard and shining substance’ у слова ‘mettle’ и ‘beaten out, shaped with a hammer’ у слова ‘wrought’.

Таким образом, речеупотребление номинативного компонента данного словосочетания (‘honourable mettle’) также представляется актуализированным. Контекст неповествовательный и актуализированные элементы функции воздействия выполняют ассоциативную лингвопоэтическую функцию, способствуя созданию ассоциативного плана на тему «благородство и его природа», вызывая размышления о благородстве человеческой души, о прочности и непрочности этого качества. В данном контексте возможно развитие следующих ассоциативных рядов: 1) прочность благородного металла и прочность такого качества, как благородство; 2) из прочного благородного металла можно выковать нечто, что будет использовано в неблагородных целях; 3) на благородного человека, как и на благородный металл, можно повлиять таким образом, что поступки этого человека будут далеко не благородными, противоречащими благородству его духа.

Дальнейшему развитию данного ассоциативного плана способствуют гномические высказывания, лингвопоэтически полноценные и выполняющие гномическую лингвопоэтическую функцию: “’tis meet/That noble minds keep ever with their likes” и “who is so firm that cannot be seduced?” Последнее из них по форме является риторическим вопросом, то есть оно стилистически маркировано и в синтаксическом отношении. Форма риторического вопроса способствует дополнительному выделению данного ассоциативного плана, выполняя экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Перевод данного отрывка А. Величанским выглядит следующим образом:

Да кто ж достойней Брута. Всё же мне
Сдаётся, сей клинок накала страсти
Ещё достигнуть должен. Но подстать лишь
Друг другу столь высокие умы.
Какой закал не одолеть соблазну?

Ассоциативный план на тему «благородство и его природа» фактически не развивается в переводе А. Величанского, поскольку вместо упоминания о благородном металле переводчик конкретизирует метафору, используя слово «клинок», кстати, изменяя смысл фразы. А. Величанский использует как разговорные выражения («Да кто ж достойней Брута»), так и возвышенные, церковнославянские слова («сей»). В результате образуется стилистический контраст, создающий дополнительный эстетический эффект, отсутствующий в шекспировском оригинале. Для медитативных

отрывков «Юлия Цезаря» нехарактерно противопоставление сниженной и возвышенной лексики. Таким образом, перевод А. Величанского неэквивалентен оригиналу как на стилистическом, так и на лингвопоэтическом уровне. Причём те же стилистические контрасты характерны и для повествовательных риторических и повествовательных отрывков данного перевода. У Шекспира же в повествовательных отрывках лексика преимущественно нейтральна. Иными словами, перевод не отражает особенности тематико-стилистического членения подлинника и неэквивалентен оригиналу на лингвопоэтическом уровне, несмотря на вполне адекватную передачу сюжетного содержания и художественность.

Перевод М.А. Зенкевича более соответствует шекспировскому оригиналу на лингвопоэтическом уровне. В данном переводе выделяются те же тематико-стилистические стратумы, что и в оригинале (при отсутствии буквального воспроизведения отдельных стилистических приёмов), и не обнаруживаются столь резкие стилистические контрасты, как в тексте А. Величанского. Перевод вышеприведённого медитативного отрывка также содержит ассоциативный план на тему «благородство и его природа»:

Брут, благороден ты; но все ж я вижу,
Что благородный твой металл податлив.
Поэтому-то дух высокий должен
Общаться лишь с подобными себе.
Кто твёрд настолько, чтоб не соблазниться.

Итак, в отношении лингвопоэтически неоднородных текстов, т.е. таких, для которых характерно чередование либо различных тематико-стилистических пластов, либо повествовательных типов и их лингвопоэтических разновидностей, лингвопоэтическая эквивалентность устанавливается на уровне соответствия перевода оригиналу в плане воспроизведения лингвопоэтической неоднородности текста. При этом воспроизведение лингвопоэтической неоднородности не предполагает точную передачу всех стилистически маркированных единиц оригинального текста.

Список литературы

- Аксенова А.В.* Лингвопоэтический анализ стихотворных произведений У.Б. Йейтса: особенности эволюции индивидуально-авторской манеры: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.
- Карпова Л.С.* Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э. Спенсера, С. Дэниела, У. Шекспира): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 270 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.

- Липгарт А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина. <http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/display.php?file=books/lipgart.html> (дата обращения: 13.01.2010).
- Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. 2-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2006. 168 с.
- Липгарт А.А.* «Шекспировский вопрос», шекспировский канон и стиль Шекспира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 1. С. 81—94.
- Липгарт А.А.* Методы лингвопоэтического исследования. М.: Московский Лицей, 1997. 220 с.
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI—XX вв.): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. 656 с.
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI—XX вв.): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996а. 49 с.
- Мурашкина А.А.* К проблеме лингвопоэтического исследования повествовательных типов текста // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сб. статей / Под ред. А.А. Липгарта, А.В. Назарчука. М.: Экон-Информ, 2004. Вып. 2. С. 65—75.
- Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: теория и практика: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1991. С. 729.
- Талызина М.А.* К проблеме исследования индивидуального авторского стиля и его эволюции на материале произведений Ивлина Во // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сб. статей / Под ред. А.А. Липгарта, А.В. Назарчука. М.: Экон-Информ, 2004. Вып. 2. С. 98—111.
- Шекспир У.* Юлий Цезарь / На англ. и русс. яз. Пер. Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича, А. Величанского; Сост., предисл. и коммент. А.Н. Горбунова. М.: ОАО Изд-во «Радуга», 1998. 304 с.
- Шмуль И.А.* Лингвопоэтическая стратификация художественных текстов и изучение индивидуального авторского стиля (на материале произведений Шекспира): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 136 с.
- Schmidt, A.* Shakespeare Lexicon and Quotation Dictionary. Berlin; N.Y., 1971. Vol. 1—2.

Е.А. Наугольных,

кандидат филологических наук, доцент Пермской государственной фармацевтической академии; e-mail: pulina_jane@mail.ru

**ЭСТЕТИКА ЯЗЫКОВЫХ ДЕВИАЦИЙ:
ПРИРОДА АНТИНОРМЫ И СПЕЦИФИКА ЕЁ ПЕРЕВОДА
(на материале романа Дж. Джойса «Улисс»)**

Статья посвящена вопросу языковой антиномы как одному из основных авторским приёмов, использованных Дж. Джойсом в романе «Улисс». Проанализированы разноуровневые девиации и возможности их межъязыковой трансляции на русский и немецкий языки. Прослеживается зависимость выбора переводческого приёма от структурной близости/дальности языков перевода и оригинала.

Ключевые слова: языковая норма, языковые девиации, словообразовательная модель, способ перевода, переводимость.

Yevgenia A. Naugolnykh, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Perm State Pharmaceutical Academy, Russia; e-mail: pulina_jane@mail.ru

Esthetics of Language Deviations: Anti-norm and its Translatability: A Case Study of James Joyce's Ulysses

The paper focuses on antinorm as one of the main literary devices in James Joyce's *Ulysses*. Various levels of deviations and possibilities of their translation into Russian and German are analyzed. Some regularity in the choice of a translation method is outlined and the dependence of this choice on structural similarity/distance of the source and target languages is revealed.

Key words: language norm, language deviations, word-formation pattern, translation method, translatability.

Известно, что «человек воспринимает мир избирательно и, прежде всего, замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном» [Арутюнова, 1999, с. 76]. Именно поэтому антинорма как аномалия-приём всегда вызывала интерес лингвистов, занимающихся исследованиями экспрессивных возможностей языковой системы на примерах произведений различных авторов. Интенционные девиации или намеренные языковые аномалии фиксируются на фоне узуального окружения, зависят от контекста и характеризуются установкой на обыгрывание определённой ситуации.

Использование разного рода нарушений и отклонений от закономерностей функционирования языка позволяет наиболее полно воплотить авторский замысел, поставить под вопрос само существование границ художественного мировосприятия, что особен-

но свойственно литературе модернизма и постмодернизма. Как верно заметил Е.В. Клюев, «неинтерпретируемость абсурда, или его интерпретируемость в любых категориях, что одно и то же, суть проявление “признака художественности”», таким образом, «литература абсурда есть наиболее “художественная” литература в составе художественной литературы в целом» [Клюев, 2000, с. 100].

Понятие правильности-неправильности в художественной речи действительно исчезает, поскольку в ней «факты языковой неправильности рассматриваются и оцениваются, прежде всего, с учётом той конкретной, художественной нагрузки, которую они на себе несут» [Лыков, 1971, с. 73]. Роль слова в «борьбе с диктатом языка» совершенно очевидна, но не менее значимым является и комбинирование отобранных единиц, их выстраивание. На оси комбинации помимо лексического компонента также можно подтачивать узальный привычный синтаксис [Нестерова, 2005, с. 204].

Роман Дж. Джойса «Улисс» стал объектом нашего исследования, поскольку представляет собой, по словам У. Эко, «бурлящий котёл, в котором совершается нечто невиданное; разрушение объективных связей», разрушение «в языке, с помощью языка и над языком» [Эко, 2003, с. 165]. Стремление Дж. Джойса к лингвистической изобретательности, созданию новых форм, странных слов, соединению несоединимых лексических значений привело писателя к порогу создания собственного языка, в котором одно слово может иметь огромное количество значений и отсылок к другим словам, действиям, историческим фактам. Дж. Джойс, по его собственному мнению, «сверхоплодотворяет» (*superfecundates*) слово, внедряет новые значения и ассоциации, причём семантика одного слова может выйти за его границы и распространиться по всему тексту [Aitchison, 1987, p. 196].

Исследователи выделяют в «Улиссе» три основных стиля: традиционное повествование, пародии на различные нероманские формы и то, что известно всему миру как «поток сознания». Последний из трёх стилей подразумевает, что «помимо означаемого сама форма повествования, само означающее коррелирует с невротическим планом содержания, с невротическим означаемым» [Руднев, 2000, с. 282]. Здесь бессознательное находит выражение, обретает некую языковую форму. Присутствие интериоризованного дискурса так или иначе влечёт за собой использование различных стилистических приёмов, вовлекающих языковые девиации различных уровней.

Такие психические отклонения в речи, как эхолалия и глоссолалия, используются Дж. Джойсом для выражения абстрактного мышления, бессознательного пласта мыслей главных героев. Исходя из этого любая аномалия (девиация), встречающаяся на страни-

цах романа, неизменно воспринимается как выражающая художественный потенциал и имеет эстетическую и смысловую нагрузку.

Так, в эпизоде «Сирены» мы наблюдаем огромное количество различных девиаций на лексическом, грамматическом, синтаксическом и графическом уровне, обусловленных интенцией автора «музыкализировать» мысли и действия главных героев.

Эпизод «Сирены» открывает набор из 58 фраз, практически не связанных между собой, в которых, как и во всем эпизоде, присутствует огромное количество языковых девиаций на всех уровнях. Приведём некоторые примеры:

а) девиации на грамматическом уровне: слияние различных частей речи (*Im, shesaw, longindying*), выпадение гласного в окончании глаголов, в артиклях, наречиях (*you sometimes love to wildly*), наличие орфографических ошибок (*ptarmesan, compriments, ptake, kave, kake*), неверное образование времени (*he see* — отсутствие окончания *-s* при образовании простого настоящего времени), ошибочное согласование подлежащего со сказуемым (*my patience are...*);

б) девиации на лексическом уровне: употребление орфографически неассимилированных иностранных слов (*poor little nominedomine, love's old sweet sonnez la gold*), использование нерасшифрованных аббревиатур (*p.o. two and six; says you have g. p. i.*), употребление авторских словосочетаний, поддающиеся неверной трактовке исключительно в рамках контекста (*I will punish you letter*), наличие в тексте произведения авторских неологизмов (*Greaseabloom, hoof-irons, to smilesmirk*) и т.д.;

в) девиации на синтаксическом уровне: скопление эллиптических предложений, неверная расстановка знаков препинания, в том числе их полное отсутствие, смещение границ предложения (его чрезмерная расчленённость), нарушение порядка слов и т.д.;

г) девиации на графическом уровне: использование авторских символов (*un comb: 'd*), авторское употребление знаков препинания (*heartbeats: her breath: breath that is life*); графическое обозначение счета какого-либо количества (*paying 5/-*) и т.д.

Если мыслить музыкально, то на первый взгляд бессвязное вступление можно считать увертюрой к эпизоду, а повторяющиеся фразы — системой лейтмотивов. Как известно, сам Дж. Джойс рассуждал о сходстве эпизода «Сирены» с вагнеровской оперой «Мейстерзингеры».

Если рассматривать языковые девиации, учитывая музыкализацию текста, можно также воспользоваться классификацией, предложенной Ж.М. Рабате, и выделить две основные группы приёмов “suppression” (умалчивание) и “addition” (добавление) [Rabaté, 1986, p. 83]. Деление троп на фигуры сокращения и фигуры добавления было одной из первых классификаций, предложенных ещё

в античной теории языка и стиля. Очевидно, что данная градация не лишена недостатков, таких, например, как её неприменимость к фигурам речи, для которых параметр протяжённости оказывается иррелевантным. Тем не менее нам показалось любопытным применить её именно к эпизоду «Сирены», поскольку музыка, как известно, есть не что иное, как особо организованные во времени тишина и звуки, используемые для воплощения той или иной художественной идеи.

К первой группе, или фигурам сокращения, можно отнести следующие музыкально-стилистические приёмы:

1. Афереза (сокращение слов за счёт начальных звуков): *Idolores, a queen Dolores, ternoon*.

2. Апокопа (сокращение слов за счёт концовки): *language of flow (flowers), liv (liver) as said before, how will you pun (punish), best value in Dub (Dublin)*.

3. Эллипсис (незамещение определённых позиций речевой цепи): *That is to say she*.

4. Контаминация (словообразовательная операция, состоящая в соединении основы, взятой целиком или представленной только своей начальной частью, с конечной частью второй основы): *Siapold (Simon + Leopold), mooncarole (moon + barcarole), Yessex (yes + Essex), enclap (encore + clap)*.

Очевидно, что это далеко не полный список приёмов «убавления», использованных Дж. Джойсом для воплощения своего художественного замысла, однако, по результатам проведённого анализа они являются наиболее частотными. Вторая группа фигур добавления включает следующие стилистические приёмы:

1. Анадиплозис (повтор, связующий концовку первой и начальную часть второй речевой единицы и производимый после паузы или перентезы): *Heartbeats her breath: breath that is life*.

2. Протеза — добавление звука или слога к первоначальному слову. Добавление может наблюдаться в начале слова (*rever, vobiscuits*) или в конце слова (*endlessnessness, cleverever*), что, несомненно, является более частым случаем для Дж. Джойса. В некоторых ситуациях мы наблюдаем явную эхоталию или неосмысленное повторение услышанного (*imperthnthn thnthnthn*).

3. Эпентеза (вставка звука в середине слова): *I care not foror the morrow*. Частным случаем эпентезы можно считать столь полюбившуюся Дж. Джойсу диерезу (удлинение слова за счёт добавления слоговых звуков), позволяющую писателю максимально приблизить словесные строки к музыкальным гаммам: *waaaaaalk*.

4. Тмезис (вклинивание одной речевой единицы в состав другой): *Miss voice of Kennedy answered; a flush struggling in his pale, told Mr Bloom, face of the night*.

5. Геминация (контактный повтор слова или словосочетания более трёх раз): *Big Benaben..., Big Benben. Big Benben.*

6. Аугментация (увеличение длительности фразы, у Дж. Джойса явным эффектом эха): *Luring. Ah, alluring. Inexquisite contrast, contrast inexquisite non exquisite.*

7. Анафорическое удлинение (начальный повтор одного или ряда слов): *The boots to them, them in the bar, them barmaids came.*

8. Интерполяция (добавление, не изменяющее предложение в его структуре и содержании): *he (who?) gazed in the coffin (coffin?)...*

Языковые девиации в тексте также достигаются путём использования: а) хиазма (повтора двух речевых компонентов, сопровождающегося инверсией): *like lady, ladylike*; аппозиции (использование уточняющего или пояснительного оборота): *Bloom, I feel so lonely Bloom*; асиндетона (построение речи с опущенными союзами): *I see. He see. He drank*; анаколуп (отсутствие грамматической согласованности в предложении): *that doll he was: she doll: the tank*; оксюморон (сочетание противоположных по смыслу слов): *Aimless he chose with agitated aim.*

Анализ языковых девиаций писателя в эпизоде «Сирены» позволяет сделать вывод о том, что в случае с Дж. Джойсом антинорма действительно нередко становится центром его произведения. Наиболее яркие и свободные отступления от литературной нормы наблюдаются, прежде всего, в области лексики (создание окказиональных слов). Наряду с лексическими единицами, созданными Дж. Джойсом по типовым моделям и реализующими, таким образом, потенции, заложенные в системе языка, присутствуют также сложные, многосмысленные новообразования, которые допускают огромное количество всевозможных интерпретаций [Наугольных, 2013, с. 149]. Именно последние единицы максимально усиливают «художественность» произведения, ведь, как верно заметил Клюев, чем глубже текст, «тем больше в нем “слоёв”, или уровней, и, стало быть, тем большему количеству интерпретаций он поддаётся» [Клюев, 2000, с. 100].

Согласно П. Ньюмарку, такие элементы, как необычная сочетаемость лексем, нетрадиционный синтаксис, богатые метафоры, «непереводимые» слова, неологизмы и архаизмы, не могут быть нормализованы переводчиком в процессе трансляции произведения [Newmark, 1988, p. 40]. Они являются серьёзной проблемой для переводчиков, поскольку в некоторой степени противопоставлены «обычному» языку» и представляют собой то, что принято называть идиалектом писателя. Очевидно, что далеко не все такие отклонения подвластны переводу.

С целью проанализировать возможные границы транслируемости языковых девиаций Дж. Джойса рассмотрим небольшой отрывок

из эпизода «Сирены» и три его перевода на русский язык, выполненные И. Шамиром, В. Хинкисом в соавторстве с С. Хоружим и С. Маховым. Кроме того, были исследованы два немецких перевода, принадлежащих Г. Гойерту и Г. Вольшлегеру. Выбор немецкого языка был продиктован его языковой близостью к английскому языку, что, предположительно, должно бы было облегчить работу переводчиков. В выбранном отрывке писатель посредством языка выражает музыку, звучащую в голове главного героя романа Леопольда Блума. Ниже приводится краткий анализ исследованного отрывка.

Death. *Explos.* Knock on the head. *Outtohelloutofthat.* Human life. Dignam. Ugh, that rat's tail wriggling! Five bob I gave. *Corpus paradisum.* Corncrake croaker: belly like a poisoned pup. Gone. They sing. Forgotten. I too. And one day she with. Leave her: get tired. Suffer then. Snivel. Big *Spanishy* eyes goggling at nothing. Her *wavyavyeavyheavyeavevyveyhair un comb:*'d [Joyce, 1998, p. 265].

Tod. *Explos.* Schlag auf den Kopf. *Reinindie Hölle rausausdem.* Menschenleben. Dignam. Die Ratte mit dem Ringelschwanz. Hab fünf Schilling gegeben. *Corpus paradisum.* Wiesenknarre. Krächzer: Bauch wie eine vergiftete Hündin. Vorbei. Sie singen. Vergessen. Ich auch. Und eines Tages sie mit. Verlässt sie: hat genug. Leidet dann. Flennt. Grosse *spanische* Augen blicken gierig nach nichts. Ihr *wiwawuwawallendesschwi schwascheres* Haar *un gekämmt:t* [Joyce, 1956, s. 312].

Tod. *Explos.* Schlag auf den Kopf. *Runterzurhölleundrausdem.* Menschenleben. Dignam. Uff, der Schwanz von dieser Ratte, wie er sich ringele. Fünf Schilling hab ich gegeben. *Corpus paradisum.* Krächzender Unglücksrabe: Bauch wie ein vergifteter Köter. Aus und vorbei. Aber die singen. Vergessen. Ich auch. Und eines Tages auch sie mit von der. Sie verlassen: satt kriegen. Tiefe Trauer dann. Heulerei. Große *spanische* Augen, ins Leere glotzend. Ihr *welligwalligwilligwelwelling* Haar *ent k:* 'mmt [Joyce, 2004, s. 375].

Смерть. *Взрыв.* Бах по башке. *Ковсемэточертям.* Судьба человеческая. Дигнам. Их-х, крутится крысиный хвост! Пять шиллингов я дал. *Corpus Paradisum.* Коростель кричит: брюхо как у отравленного пса. Сгинул. Они поют. Забыт. Я тоже. В один прекрасный день она с. Оставь её: надоело. Тогда помучится. Заверещит. Большие *испанистые* глаза затаращатся в никуда. Её *вьовьювьюдлиньвьюущиеся* волосы не собраны в убо: *ре* [Джойс, 2000, с. 599].

Смерть. *Крах.* Обухом по башке. *Ковсемчертямчтобтвоегодуху.* Жизнь человека. Дигнам. Бр-р, как та крыса шевелила хвостом! Пять шиллингов я пожертвовал. *Corpus paradisum.* Карканье клирика, его брюхо, как у дохлого пса. Сгинул. Отпели. Забыт. Так вот и я. И в один прекрасный день она с. Оставишь её — сыт по горло. Сперва пострадает. Похныкает. Большие глаза *испанистые* устав-

лены в пустоту. *Волнистыистыистыгустыустыустыустые* волосы не прич-причесан-ны [Джойс, 2002, с. 268].

Смерть. *Взры*. Обухом по башке. *Валиковсемчертямсобачьим*. Жизнь человека. Дигнам. Бр-р, как у крысы той хвост вилял! Пять шиллингов я вручил. *Corpus paradisum*. Квакающий пастырь; пузо точно у отравленного щенка. Помер. Отпели. Забыт. Я тоже. А в один прекрасный день она с. Оставляешь её: сыт по горло. После страдает. Хнычет. Большие глаза *испанки* уставлены в пустоту. *Волнистыистыистыигустыустыустыустые* волосы *рас трепан*; ны [Джойс, 2007, с. 267].

В данном отрывке текста Дж. Джойса присутствуют апокопа (*explos*), окказиональные единицы (*Outtohelloutofthat, spanish, wavyavyaveavyeaveyuyeyuhair, un comb:d*), эллипсис (рубленные предложения без подлежащего или сказуемого), инверсия (*five bob I gave*), употребление орфографически неассимилированных иностранных слов (*Corpus paradisum*), смещение границ предложения (*And one day she with*) и т.д. Проанализируем, каким образом переводчики справлялись с возникшими языковыми девиациями.

Во всех пяти вариантах переводчики пытались максимально имитировать прерывистую «всхлипывающую» мелодию «песни-романса» Леопольда Блума, зачастую сохраняя пунктуационные девиации, инверсию и эллиптические конструкции. Однако в некоторых случаях мы видим определённые расхождения при принятии переводческого решения. Такое, например, происходит при передаче апокопы. С целью выдержать ритм отрывка и придать незаконченность фразе Дж. Джойс обрывает слово “*explos*” на первом слоге. Подобным же образом поступают оба немецких переводчика. И. Шамир, В. Хинкис и С. Хоружий оставляют в переводе однослоговую единицу (*взрыв, крах*), тем самым сохраняя ритм абзаца, однако при этом несколько теряется незаконченность фразы, присутствующая в оригинале. Что касается С. Махова, то в его переводе мы видим также однослоговую лексему (*взры*), но переводчик умышленно лишает её последней буквы, тем самым максимально воплощая задумку автора.

Поскольку наиболее свободные отступления от литературной нормы в художественном произведении возможны, как уже было отмечено, в области лексики самым ярким элементом анализируемого отрывка, бесспорно, становятся окказиональные лексемы. Лексическое новообразование *outtohelloutofthat* представляет собой объединение четырёх предлогов, существительного и местоимения, иными словами, данная единица выглядит как слияние целого предложения. Г. Гойерт стал единственным, кто разделил синтагматически законченное единство на три слова (*Rein indie Hölle rausausdem*), второе из которых не является окказиональным.

Остальные переводчики сумели выразить мысль одним композитом. При этом в новообразовании С. Махова (*валцковсемчертямсобачьим*) появляется глагол, тогда как И. Шамир (*ковсемэточертям*), В. Хинкис, С. Хоружий (*ковсемчертямчтобвоегодуху*), Г. Волльшлегер (*Runterzurhölleundrauausdem*) делают акцент на слиянии существительных с предлогами и местоимением, пытаясь максимально сохранить модель образования, заданную Дж. Джойсом.

Интересным оказался перевод новообразования *spanishy*, созданного Дж. Джойсом путём прибавления к основе двух суффиксов *-ish* и *-y*. Первый из указанных суффиксов типичен для образования прилагательных от существительных в английском языке, однако двухсуффиксальный подтип в целом представлен ограниченным числом моделей и в данном случае неприменим. Суффикс *-y* самостоятельно используется для создания прилагательных со значением «имеющий качество того, что обозначено основой». Таким образом, Дж. Джойс в своей лексеме дважды подчёркивает свойство, выраженное основой новообразования. В трёх из приведённых переводов, а именно тех, что выполнили Г. Гойерт (*spanische Augen*), Г. Волльшлегер (*spanische Augen*) и С. Махов (глаза *испанки*), не прослеживается «ошибки», намеренно допущенной Дж. Джойсом при образовании прилагательного. Только в вариантах И. Шамира и В. Хинкиса, С. Хоружего появляется окказиональная единица «*испанистые*», созданная при помощи суффикса *-ист*, который используется в русском языке для образования прилагательных со значением «похожий на что-то, обладающий чем-то в большом количестве, имеющий склонность к какому-либо действию». Однако переводчики обошлись без применения двойной суффиксации и не выдержали модель, предложенную автором для образования окказиональной лексемы.

Смысловым и эстетическим центром внимания абзаца, бесспорно, становится словосочетание двух окказиональных единиц *wavyheavyheavyyeavyhair in comb:d*. По своей сути первая единица может быть рассмотрена как пример эхоталии или бессмысленного повторения услышанного. Естественно речь идёт не о психическом процессе, а о намеренно использованном стилистическом приёме, позволившем Дж. Джойсу обозначить протяжность, по-настоящему «пропеть» окончание строки. При этом в новообразованной лексеме можно выделить три смысловые основы (*wavy, heavy, hair*), соединённые вместе и отражающиеся друг в друге за счёт аллитерации и аугментации. Все переводчики предложили вместо одного окказионализма словосочетание, отделив лексему «*волосы*», тем самым несколько разрушая целостность окказиональной единицы. В. Хинкис, С. Хоружий (*волнистыистыистыгустыустыустыустые* волосы), С. Махов (*волнистыистыистыигу-*

стыгустыгустые волосы) воссоздают эффект эха за счёт сочетаний *-ист, -уст*. Аугментация, таким образом, передана крайне удачно, однако в лексеме Дж. Джойса распев слова создаётся, прежде всего, благодаря сочетанию гласных, а не согласных звуков. Что касается интерпретации И. Шамира (*выювьювьюдлиньвьюющиеся* волосы), то в его варианте, напротив, акцент приходится на использование гласных, однако теряется отражение основ друг в друге, столь мастерски использованном Дж. Джойсом при создании окказионализма. Смысловое содержание основ во всех русских переводах сохранено. Что касается немецких переводов, то Г. Волльшлегер делает ставку на звуковую составляющую лексемы (*welligwalligwillig welwelwelling* Naag). Он удачно выражает пение, обыгрывая фонетически близкие слова *wellig* (волнистый) и *willig* (согласный). Однако остаётся непонятным, каким образом прилагательное «согласный» может быть использовано для описания волос девушки, ведь сам Дж. Джойс описывал их как «тяжёлые» или, применительно к волосам, «длинные». Г. Гойерт, на наш взгляд, максимально затуманил модель образования окказиональной лексемы (*wiwa wuwawallendesschwischwascheres* Naag). В его новообразовании можно выделить на один смысловой компонент больше, чем было заложено Дж. Джойсом (*wallenden* — перекатывающийся волнами, *schwierig* — тяжёлый, *waschen* — мыть). «Игра в распевное эхо», строится, прежде всего, на чередовании сочетаний согласных.

Вторая лексема «*un comb:'d*» есть не что иное, как воплощение интерактивной деривации, которая, как известно, сопровождается явным обособлением форманта и имеет лишь письменное выражение. В результате мы получаем графический окказионализм, созданный путём отсоединения отрицательного префикса *un* и вставки двух авторских символов в середину слова. Казалось бы, при передаче подобной лексемы должны быть минимальные отклонения в вариантах интерпретаторов, однако переводческие решения оказались достаточно разными. Причастие прошедшего времени «*un comb:'d*» передаётся немецкими переводчиками также причастиями «*un gekämmt:t*» и «*ent k: 'mmt*» с отдельно стоящей приставкой, с одной разницей, что Г. Гойерт оставляет только двоеточие, лишая новообразование апострофа. И. Шамир заменяет причастие глаголом с отрицательной префиксом *не-* (*не собраны в убо: ре*). Согласно правилам русского языка, префикс *не-* с глаголом всегда пишется отдельно, поэтому русский читатель вряд ли поймёт, что в первоисточнике Дж. Джойс по особенному сегментировал данную единицу. И. Шамир подобно Г. Гойерту оставляет лишь двоеточие, таким образом уменьшая количество авторских символов. В. Хинкис, С. Хоружий пытаются максимально приблизиться к схеме построения или, точнее, десегментации, пред-

ложенной Дж. Джойсом. Их вариант перевода представляет собой глагол «не прич-причесан-ны». Нормативное написание отрицательной приставки *не-* компенсируется членением самого глагола на три части. При этом авторские символы не сохранены. Вариант С. Махова «*рас трепан; ны*» есть не что иное, как деление слова на три части. Префикс *не-* заменён на префикс *рас-*, всегда пишущийся слитно, однако количественно и качественно авторские знаки внутри новообразованной единицы также не сохранены.

Таким образом, любая деструктивная работа Дж. Джойса с текстом должна находить максимальное отражение в переводе, при этом большое значение имеет даже простое, как может показаться на первый взгляд, расположение слова в предложении. Всеми переводчиками была проведена колоссальная работа, в ходе которой происходили зачастую значительные расхождения с теми языковыми девиациями, которые намеренно использовал Дж. Джойс. Наибольшую трудность при переводе вызывали сложные структурные композиты, совмещающие девиации на различных уровнях, сгущающие смысловое содержание, рождающие огромное количество интерпретаций. Передача языковых девиаций также зависела от структурной близости/дальности языков перевода и оригинала. Немецкий язык, где порядок слов, как и в английском языке, фиксирован, зачастую позволяет более удачно передать некоторые синтаксические языковые девиации. С другой стороны, словосложение, которое в английском языке не так распространено, немецкими читателями может вполне рассматриваться как норма, тем самым снижается стилистический эффект, задуманный автором. Фонетическая близость английского и немецкого языков также может оказаться дополнительной помощью при переводе романа, ведь количество аллитераций и музыкальных приёмов в романе невероятно огромно. В связи с этим хочется отметить особую изобретательность русских переводчиков, чью колоссальную работу невозможно переоценить, ведь передать языковые аномалии, столь мастерски актуализированные в тексте Дж. Джойсом, задача сложная и, как показывает анализ романа и его переводов, порой полностью невыполнимая.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир. М.: Школа «Язык русской культуры», 1999. 896 с.
- Джойс Дж. Избранное: сборник / Пер. с англ.; сост. К.Н. Атаровой. М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2000. 624 с.
- Джойс Дж. Улисс: роман / Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПб.: Симпозиум, 2002. 830 с.

- Джойс Дж.* Сочинения: В 3 т.: ОдиссейЯ / Пер. с англ. С. Махова. М.: ООО «СФК Инвест», 2007. Т. II. 696 с.
- Клюев Е.В.* Теория литературы абсурда. М.: Изд-во УРАО, 2000. 104 с.
- Лыков А.Г.* Окказиональное слово как лексическая единица речи // *Филологические науки*. 1971. № 5. С. 70—81.
- Наугольных Е.А.* Языковая антинорма как авторский приём: проблема переводимости // *Филологические науки*. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 147—150.
- Нестерова Н.М.* Вторичность как онтологическое свойство перевода: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2005. 368 с.
- Руднев В.П.* Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
- Эко У.* Поэтики Джойса / Пер. с итал. А. Ковалея. СПб.: Симпозиум, 2003. 496 с.
- Aitchison, J.* Words in the mind. An introduction to the mental lexicon. Oxford; N.Y.: Basil Blackwell, 1987. 229 p.
- Joyce, J.* Ulysses / London: Picador, 1998. 741 p.
- Joyce, J.* Ulysses / übersetzt von Georg Goyert. Zürich: Rhein-Verlag, 1956. 836 s.
- Joyce, J.* Ulysses / übersetzt von Hans Wollschläger. Ulm: Suhrkamp Verlag, 2004. 987 s.
- Newmark, P.* A Textbook of Translation. New York and London: Prentice Hall. 1988. 292 p.
- Rabaté, J.-M.* The silence of Sirens // James Joyce: the centennial symposium. Chicago: University of Illinois press, 1986. P. 82—95.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

А.А. Волкова,

кандидат филологических наук, научный сотрудник Томского государственного университета; e-mail: volknas@ Rambler.ru

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ВОСПРИЯТИИ И ПОНИМАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В РАДИОКОММУНИКАЦИИ*

Успешность речевой коммуникации связана с такими психическими процессами, как *восприятие* и *понимание* (курсив мой. — *В.А.*), а также с *коммуникативными качествами речи* (курсив мой. — *В.А.*). С исследовательской точки зрения особый интерес вызывают тексты современных радиопередач, которые изобилуют словами и выражениями иностранного происхождения. Современная языковая ситуация характеризуется дестабилизацией литературных норм, либерализацией нормативных требований к речи и, как результат, внедрением иноязычной лексики во все сферы речи. Проблема выбора интерпретации адресатом неизбежно связана с языковым и внеязыковым контекстом, который является неотъемлемой составляющей в формировании адекватного восприятия текста с иноязычными вкраплениями. Важнейшей функцией контекста является смыслообразующая, в связи с чем целесообразно говорить о его влиянии на процесс восприятия и понимания текста. Смысл текста образует единство собственно информационной знаковой составляющей и многогранного контекста, в который заключена эта формальная знаковая составляющая. Адекватное восприятие текста зависит не только от собственно вербального контекста, выраженного в языковых знаках и конструкциях, но и от ряда внеязыковых контекстов, являющихся неотъемлемой частью любого акта коммуникации.

В радиокommunikации важнейшей формой проявления вербального контекста является звучащая речь, способствующая адекватному восприятию текста слушателем.

Ключевые слова: понимание, восприятие, иноязычное вкрапление, радиокommunikация, контекст, интерпретация.

Anastasiya A. Volkova, PhD, Tomsk State University, Scientific associate; e-mail: volknas@ Rambler.ru

The role of context in the perception and understanding of foreign elements in radio communication

The success of speech communication is associated with mental processes such as perception and understanding, as well as the communication quality of speech. From a research perspective, the texts of modern radio that abound in words and phrases of foreign origin are particularly interesting. Modern language situation is characterized by the destabilization of literary standards, liberalization of normative requirements to speech, and as a result, the introduction of foreign vocabulary in all areas of speech. The problem of interpretation by the recipient is inevitably associated with linguistic and extra-linguistic context, which is an essential part in the formation of an adequate perception of foreign-

---

* Исследование проводится при поддержке РГНФ, проект № 14-34-01022.

language inclusions. The most important context function is semantic one, and therefore it is advisable to talk about its impact on the process of perception and understanding of the text. Meaning of the text forms a unity of information sign component and many-sided context in which this formal sign component is included. Adequate perception of the text depends not only on the actual verbal context, expressed in linguistic signs and structures, but also on a number of extra-linguistic contexts, which are an integral part of any act of communication.

In radio communication essential form of verbal context manifestation is a sounding speech that promotes adequate perception of the text by listener.

Key words: understanding, perception, foreign elements, radio communication, context, interpretation.

Успешность речевой коммуникации связана с такими психическими процессами, как *восприятие* и *понимание* (курсив мой. — В.А.), а также с *коммуникативными качествами речи* (курсив мой. — В.А.). «Коммуникативный успех — реализация цели коммуникативного (речевого) акта, когда успешное сообщение без существенных помех передаётся адресантом и адекватно *воспринимается, понимается, усваивается, оценивается* (курсив мой. — В.А.) адресатом. Коммуникативным успехом называют *восприятие* получателем селективного содержания коммуникации (информации) как предпосылки своего поведения и присоединение к этому селективному содержанию последующих» [Иванов, 2003, с. 261—262].

Коммуникативные качества речи (курсив мой. — В.А.) — это свойства речи, которые обеспечивают оптимальное общение сторон, обмен идеями, мыслями, чувствами и т.д. Они влияют на относительное единство замысла, интенции автора и восприятия текста реципиентом. Проявление коммуникативных качеств речи в том или ином тексте зависит во многом от коммуникативной компетенции коммуникантов, а также от речевых жанров, реализованных в тексте, от его функциональной нагрузки. Автор отражает свои мысли в тексте, а реципиент воспринимает текст и расшифровывает замысел автора. «Абсолютное совпадение зашифрованного и расшифрованного невозможно (даже при общности языка люди имеют разный жизненный и языковой опыт, физические и психологические различия и др.), но к нему следует стремиться» [Иванов, Матвеева, Донгак, 2003, с. 257].

С исследовательской точки зрения особый интерес вызывают тексты современных радиопередач, которые изобилуют словами и выражениями иностранного происхождения. Современная языковая ситуация характеризуется дестабилизацией литературных норм, либерализацией нормативных требований к речи, и как результат, внедрением иноязычной лексики во все сферы речи.

Проблема выбора интерпретации адресатом неизбежно связана с языковым и внеязыковым контекстом, который является неотъемлемой составляющей в формировании адекватного восприятия

текста с иноязычными вкраплениями. Важнейшей функцией контекста является смыслообразующая, в связи с чем целесообразно говорить о его влиянии на процесс восприятия и понимания текста. Смысл текста образует единство собственно информационной знаковой составляющей и многогранного контекста, в который заключена эта формальная знаковая составляющая. Л.А. Черняховская выделяет несколько видов контекстов, которые, по словам исследователя, «питают» текст информацией, входящей в составляющее его смысла [Черняховская, 1989, с. 35—48]. Взяв за основу классификацию, предложенную Л.А. Черняховской, отметим основные типы контекстов.

Основополагающим является *контекст общения* (курсив мой. — В.А.), который сопровождает любой акт коммуникации. *Контекст общения* (курсив мой. — В.А.) — «это вербальное и невербальное окружение текста, которое представляет собой обязательное условие акта коммуникации, необходимое и достаточное для того, чтобы обеспечить взаимодействие информации, содержащейся непосредственно в знаках текста, с той информацией, которая привлекается этими знаками из фонового знания адресата, что позволяет ему адекватно воспринять коммуникативное намерение отправителя» [Черняховская, 1989, с. 36]. Контекст общения включает ряд контекстов, каждый из которых выполняет свою функцию в тексте.

1. *Вербальный контекст* (курсив мой. — В.А.) реализуется в рамках фрагмента текста, достаточного для однозначного понимания языковой единицы при помощи знакового «окружения», т.е. языковых знаков, предшествующих данной единице и последующих. Вербальный контекст включает такие понятия, как микроконтекст и макроконтест.

• *Микроконтекст* (курсив мой. — В.А.) («ближайший или узкий контекст») — минимальное окружение языковой единицы, в котором реализуется значение, заложенное автором.

Например, ведущие передачи «Говорим по-русски» (радиостанция «Эхо Москвы») обсуждают:

«М. КОРОЛЕВА: *Соревнования по слоупстайлу...*» (курсив и изменение шрифта мои. — В.А.) («Говорим по-русски», 12.01.2014 г.).

Из микроконтекста понятно, что иноязычное слово «слоупстайлу» (курсив и изменение шрифта мои. — В.А.) — это существительное единственного числа. В предложении данное иноязычное вкрапление выполняет функцию дополнения. Грамматическое содержание иноязычного вкрапления, характерное для слов русского языка, облегчает его восприятие в рамках предложения, но на раскрытие смысла не влияет.

В процессе понимания иноязычного вкрапления в рамках вербального микроконтекста гораздо более значимо лексическое зна-

чение языковых единиц, «окружающих» иноязычное вкрапление, в данном случае «соревнования по». Данный микроконтекст указывает на то, что иноязычное вкрапление, вероятно, связано со спортивной деятельностью.

• *Макроконтекст* (курсив мой. — В.А.) (от фрагмента до целого текста) — осмысленная часть текста или целый текст, в рамках которого воплощается коммуникативная интенция автора.

Например, ведущие передачи «Говорим по-русски» обсуждают:

1) «О. СЕВЕРСКАЯ: У итальянцев есть такое выражение “Dolce far niente”. Им определяется их стиль жизни. Был такой фильм. Журналистка написала книгу о том, как она разводилась с мужем. Героиню играла Джулия Робертс. Она училась в Италии радостям жизни и тому, что называется Dolce far niente. Что это выражение означает в переводе? Фильм “Ешь, молись, люби”. Dolce far niente что означает в переводе? Сладкая жизнь, сладкое ничегонеделание или сладости, прежде всего. Алло, здравствуйте! СЛУШАТЕЛЬ: Думаю, что сладкое ничегонеделание» (курсив и изменение шрифта мои. — В.А.) («Говорим по-русски», 09.01.2014 г.).

2) «М. КОРОЛЁВА: Ирина из Москвы пишет, подтверждает мою мысль: “Майдан — это уже давно стало понятно”. Действительно. Кроме того, что есть русская литература, Гоголь, у него это слово использовалось. “Переведи меня через Майдан”. В каком-то смысле это слово для нас не совсем чужое. “В украинском языке есть слова Майдан и Площадь”, — пишет Джек из Москвы. Это я вам, к сожалению, сказать не могу. “Лучше Майдан Незалежности. Это все понимают и привыкли. Скажут площадь свободы. И не пойму, где это”, — пишет Елена. Этот аргумент, мне кажется, он главный. Давайте остановим голосование. Там все понятно. 72% тех, кто нам позвонили, они за Майдан Незалежности. И 28% за площадь свободы или независимости. Ещё у нас есть одна тема, по поводу которой можно провести голосование. Это то, что магазины в России хотят окончательно заставить писать названия на русском языке» (курсив и изменение шрифта мои. — В.А.) («Говорим по-русски», 22.12.2013 г.).

• *Экстралингвистический контекст* (курсив мой. — В.А.) — «это ситуация коммуникации, включающая условия общения, время и место акта коммуникации, его социокультурный фон, самих коммуникантов, их фоновые знания, их взаимоотношения, а также — предмет коммуникации (тему сообщения и коммуникативное намерение отправителя в связи с темой)» [Черняховская, 1989, с. 41]. В рамках экстралингвистического контекста выделяются более узкие: ситуационный, собственно невербальный и социокультурный контексты.

• *Ситуационный контекст* (курсив мой. — В.А.) — это источник информации об условиях протекания коммуникации: сведения о времени и месте, обстоятельствах ситуации общения; культурном, интеллектуальном и социальном уровне коммуникантов, их фоновые знания, осведомлённость о ситуации коммуникации.

• *Невербальный контекст* (курсив мой. — В.А.) — это жестикация, мимика, движения коммуникантов в процессе общения. Невербальный контекст служит для уточнения, а иногда и замены вербальных единиц. В радиокommunikации невербальный контекст выражается, прежде всего, в музыкальном сопровождении, но на восприятие текста и его понимание практически не влияет.

• *Социокультурный контекст* (курсив мой. — В.А.) — знание коммуникантов о культуре, науке, искусстве, общественном устройстве и т.п. Социокультурный контекст включает социальные, исторические, этнические и культурные традиции языкового сообщества. Языковые средства, используемые в информационном сообщении и обеспечивающие адекватное восприятие текста, всегда должны соответствовать уровню знаний участников общения. В противном случае неизбежна коммуникативная неудача, непонимание или недопонимание намерения автора. «Информация, вербализованная в тексте, рассчитана на наличие в фоновом знании адресата информации, составляющей социокультурный контекст акта коммуникации (исторические события, достижения науки, литературы и искусства), ибо только при взаимодействии с информацией социокультурного контекста адекватно воспринимается информация, содержащаяся непосредственно в знаках текста» [Черняховская, 1989, с. 44].

В ситуации радиокommunikации, в частности, в рамках программы «Говорим по-русски» (Эхо Москвы) подразумевается участие коммуникантов, которые сфокусированы на проблемах современного речевого общения. Это часто образованные, компетентные в языковом плане представители современной культуры с широкими фоновыми знаниями, равнодушные к предмету коммуникации — русскому языку. Поэтому проблема понимания иноязычной лексики часто становится не только вопросом адекватной интерпретации текста, но и приобретает общекультурный масштаб.

Например:

«К. ЛАРИНА: ...Действительно, многие явления и события — им нет обозначения в русском языке, хотя в других языках есть, поэтому очень часто англицизмами мы пользуемся. М. ЭПШТЕЙН: Да, мы пользуемся англицизмами. И в этом критическая точка в развитии русского языка, потому что никогда ещё в нём не было так много заимствований, как в последние 20 лет. Может быть, только эпоха Петра Первого сравнится, когда хлынули слова. К. ЛАРИНА: А с чем

это связано? М. ЭПШТЕЙН: Это связано с отставанием языка и всей цивилизации, которая на протяжении 70 лет была за железным занавесом и оказалась в таком состоянии, что лексический фонд английского языка за 20 век возрос примерно втрое, а лексический фонд русского языка убавился...» (курсив мой. — В.А.) («Говорим по-русски», 05.01.2014 г.).

К социокультурному контексту исследователь относит такую категорию, как сверхтекст — совокупность текстов, связанных общей идеей, концепцией автора.

М.М. Бахтин определяет сверхтекст шире, как корпус всех речевых произведений, созданных человечеством, как непрерывный континуум, который образует социальное знание и обеспечивает возможность понимания других вновь созданных речевых произведений на фоне уже имеющихся [Бахтин, 1979, с. 328]. Сверхтекст создаёт «окружение» текста, наполненное информацией, известной в рамках одной культурной и языковой общности. Взаимодействие элементов сверхтекста реализует смыслообразующую функцию. Такое информационное окружение текста называется метакоммуникативным контекстом, который в свою очередь является неотъемлемой частью осмысленного текста. *Метакоммуникативный контекст* (курсив мой. — В.А.) включает в себя не только предшествующие созданию текста (интенция автора, специфика аудитории, время и место создания текста) компоненты, но и последующие — особенности восприятия текста и ответную реакцию аудитории (обратную связь).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что адекватное восприятие текста зависит не только от собственно вербального контекста, выраженного в языковых знаках и конструкциях, но и от ряда внеязыковых контекстов, являющихся неотъемлемой частью любого акта коммуникации [Черняховская, 1989, с. 35—48].

Список литературы

- Иванов Л.Ю.* Коммуникативный успех: культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 261—262.
- Иванов Л.Ю.* Коммуникативные качества речи: культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 257—259.
- Черняховская Л.А.* Перевод и смысловая структура. М.: Междунар. отношения, 1989. 264 с.

Н.Г. Нестерова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета; e-mail: nesterovatomsk@rambler.ru

РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ РАДИОТЕКСТОВ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР*

Статья посвящена роли радиоресурсов в диалоге культур при обучении русскому языку как иностранному. Осуществляется краткий анализ тематического содержания российских интернет-радиостанций, реализующих культурно-просветительскую стратегию, предлагаются методические рекомендации по включению радиоматериалов в учебно-образовательный процесс. Радиопередачи культурно-просветительской тематики рассматриваются как источник аутентичных текстов при обучении не только аудированию, но и другим видам речевой деятельности. Акцент делается на возможностях, которые обеспечивают современные информационно-коммуникационные технологии для аудиторной и самостоятельной работы студентов с архивами записей передач и с радиоскриптами. С опорой на исследования российских и зарубежных исследователей и личный практический опыт выявляются достоинства учебной работы с данным типом аутентичных текстов и трудности, перед которыми оказывается студент. Анализируются трудности восприятия и перевода радиотекстов культурно-просветительской тематики и пути их разрешения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, диалог культур, аутентичные радиотексты, интернет, аудирование, трудности перевода, безэквивалентная лексика, радиоресурсы, культурно-просветительские передачи.

Natalia G. Nesterova, Cand. Sc. (Philology), Assistant professor at the Department of the Russian Language of Tomsk State University, Russia; e-mail: nesterovatomsk@rambler.ru

The Role of Authentic Radio Texts in a Cultural Dialogue

The article analyzes the role of radio resources in a cultural dialogue in teaching Russian as a foreign language. Brief analysis of the subject scope of Russian Internet radio stations implementing cultural and educational strategies is carried out. Methodological recommendations for integrating broadcast in the educational process are given. The author investigates cultural and educational broadcast as a source of authentic texts for teaching different types of speech skills, not just listening. Feasibilities provided by new information communication technologies for in-class and out-of-class student's work with broadcast records and radio scripts are stressed. Based on the studies of Russian and foreign researchers and personal teaching experience, the article explores advantages of educational activities with this type of authentic texts and difficulties encountered by students. Perception and translation problems of cultural and educational radio texts and ways of resolving them are analyzed.

Key words: Russian as a foreign language, cultural dialogue, authentic radio texts, Internet, listening, difficulties of interpretation, culture-specific vocabulary, radio resources, cultural and educational broadcast.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.

Введение

Радикальные перемены в общественной жизни постсоветской России повлекли за собой изменения социального контекста общения, что не могло не отразиться не только на языке в целом, но и на обучении языку и, в частности, русскому языку как иностранному.

К наиболее заметным изменениям можно отнести деидеологизацию всего процесса преподавания русского языка иностранным гражданам, что более всего отразилось на лексическом уровне и, как следствие, сказалось на подборе текстового материала. При этом, безусловно, сохраняется основная идея в определении круга текстов для чтения, тем для диалогов и других заданий — тема России. Едва ли у кого-то может вызвать сомнение приоритетность такого подхода: иностранец, обучающийся в России, должен получить представление о жизни русского человека, о социальных изменениях в стране изучаемого языка. Значимым фактором становится целесообразный выбор источников, среди которых ключевое положение занимают российские СМИ. В работе с таким материалом перед преподавателем русского языка как иностранного (РКИ) встаёт задача научить учащихся не просто читать газеты, популярные издания, слушать радиопрограммы, но и воспринимать разные уровни текста: событийный уровень, к которому, как правило, удаётся привести без особых затруднений, и «подтекстовый», который предполагает переход к смысловому восприятию текста, поэтому требует от обучающегося напряжённой интеллектуальной работы.

Развитие деловых и личных контактов, расширение и укрепление связей между народами выдвигает на первый план задачу воспитания человека, для которого важны общечеловеческая культура и общечеловеческие ценности. Эта задача связана с проблемой взаимопонимания людей. Одним из способов её решения может быть приобщение учащихся к культурному наследию и духовным ценностям своего народа и других народов [Гулак, 2001, с. 78]. С помощью иностранного языка и осуществляется непосредственный и опосредованный диалог культур — иностранной и родной. Основой диалога культур для изучающих русский язык в качестве иностранного становится интерес к русскому языку как выразителю своеобразной культуры.

Новый период развития российского социума ознаменовался изменением подхода к формированию у изучающих русский язык как иностранный «культурной компетенции, являющейся неотъемлемой составляющей коммуникативной компетенции» [Гудков, Клобукова, Михалкина, с. 248]. По наблюдениям исследователей, это выразилось в замене модели «язык — цель, культура — сред-

ство», традиционно действовавшей в практике преподавания РКИ, на модель «культура — цель, язык — средство». Объяснение такому пересмотру видится в изменении научной парадигмы и развитии когнитивного направления в гуманитарных науках и, прежде всего, в лингвистике: стала активно изучаться картина мира и языковая картина мира как совокупность объективных знаний человека о мире, как образ мира, запечатлённый в структуре языка. В методике преподавания РКИ отмеченные явления проявились в ориентации на технологии диалога культур. «Диалог культур (межкультурная коммуникация) стал в наши дни основополагающим концептом методической теории» [Хватов, 2010, с. 238].

По замечанию исследователей, имеющих значительный опыт работы с иностранцами, современный социальный и исторический контекст общения в качестве доминирующего определяет принцип учёта иностранцем особенностей новой для него культуры и умения адекватно воспринимать и понимать её, но не требования обязательности её «присвоения». Преподаватель в процессе обучения не должен стремиться к тому, чтобы составляющие осваиваемой иностранцем культуры «заняли место тех категорий и моделей, которые характерны для родной культуры инофона. Таким образом, нужно не оценивать те или иные реакции иностранца как «неправильные», а знакомить его с принятыми у русских представлениями, оценками и т.п., не добиваясь невозможного — того, чтобы последние стали для инофона «своими» [Гудков, Клобукова, Михалкина, 2001, с. 254]. Обучаясь у себя на родине и не имея достаточных контактов с носителями языка, учащийся, как правило, не обладает необходимыми фоновыми знаниями. Это может привести к неправильному пониманию воспринимаемой информации и к нарушению контакта с носителями языка.

Обоснование подхода и материала

2014 объявлен в России годом культуры, что определило в качестве приоритетной задачи содействие развитию и продвижению русской культуры как в России, так и за её пределами. В концепции реализации мероприятий по поддержке русского языка и образования на русском языке, которая обсуждалась в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина в январе 2014 г., среди ключевых позиций закономерно оказалась деятельность, связанная с проведением просветительских и культурно-образовательных мероприятий. Специальное внимание обращено на формирование у зарубежных преподавателей РКИ и учащихся положительного образа России и россиян.

Современный социокультурный контекст общения характеризуется теснейшим взаимодействием человека с различными видами коммуникации, когда межличностное общение сочетается с радио-, видео-, интернет-коммуникацией, что не могло не отразиться на организации учебного процесса в иноязычной аудитории. С одной стороны, это выразилось в необходимости сделать доступным для понимания учащегося пространство радио- и телеэфира, русскоязычного интернета. С другой стороны, технические средства обучения (возможности интернета, видео, радио) становятся эффективным средством обучения русскому языку, так как являются неиссякаемым источником аутентичных текстов.

Ценность радиоматериалов в обучении иностранцев русскому языку и культуре обусловлена тем, что СМИ традиционно отводится значимая роль во всестороннем развитии человека, в формировании идеологических, культурных, речевых стандартов. Одной из важнейших функций СМИ является культуроформирующая, связанная с пропагандой и распространением в жизни общества высоких культурных ценностей, с воспитанием людей на образцах мировой культуры [Прохоров, 2011, с. 77]. Таким образом, иностранный гражданин, осваивающий русский язык и русскую культуру, через российские СМИ постигает культурную составляющую страны изучаемого языка в реальном её проявлении.

К вопросу о методологических основах исследования

Научно-методическая литература XXI в. отражает поиск новых технологий обучения языкам [Нестерова, Фашанова, 2013]. Автор широко востребованных учебников, ориентированных на обучение русскому языку как иностранному через российские СМИ, А.Н. Богомолов в методических исследованиях раскрывает возможности интернет-технологий, которые могут быть использованы в лингводидактической деятельности. Оценивая интернет как источник информации, он приводит перечень справочно-информационных ресурсов рунета, среди них: справочно-образовательные и информационно-образовательные порталы, веб-сайты, каталоги и др. Для данной публикации особую значимость приобретает заключение автора о широких возможностях этих ресурсов: их «можно использовать в качестве современного аутентичного языкового и культурологического материала на занятиях по РКИ и как иллюстративный материал при изучении лексико-грамматических и коммуникативных тем, и как опорный материал для организации поисковой деятельности иностранных учащихся в российских интернет-ресурсах, и как инструмент для поиска и сбора информа-

ции по темам исследовательских проектов» [Богомолов, электронный ресурс].

К вопросам использования коммуникационно-информационных технологий в обучении русскому языку активно обращаются зарубежные специалисты. Отметим публикации С. Корычанковой, которая отмечает, что в современных условиях главной задачей образования является не только получение учениками определённой суммы знаний, но и формирование у них умений и навыков самостоятельного их приобретения. Опираясь на многолетний практический опыт, чешский исследователь с уверенностью заключает, что у учащихся, активно работающих с компьютером, формируется более высокий уровень навыков самообразования, которые позволяют ориентироваться в бурном потоке информации, развиваются умения выделять главное, обобщать, делать выводы [Kogučankova, 2009, s. 232].

Интернет расширяет возможности обучения русскому языку как иностранному в условиях обучения вне языковой среды. Сайты рунета, как отмечает автор, позволяют найти любую актуальную информацию по самым разным темам и вопросам. Зарубежный преподаватель русского языка может оживить урок по русскому языку и воспользоваться тысячами страниц рунета, которые предлагают в помощь учителю «предподготовленные» уроки русской истории, литературы, культуры и др. [Kogučankova, 2007, s. 54]. В публикациях С. Корычанковой на примере конкретных тем продемонстрирована методика обучения русской культуре на материале русскоязычного интернета, предложены формы учебной аудиторной и внеаудиторной работы студентов, предлагается алгоритм работы с интернет-ресурсами [Kogučankova, 2007, 2008].

Роль интернета повышается тем, что он является источником аутентичных текстов. Именно аутентичные материалы способствуют разъяснению действительности страны изучаемого языка, условий, обстоятельств с точки зрения носителей языка. «Общая цель всех аутентичных материалов — рассмотрение иностранного языка как выражения иных отношений, способов мышления, действий, речи и обучение языку в соответствии с ними» [Лейфа, 2002, с. 88—89].

При этом результаты исследований специалистов расходятся в оценке влияния электронных СМИ на развитие речевых навыков при изучении чужого языка. В небольшом обзоре работ, предложенном Р. Говон [Gowon, 2009] отмечается, с одной стороны, бесспорная ценность телевидения и радио как источника аутентичной речи: они представляют реальные языковые ситуации, способны сочетать язык с экстралингвистическими факторами; важна их способность мотивировать к изучению чужого языка.

С другой стороны, указывается, что привлечение в качестве аутентичных текстов материала электронных СМИ требует постоянного развития методики его использования, отвечающей уровню стремительно развивающихся технологий СМИ. В контексте обоснования дидактической ценности записей радиоэфира в обучении русскому языку как иностранному отмеченное замечание играет весьма и весьма существенную роль. С нашей точки зрения, специальное внимание к методике работы с этим типом материала обусловлено серьёзными техническими изменениями СМИ и, как следствие, дискурсивными изменениями этой сферы речи.

Результатам привлечения в обучении английскому языку подкастов (аудиоматериалов, опубликованных в интернете) посвящена публикация литовского исследователя Г. Кавалиаускиене. Автор квалифицирует этот приём как онлайн-коммуникационную технологию и отмечает в качестве достоинств подкастов возможность использовать их в самостоятельной работе, как аудиторной, так и внеаудиторной, их доступность и возможность обращения к ним в удобное время. Преподавателю подкасты дают возможность связывать различные элементы курса между собой, расширяют границы для устной работы, активизируют заинтересованность учащихся в изучении языка [Kavaliauskienė]. Онлайн-подкасты предоставляют преподавателю иностранного языка (естественно, и русского языка как иностранного) богатый выбор материалов для практики аудирования. Со ссылкой на П. Константина автор отмечает, что даже очень короткое прослушивание звучащей речи (до пяти минут ежедневно) даёт более полное представление об изучаемом языке и речи. Дополним к указанному момент, связанный с возможностью (благодаря подкастам) слушать разные голоса: мужские и женские, с разной тембровой окраской и другими фонетико-интонационными особенностями.

Роль радиоресурсов в развитии навыков аудирования

Аудирование в классификации видов речевой деятельности (ВРД) относится к перцептивному (непродуктивному) ВРД, при этом является очень сложным процессом в силу скрытого протекания. Сложность этого ВРД связана и с отмечаемой специалистами многоэтапностью, которая предусматривает: определение причины аудирования, прогнозирование воспринимаемой на слух информации, попытку организации информации, определение смысла сообщения, перевод информации из краткосрочной памяти в долгосрочную [Kavaliauskienė]. Аудирование нацелено на восприятие и понимание информации. Успешность же понимания находится

в полной зависимости от объёма словарного запаса и способности распознавания его при аудировании.

Информационно-коммуникационные технологии обеспечивают представление радиоматериалов также в форме стенограмм. Из зарубежного опыта работы с этим материалом отметим сайт радиоскриптов американского радио, созданный С. Риском с целью обогащения дополнительных ресурсов для чтения и находящийся в публичном доступе (bits.westhost.com/scripts) [Skip Reske, 2005]. Мы разделяем положительную оценку стенограмм как учебного материала, которой придерживается Скип Риск. Ценность радиоскриптов мы видим в том, что они знакомят с интересными историями и интересными людьми и, как следствие, расширяют кругозор адресата; их жанровая многоплановость может удовлетворить запросы самой разной аудитории, выполняя гедонистическую функцию; их аутентичность обеспечивает расширение разговорных моделей, что важно для изучения русского языка; они легкодоступны через интернет.

В нашей практике преподавания русского языка в иностранной аудитории апробировано использование подкастов и стенограмм в работе по аудированию. Методически работа с этим материалом организуется по принципу самопроверки. Студенты выполняют несколько этапов работы: 1) слушают эфирную запись радиопередачи и определяют степень понимания звучащего текста; 2) читают стенограмму, сверяя правильность услышанного звучащего текста по печатной версии (при этом студенты могут пользоваться словарём); 3) выявляют сложные для восприятия моменты прослушанного текста: грамматические, лексические, стилистические, смысловые, а также связанные с фонетико-интонационными особенностями; 4) формулируют вопросы, на которые не удалось ответить самостоятельно.

Другой тип работы, акцентирующий внимание на фонетической стороне речи, проводится в «обратном порядке» выполнения первых двух этапов. Сначала студенты проводят интонационную разбивку текста стенограммы, затем слушают эфирную запись и сверяют своё интонационно-логическое понимание текста с оригиналом. Анализ трудностей фонетического и орфоэпического характера, а также связанных с фонетическим членением речи и логическим ударением, осуществляется под руководством преподавателя в ходе аудиторной работы (когда обсуждаются типичные трудности и ошибки), а также в ходе индивидуальных консультаций. Обратим внимание на такой факт, что стенограмма не всегда демонстрирует полное совпадение с эфирной записью [Нестерова, 2013], о чём студенты должны быть предупреждены.

Задания такого рода выходят за рамки решения вопросов по аудированию и освоению фонетико-интонационной стороны языка. Они способствуют расширению словарного запаса, повышают скорость чтения. Подкасты могут использоваться как основа для аудиоупражнений на понимание устной публичной речи и для организации дискуссий.

Самостоятельная работа с радиозаписями обеспечивает независимую оценку студентом эффективности использования аутентичных материалов в изучении языка и помогает развивать критический подход к оцениванию собственных результатов. Следует отметить, что одни студенты выбирают лёгкие записи, а другие ищут более сложные. Выполнив задания и упражнения, студенты могут провести самопроверку при помощи «ключей» к заданиям (если они предлагаются) посредством обращения к стенограмме или к словарю. Такой подход к независимой проверке понимания текста помогает студентам определить свои возможности восприятия аутентичной речи.

Принципы дидактики требуют, чтобы учебные материалы отвечали критериям информативной насыщенности, адекватности страноведческим реалиям, соответствовали жизненному и речевому опыту студентов. Это общие требования к учебным материалам. Привлекая аутентичные радиоматериалы, как представляется, необходимо следовать также следующим принципам: отбор звучащих речевых фрагментов осуществлять с учётом скорости звучания речи; учитывать особенности речи участников передачи: она должна отличаться чёткостью произношения, выраженным фразовым и тактовым ударением, это позволит учащимся установить границы целостных в смысловом отношении фрагментов речи; наращивать текстовые сложности постепенно; начинать работу с аутентичными радиотекстами с предложенного преподавателем материала, постепенно подготавливая студентов к возможности самостоятельного выбора интересующей тематики и персоналий (участников передачи) в соответствии с индивидуальными интересами.

Пути разрешения трудностей работы с аутентичными радиоматериалами

Как представляется, необходимо дифференцировать два уровня разрешения трудностей. Первый — это уровень деятельности преподавателя. Работу с аутентичными радиотекстами следует квалифицировать как сложную, поэтому вводить такой материал следует постепенно.

На первом этапе работы с аутентичными материалами следует особое внимание обратить на предтекстовые задания (при условии, что текст для прослушивания определяет преподаватель). При самостоятельном выборе текста студентами желательно сориентировать их на самостоятельную работу, направленную на формирование лексического минимума по теме.

Аутентичные материалы являются обязательной и неотъемлемой частью в обучении иностранных учащихся, однако при работе с материалами СМИ важно учитывать, что в них могут встречаться ошибочные употребления лексических единиц, их форм и т.д. Особенно это касается звучащих текстов с преобладанием спонтанной речи. Необходимо делать тщательную выборку аудиозаписей, в которых преобладает спонтанная речь, проговаривать в аудитории особенности данного материала. Студент, работая с аутентичным радиотекстом, должен знать о возможных ошибках в речи говорящих. На высоком этапе обучения данный факт можно использовать и в качестве обучающего момента, составив задания по целенаправленному поиску ошибочных словоупотреблений.

В условиях конвергенции СМИ расширяются способы восприятия радиоречи/радиотекста адресатом: с появлением *видеорадио* адресат может не только *слушать* радио, но одновременно *визуально наблюдать* за происходящим в эфире, а также *прочитать* стенограмму передачи. Отмеченные формы репрезентации радиоматериалов успешно реализуются крупными радиостанциями, такими, как «Эхо Москвы», «Маяк», «Радио Россия. Культура» и другими. Указанные возможности должны быть учтены преподавателем в определении методики работы с радиоматериалами.

Второй уровень — это уровень работы студента по реализации алгоритма разрешения трудностей понимания устно звучащей речи. Он также включает несколько этапов. На первом этапе студенты пытаются понять общий смысл звучащего текста и отдельных слов и конструкций в контексте. Второй этап работы связан с прочтением стенограммы и реализуется посредством распознавания значения слова уже в печатном тексте. Эта деятельность осуществляется в значительной степени с опорой на графический облик слов, оборотов речи. Завершающим шагом является отбор языковых фактов, понимание которых осуществляется посредством обращения к словарю, это наиболее верный способ выяснения значения непонятных слов.

Плюсы самостоятельной работы с фонограммами в качестве аутентичных записей состоят в возможности обращаться к ним как к текстовому материалу многократно для решения различных

вопросов в рамках всех видов речевой деятельности. Так, С. Риск отмечает целесообразность использования фонограмм с мультимедиа и интерактивными элементами для обогащения опыта различных стилей обучения [Skip Reske, 2005]. В то же время некоторые специалисты отмечают определённую ущербность аутентичных материалов этого типа. Так, по данным Р. Говона, телевидение и радио положительно влияют на навык говорения у студентов, но никак не отражаются на навыке письма [Gowon, 2009]. Здесь мы считаем необходимым отметить целесообразность послетекстовой работы с аутентичными материалами. В нашей педагогической практике она реализуется в аннотировании прослушанных материалов, в форме сочинений и специальных записей в учебных дневниках, которые студенты ведут весь период обучения с целью совершенствования письменной речи.

Сложной, но очень эффективной формой самостоятельной работы на продвинутом этапе изучения языка является стенографирование аудиотекста. Эффективность такой работы связана с необходимостью неоднократного прослушивания радиозаписи до полного её понимания. Записав стенограмму, студент будет готов работать со смысловым уровнем текста.

Указанные формы самостоятельной работы обеспечивают закрепление нового лексико-грамматического материала и заметно улучшают письменную речь.

В построении методологических основ использования теле- и радиоресурсов при обучении чужому языку Р. Говон опирается на социально-когнитивную теорию Мэдкальфа Глина и Мура, в центре которой идея моделирования поведенческих ситуаций и эмоциональной реакции: теория основана на том, что люди моделируют своё поведение, наблюдая за окружающими и подражая им. Ценность этой теории для практики обучения русскому языку как иностранному нами видится в том, что акцент в ней делается не на расширении собственно языковых компетенций, а на коммуникативных компетенциях обучающегося.

Интернет-радиоресурсы как источник аутентичных текстов

Новые технические медиаусловия создали возможность появления интернет-радиостанций культурно-просветительской направленности. Среди них «Радио России. Культура», функционирующее в структуре «Радио России» (<http://www.cultradio.ru>), «Литературное радио» (<http://litradio.ru>) — радиопроект, в центре внимания которого находится популяризация и информационная поддержка со-

временной русской литературы. В качестве ценного источника культурной информации отметим интернет-радио «Русский мир» (<http://www.rgm.fm>) — радиорупор общественного фонда «Русский мир», давшего название радиостанции. Эта интернет-радиостанция является лауреатом премии им. Попова в номинации «За развитие русскоязычного вещания в мире». Будучи адресованной эмигрантам, нашим соотечественникам, проживающим за рубежом, выходцам из России, людям, интересующимся русским языком и культурой, она включает передачи о русском языке, литературе, культурные новости, музыку, программы для детей. Арсенал культурно-просветительских передач может быть расценён как банк аутентичных материалов для работы в иностранной аудитории. Однако работа с текстами культурно-просветительской направленности потребует лингвокультурологического комментария, предусматривающего расшифровку культурных и исторических фактов, собственных и нарицательных имён, значимых дат и т.п. К примеру, в рамках изучения темы «Российское кино» при работе с текстом ток-шоу, участниками которого были поэт Андрей Дементьев (ведущий авторской программы) и народный артист Александр Михайлов, возникла необходимость в лингвокультурологическом комментарии к следующим языковым единицам: *народный артист, послужной список, старообрядка, полужемлянка, два с половиной метра на три, топчанчик*, а также *гордыня, поклониться*, наполненным религиозным смыслом. Потребовалось также разъяснение к названиям фильмов «*Любовь и голуби*» и «*Мужики!*» и песни «*По диким степям Забайкалья...*» («Радио России. Культура». Передача «*Выражи времени*». 18.01.2014).

По данным опроса китайских студентов трудности, которые возникают при восприятии радиоматериалов, носят разный характер, связанный с «распознаванием» и переводом единиц разных уровней языка.

Лексические трудности связаны с поиском эквивалентности, то есть с поиском языковых средств, которые эту эквивалентность обеспечивают. Основной трудностью для китайских студентов стало отсутствие в их родном языке эквивалентов русским словам с национально-культурным компонентом семантики, то есть безэквивалентная лексика, а также топонимы, лексемы из специальной сферы. Так, в культурно-просветительских передачах часто принимают участие люди творческих профессий, обладающие званиями, отмеченные наградами, в том числе правительственными; тексты часто насыщены историческими и культурными фактами. Переводной словарь не всегда даёт полное представление

о ситуации и о личности гостя передачи из-за отсутствия лексического эквивалента. Мы согласны с позицией методистов, что такая ситуация должна восприниматься как нормальное языковое явление, и отсутствие слова в словаре не может служить препятствием для его перевода [Гостева, 2001, с. 47] и для работы с данным текстом.

Указанный факт не умаляет значения переводного словаря: «...лексикографическому изданию присуща роль своеобразного “зеркала”, в которое заглядывает участник межкультурного диалога в целях самоидентификации в контексте иной культуры» [Хватов, 2010, с. 238]. Исследуя вопрос о базисе перевода, С.Л. Бурмистров отмечает, что при переводе текста, как правило, просто подставляются на место переводимых слов и выражений эквивалентные им слова родного языка. Эта эквивалентность основана на наличии общих у чужой и родной «культур реалий, форм мышления и других знаковых структур, сложившихся в процессе развития в сходных исторических условиях и в постоянной коммуникации, что обеспечивает существование у слов и выражений разных языков общих денотатов» [Бурмистров, электронный ресурс]. Более сложно выстроить общий базис для культур, развивающихся независимо друг от друга, в очень различающихся условиях. Особенно заметно этот фактор проявляется, когда студенты обучаются вне страны изучаемого языка. Многолетний опыт работы с китайцами позволяет утверждать, что, даже когда иностранные студенты живут в стране изучаемого языка, культурные знания прививаются довольно сложно. В то же время китайский исследователь Ло Сяоя отмечает, что знакомство с культурными символами России в сравнении с культурными символами Китая определяет мотивацию учащихся к изучению русского языка и способствует развитию эмоционального и познавательного интереса к культуре народа изучаемого языка [Ло Сяоя, 2006].

Так как коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку предполагает общекультурное, страноведческое и лингвострановедческое обогащение [Аксёнова, 2002, с. 75], деятельность студента, связанная с переводом текста, должна выполняться сознательно и творчески, а преподавателю следует добиваться того, чтобы его страноведческий и культурный потенциал был усвоен максимально полно и адекватно. Особое значение имеет развитие у обучающихся интеркультурного сознания, в которое свою долю может внести преподавание РКИ [Лейфа, 2002, с. 88].

Работа со стенограммой радиопрограммы предполагает этапы, которые свойственны переводческой деятельности: 1) уяснение

значения слова в контексте; 2) передача этого значения средствами переводящего языка [Хватов, 2010]. Для этого следует обращать внимание обучаемых на разнообразие проявлений иноязычной культуры в тексте, учить их видеть информацию о культуре страны, адекватно воспринимать отдельные лингвострановедческие объекты и учитывать их роль в тексте [Лейфа, 2002, с. 88].

Стилистические трудности в работе с радиоматериалами обусловлены тем, что при изучении языка СМИ иностранные студенты знакомятся, прежде всего, с публицистическим стилем на примере российских газет. Что касается российского радио, то в последние два десятилетия под влиянием деидеологизации и децентрализации оно испытало серьёзные изменения в форме и содержании материалов. Стирание грани между демократичностью и вседозволенностью привело к изменению приоритетов в речевой культуре. Насыщенность радиоречи стилистически и эмоционально-экспрессивно окрашенными словами нередко становится препятствием на пути адекватного восприятия текста.

Грамматические трудности обусловлены усилением роли спонтанной речи в электронных СМИ, её стремлением к естественному непосредственному общению с адресатом, что сказывается на её грамматической оформленности, нередко далёкой от литературной нормы.

Выводы

Овладение иностранным языком всегда связано с большим количеством страноведческих и культурных знаний, так как изучаемый язык иначе «воспринимает» мир и иначе отражает общественные условия. В подготовке к успешному диалогу культур эффективны аутентичные тексты интернет-радиоресурсов.

Работа с радиоресурсами предполагает серьёзную подготовку преподавателя, который должен хорошо знать содержательные возможности сайтов и интересы студентов — только в этом случае эффективность от привлечения аутентичных радиотекстов может быть высокой. Учащиеся должны получить алгоритм анализа текстов СМИ, который даст знания о том, какого рода информацию следует искать в передачах той или иной тематики в тех или иных жанрах.

Апробация заданий, выполняемых с привлечением материалов радио, свидетельствует о заинтересованности студентов. Интернет-радиоресурсы способствуют формированию навыка самостоятельного поиска материала, его интерпретации, анализа. Студент мо-

жет реализовать свои интересы в отборе материала. Разнообразие затрагиваемых тем способствует расширению словаря студента-иностранца и развитию всех видов речевой деятельности.

Новые технологии в образовании нацелены, прежде всего, на организацию самостоятельной работы студентов. Интернет-технологии дают возможность скачивания подкастов, прослушивания и прочтения их в удобное время. Обсуждение в аудитории результатов самостоятельной работы позволяет студентам оценить свои способности понимания аутентичных записей. Отражение разного опыта аудирования в веб-блогах/дневниках позволяет студентам отслеживать собственный прогресс в изучении языка.

Информация, полученная из различных радиоисточников, может расцениваться как основной материал, и работа с ними в рамках курсов, связанных с изучением российских СМИ и их источниковедческих возможностей, тоже может квалифицироваться как основная, но чаще она носит сопровождающий характер, так как является опосредованной коммуникацией, в которой учащийся является сторонним наблюдателем реальной речи.

Список литературы

- Аксёнова Е.Е.* Лингвострановедческий аспект перевода в обучении иностранному языку студентов-филологов // Развитие социокультурной компетенции при обучении иностранным языкам: Материалы науч.-практ. конф. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. С. 75—76.
- Богомолов Н.А.* Интернет-среда в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dist-learn.ru/movie/publications/internet_and_russian_language.doc
- Бурмистров С.Л.* О концептуальных основаниях диалога культур в условиях глобализации // Антропология: [сайт]. СПб., 2005—2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/burmistr/dialogueglob.html>
- Гостева Н.Ю.* Проблемы перевода неологизмов в английских экономических текстах // Развитие социокультурной компетенции при обучении иностранным языкам: Материалы научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. С. 46—47.
- Гудков Д.Б., Клобукова Л.П., Михалкина И.В.* Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 244—257.
- Гулак М.В.* Роль лингвострановедческого аспекта в процессе обучения китайскому языку на начальном этапе // Развитие социокультурной компетенции при обучении иностранным языкам: Материалы науч.-практ. конф. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. С. 78—80.
- Лейфа И.И.* Отбор аутентичных материалов при обучении иностранным языкам // Развитие социокультурной компетенции при обучении

иностранным языкам: Материалы науч.-практ. конф. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. С. 88—89.

Ло Сяоя. Использование русско-китайских параллелей при обучении русскому языку как иностранному // Автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-ispolzovanie-russko-kitayskih-paralleley-pri-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu#ixzz2vHobYmzp>

Нестерова Н.Г. Радиотекст в условиях конвергенции СМИ // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2013. № 2 (22). С. 54—65.

Нестерова Н.Г., Фацанова, С.В. Интернет и интернет-СМИ как средства инновационных технологий в обучении лингвистическим дисциплинам / Открытое и дистанционное образование. Томск, 2013. С. 22—27.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с.

Хватов С. Роль переводного словаря в межкультурной коммуникации // Kalba ir kontekstai / Mokslo darbai. 2010 m. III tomas (2 dalis). Vilniaus pedagoginis universitetas. Filologijos fakultetas. Vilnius, 2010. С. 237—244.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Б.К. Қасым,

доктор филологических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая; e-mail: bkasym_gosyaz@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В СИСТЕМЕ СВЯЩЕННЫХ ЧИСЕЛ

Концепт, обозначающий бесконечные взаимоотношения между языком — мыслями — бытиём — познанием, — является одним из особенных многогранных познавательных явлений в языке. Концепт — это динамическая структура с логической точки зрения, которая изображает опыт существования человечества, разносторонне развивается и адаптируется к изменениям. Концепт — это не только содержание, обобщенное в познании человека в одну систему знаний, это языковое явление, сохранившее в языке национальный колорит сложной национальной познавательной мысли. В рамках концепта группируются познавательная сущность значений слов, сами значения слов. Относящиеся по своему содержанию к священным наименованиям такие единицы, как *слово и понятие, слово и значение, внутренняя и внешняя форма слова* и другие взаимосвязанные структуры, в языке служат в качестве средства общения.

Одно из таких наименований — это наименования священных чисел. В числах сохранены традиции и обычаи, вера и убеждения, приметы и другие духовные ценности, заложенные в миропонимании народа. Посредством этого даются сведения по миропониманию, истории, культуре древних народов. Раскрываются тайны священных чисел в языковом применении.

Ключевые слова: познание, слово, значение, понятие, священные числа, лингвокультурология.

Balkiya K. Kassym, Dr. Sc. (Philology), Professor at Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan; e-mail: bkasym_gosyaz@mail.ru

Comparative Linguo-cultural-cognitive Concepts in the System of Sacred Numbers

The concept defining the endless relationship between language, thoughts, existence and knowledge is one of the special multi-faceted cognitive phenomena in language. Concept is a dynamic structure, from a logical point of view, which shows the experience of human existence and diversifies and adapts to changes. Concept is not only the content generalized in the single system of human knowledge, it is also a linguistic phenomenon that preserved in the language the national colors of the national complex cognitive thought. As a part of the essence, the concept itself groups cognitive meanings of words and the meaning of words themselves. Related in content to the sacred names such units as the word and concept, word and meaning, internal and external form of the word and other related structures, serve in language as a means of communication. One of these items here are the sacred numbers. In numbers traditions and customs, faith and beliefs, signs and other spiritual values inherent in the worldview of the people are preserved.

Through this information on the understanding of the world, history and culture of ancient peoples is presented. The secrets of the sacred numbers usage in language are revealed.

Key words: knowledge, word meaning, concept, sacred numbers, lingua-culturology.

Концепт, обозначающий бесконечные взаимоотношения между языком-мыслям-бытием-познанием, — является одним из особенных многогранных познавательных явлений в языке. В настоящее время в лингвистических науках в связи с повышением интереса к роли культурной личности все большее внимание уделяется анализу концептов, несущих в себе опыт предшествующих поколений, культуры и менталитета всего народа. Концепт по своей генетической и типологической структуре встречается практически во всех языках. Концепт — это динамическая структура, которая с логической точки зрения изображает опыт существования человечества, разносторонне развивается и адаптируется к изменениям. На основе концепта национальное познавательное древнее и новое значения слов *мотивируются* и формируются как наименования. Поэтому сущность (основу значения) мотивации необходимо искать именно в концептах. Внутренняя значимая структура слова взаимосвязана с внешней формой этого слова. «Для внутренней структуры данного слова он является ядром основного значения во всех словоупотреблениях, а для внешней структуры он служит образцом всех значимых его показателей» [Касым, 2010, с. 203—204].

Концепт является общим понятием для всех значений слова. М. Хайдеггер: «Отличительность бытийного вопроса вполне выйдет на свет однако только тогда, когда он будет удовлетворительно очерчен в плане его *функции*, его *цели* и его *мотивов*. ... Всякое толкование основано в понимании. Расчленённое в толковании как таковое и вообще преднамеченное в понимании как членимое есть смысл. ... Значимое целое понятности *берёт слово*. К значениям прирастают слова» (курсив мой. — Б.К.). «... Феноменологически описать “мир” будет поэтому значить: выявить и концептуально-категориально фиксировать бытие наличного внутри мира сущего. Сущее внутри мира — это вещи, природные вещи и “ценностно нагруженные” вещи... Подобное “средство” мы находим в *знаке*. Этим словом именуется многое: не только разные *виды* знаков, но бытие-знаком для... само может быть формализовано до некоего рода *универсального типа отнесённости*, так что знаковая структура сама подаёт онтологическую путеводную нить для “характеристики” всего сущего вообще. Концепт — семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры. Отражая этническое мировоззрение, концепт маркирует этническую

языковую картину мира и является кирпичиком для строительства “дома бытия”» [Хайдеггер, 1997, с. 83—85, 97]. В.Н. Телия: «Концепт — это продукт человеческой мысли и явление идеальное, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт — это конструктор, он не воссоздаётся, а “реконструируется” через своё языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия, 1996, с. 187]. Концепт — это не только значение, вобравшее в себя систему знаний в познавательном мире, но и языковое явление, сохранившее национальный колорит сложной познавательной мысли в языке. Познавательная природа и значение слова языка достаточно сложные явления. Познавательная сущность значений слов в языке сосредоточена в подтексте концепта. Концепт используется для обозначения *обобщенной мыслительной единицы* и функционирует в качестве средства общения в языке на основании преимущества *слова и понятия, слова и значения, внутренней и внешней формы слова* и др. Л. Жаналина выделяет: «*Мыслительная картинка* — концепт, который содержит не только понятие, но и детальный образ обозначаемого» [Жаналина, 2006, с. 91].

Мышление — наивысшая форма изображения окружающего мира в сознании. Исходная форма мышления — *понятие*. **Понятие** — образ предметов и явлений в сознании. Своеобразные особенности, познание, самосознание, миропонимание, сущность, национальный менталитет и т.д. каждой нации, её культуру и миропознание можно познать посредством языка. Пути развития языка и мышления, связи между бытием и языком по представлению сознания и познания человека чётко проявляются во внутреннем содержании концептов. В.А. Маслова утверждает, что передать культуру и информацию на основе номинативных единиц языка можно следующими четырьмя способами: «культурные семы», «культурное поле», «культурные концепты», «культурная номинация». Учёный, утверждая, что ядром культурного концепта является не только личная языковая форма, а также языковые единицы, признающиеся основой экзистенционального значительного пространственного образа в окружающей среде, к основному концепту культуры относят такие абстрактные наименования, как *честь, судьба, грех, закон, свобода* и т.д. [Маслова, 2001, с. 51].

Концепт — это общая единица культуры и познания. Благодаря видению механизмов образования новых значений слов, можно будет также осознать внутренние механизмы культуры и познания. Проведя анализ сформированных в языке концептов, можно проследить своеобразные особенности *национально-культурного познания*. Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноимённых концептах в разных национальных культурах, а также в наличии концептов, характерных только для

одной культуры. **Образно-символический** концепт — знаковое проявление конкретного понятия. В современном языкознании исследуются познавательные свойства когнитивной лингвистики во взаимосвязи с языковыми средствами. Б. Касым, Г.Н. Зайсанбаева утверждают: «В процессе метафоризации в рамках когнитивного направления, основанной на сходстве с явлениями и ситуациями окружающей (...) действительности образуются другие наименования или концепты. Наименования, образованные с помощью метафор, тесно связаны с концептуальной системой потребителя языка, поскольку на основе определенных сформированных понятий об окружающем мире образуются различные понятия и наименования в ассоциативном образном мышлении. В соответствии с законом языковой экономии в последнее время новые словообразования создаются с использованием семантического поля имеющегося уже в языке. Поэтому при анализе словообразовательной значимости метафоры языковые единицы рассматриваются в когнитивном аспекте» [Касым, Зайсанбаева, 2004, с. 50—54]. Благодаря концепту, семантическое значение отдельных *национально-культурно-познавательных* наименований, а также особенности материально-духовных явлений можно рассматривать как ключ познания. В связи с этим А. Вежбицкая считает: «Концепт — это языковая картина мира, в которой изображаются культурные понятия и наименования, накопленные человеком о мире» [Вежбицкая, 1996, с. 75]. Концепт — языковое явление, отражающее особенности мира *культуры и познания*. Главным объектом когнитивной лингвистики является изучение лексем, отражающих особенности, понятия и представления, самосознание, кругозор, бытие и сущность каждой нации, в качестве «культурных концептов». В связи с этим появляется необходимость познания языковых моделей, передающих языковые базовые духовные ценности и материальную культуру, в качестве концепта, поскольку под языковыми моделями понимается логическая модель мышления. В логических моделях сосредоточены конкретные и абстрактные понятия и представления. Посредством языка можно познать своеобразные особенности, самосознание, миропонимание, бытие и сущность, национальный менталитет и др., культурное бытие и познавательный мир каждой нации. Пути развития языка и мышления, связи между бытием и языком по представлению сознания и познания человека чётко проявляются во внутреннем содержании концептов.

Один из путей глубокого изучения структуры языковой системы, действительного познания природы национального языка — изучение собственно языковых закономерностей языковых знаков, их составляющих единиц, содержательной и формальной сторон

языковых единиц. Другой путь заключается в изучении их в тесной взаимосвязи с такими неязыковыми ценностями, как реальная действительность, мышление, познание. В казахском языке языковые единицы наименований чисел составляют один из древних пластов словарного состава языка, заключающих в себе своеобразную тайну. Поскольку числа образуются из определения размера, объёма предметов и явлений окружающей среды относительно друг друга, то они являются одним из способов познания мира человеком. В настоящее время числа входят в содержание любой науки и служат для неё. Вместе с тем в каждом языке имеется тенденция к приданию числам некоего символического смысла, отнесение их к священным — это явление берет своё начало из древней истории многих народов. Исследования чисел в относительно новых направлениях проводятся в аспекте лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Вот несколько основных положений, встречающихся в данных исследованиях:

Один из путей глубокого изучения структуры языковой системы, действительного познания природы национального языка — изучение собственно языковых закономерностей языковых знаков, их составляющих единиц, содержательной и формальной сторон языковых единиц. Другой путь заключается в изучении их в тесной взаимосвязи с такими неязыковыми ценностями, как реальная действительность, мышление, познание. В казахском языке языковые единицы наименований чисел составляют один из древних пластов словарного состава языка, заключающих в себе своеобразную тайну. Поскольку числа образуются из определения размера, объёма предметов и явлений окружающей среды относительно друг друга, то они являются одним из способов познания мира человеком. В настоящее время числа входят в содержание любой науки и служат для неё. Вместе с тем в каждом языке имеется тенденция к приданию числам некоего символического смысла, отнесение их к священным — это явление берет своё начало из древней истории многих народов. Исследования чисел в относительно новых направлениях проводятся в аспекте лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Вот несколько основных положений, встречающихся в данных исследованиях:

— символическая суть имен числительных *один, два, три, четыре, семь* берет начало из древней мифологии, связанной с моделью мира;

— символическая сущность чисел *семь, девять, сорок* сложилась под воздействием образования искусства магии;

— в качестве священного у чисел развивается и их семантическое значение;

— система *количественных символов* связана с философскими, логическими, психологическими и др. основами; комплексное со-

держание этнокультурных, духовных поверий, отраженных посредством чисел, является корневой основой языкового сознания;

— числа *три, четыре, семь, девять, двенадцать, сорок* в казахском языке основаны на миропонимании человечества в целом. Традиция отнесения чисел к священным, считается явлением, берущим начало из древней истории многих народов.

Концепт «пять». В казахском языке слово «бес» применяется в значении «рука». По всей видимости, корень слова встречался не в форме *бес* — *беш* или *біл*, а в форме *піл* — «пять». Человечество после системы *троичного* счета изобрело *пятеричную* систему счета. Известно, что по пятеричной системе счета в древности самым крайним числом было *пять*. *Пять истин*: слово *истина* употреблено в значении очевидный. К *пяти истинам* относятся: *язык, религия, традиции, история, родина*. По мнению греческих ученых, для того чтобы люди явно чувствовали свое отношение к определенной нации, народу, они должны отвечать следующим условиям:

- во-первых, отлично знать язык нации;
- во-вторых, впитать в себя традиции этой нации;
- в-третьих, признать религию нации;
- в-четвертых, признать историю данной нации и т.д.

Концепт «семь». Большинство из древних великих выражений, пословиц и поговорок, крылатых слов, устойчивых выражений народа связаны со священной цифрой *семь*. Почтение к цифре *семь* берёт начало с древних времён. Это можно встретить и в системе цифр, и в культуре других народов. Число и понятие *семь* в действительности отражают сознательные традиции, старинные народные обычаи. Слово *семь* является *святым, священным* не только у казахского народа, но и у всех других народов. М. Ауэзов считает: «Древность казахского народа должна считаться не только казахской, но и древностью всего тюркского народа» [Ауэзов, 1985]. Например, *Жеті жұрт* — святой народ. *Жеті қазына* — источник богатства, достатка, ценности. *Жеті ата* — Букв.: семь предков. Мысалы, — Ар жағын айтпай-ақ қой, деді Жабай сөзімді бөліп, — «*жеті атасын* білген ұл,*жеті жұртының* қамын жер», — депті (С.М.). — Дальше можешь не говорить, — прервал меня Жабай, говорят, что кто знает своих *предков до седьмого колена*, тот проявит заботу обо *всех родичах*. *Жеті атасынан түк көрмеген* — бедный, не имеющий ни гроша за душой, *Жеті қабат жер асты* — тяжело, далеко, *жеті қырдың асты* — расстояние. *Жеті нан құдайы* — *жеті тиын садақа* — молиться богу, святым духам с просьбой сохранить от трудностей, в дорогу предназначались скотина, вещь, деньги. *Жетісін берді* — поминки по усопшему на седьмой день. Понятие «*жеті ата*» есть и у кыргызского, татарского и других народов. «*Жеті атадан әрі гана қыз алысу заңы*» — закон, по которому нельзя

было брать в жену девушку из одного рода до седьмого колена, этот закон соблюдается у турков и монгол. В кыргызском языке звезда *Жетіқарақыш* — *большая медведица* называется *жеті арқар*. В татарском языке имеется выражение семь раз отмерь, один раз отрежь — *жиде кат үлче, бер кат кис*, жеті кат жер астында (за тридцать земель) — *жиде кат жер астында*, маңдай жеті қарыс (семи пядей во лбу) — маңгае жиде қарыш, жиде кат терісін шығару (снять семь шкур с джиды) — *жиде кат тиресен тунау*. Так, например, в русском языке с цифрой семь имеются следующие крылатые выражения: «*Семь мудрецов, семь чудес света; Москва стоит на семи холмах; служил семь лет, выслужил сем рек; семеро в сани по семеро в санях*» и т.д. В индийской культуре также цифра семь является священной, например, выражения *Жеті мүше* (*семь частей*), *жеті нан* (*семь лепешек*) восходят корнями к индийской культуре, в древнем Вавилоне после каждых семи дней наступал праздник, это связано с семью звездами на небосклоне: Солнце, Месяц, Меркурий, Сатурн, Марс, Юпитер, Венера — семь небесных тел. В связи с этим была сформирована семидневная неделя. Древние греки также поклонялись цифре *семь*. Цифра *семь* приносит людям удачу и т.д.

Образование наименований новых понятий с применением количественных понятий — это явление, которое существует с древних времен. Наименования в языке, образованные от количественных понятий, образуют различные концепты системных единиц когнитивного сознания. Посредством наименований священных чисел формируется языковая картина мира, образуется мировоззренческий образ. Свойства святых чисел несут функцию познания содержания концепта. Вместе с тем в проявлении языковой картины мира имеются различные характеристики, свойственные собственно концепту: образы разъясняющих, познавательных, оценочных, образных слов доказывают, что природа создающих количественный концепт является культурным явлением.

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Жаналина Л.К.* Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методические комплекс дисциплины: Учеб. пособие. Алматы: Print-S, 2006. 330 с.
- Қасым Б.Қ.* Күрделі алым жасалымы: когнитивті-дискурстық ұстаным (Зерттеулер). Алматы: ЖК Волкова А.В., 2010. 383 б.
- Қасым Б., Зайсанбаева Г.* Метафоралы аталымдар когнитивтік бағытта // ҚР ҰҒА-ның Хабаршысы. Тіл, әдебиет сериясы. 2004. № 1. Алматы: Ғылым, 2004. б. 58—62.

- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997 (пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503, [9] с.).
- Әуезов, М.* Әдебиет тарихы. Әр жылдар ойлары. Алматы: Ана тілі, 1991. 240 б.

Ю.С. Лычкина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и теории языка Южного федерального университета; e-mail: julialychkina@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВОЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена анализу лексических средств номинации волевых черт характера. Слова, обозначающие волевые качества человека, входят в состав одного из микрополей семантического поля «характер человека», занимая в нём ведущее положение. Состав микрополя образуют разные части речи: имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Все элементы микрополя «волевые черты характера» указывают на признак (черту характера), несмотря на различия в морфологической принадлежности. Выдвинуто и доказано предположение, что структуру микрополя организуют прилагательные, благодаря многоплановости их семантики, широкой сочетаемости. Парадигматические отношения прилагательных (в первую очередь синонимические и антонимические) позволяют упорядочить структуру микрополя, уточнить значение его элементов.

Внутри микрополя установлены семантические рубрики, дифференцирующие различные свойства человека (наличие-отсутствие воли, самообладание, отношение к опасности). Отдельные черты характера определяются при помощи большого количества лексем; это следствие особой значимости данных свойств личности для русских людей. Члены синонимических рядов различаются стилистической окраской, сферой применения, эмоциональной оценкой, степенью экспрессивности. В русском языке для наименования волевых свойств используются имена прилагательные как в прямом значении, так и в переносном. Выявлено, что метафоры, обозначающие волевые черты характера, выражают преимущественно рациональную оценку.

Ключевые слова: семантическое поле, микрополе, семантическая рубрика, лексема, лексическая метафора, системные отношения, синонимы, антонимы.

Yulia S. Lychkina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Southern Federal University, Russia; e-mail: julialychkina@mail.ru

Lexical Units Designating Strong-willed Personality Traits in Russian

The article is an analysis of lexical means denominating volitional character traits. Words denoting human willpower, belong to one of the microfield in the semantic field “Human character,” occupying a leading position in it. Composition of the microfield is formed by different parts of speech: nouns, adjectives, verbs, adverbs, etc. All elements in the microfield “Volitional traits” indicate features (traits), despite their morphological differences. The assumption has been advanced and proved that the structure of the microfield is organized by adjectives, owing to the diversity of their semantics, wide compatibility. Paradigmatic relations of adjectives (primarily synonymous and antonymous) allow to order the microfield structure, to clarify the meaning of its elements.

Within the field, semantic rubrics have been set, differentiating various properties of human (presence-absence of will, self-control, attitude to danger). Some traits are determined by a large number of lexemes, it is a consequence of the special significance of these personality traits for the Russian people. Synonyms differ in stylistic coloring, scope, emotional evaluation, degree of expression. For naming volitional traits in the

Russian language adjectives are used in the literal and figurative meaning. It has been revealed that metaphors indicating volitional traits express basically rational assessment.

Key words: semantic field, microfield, semantic rubric, lexeme, lexical metaphor, systemic relations, synonyms, antonyms.

Одной из важнейших проблем лингвистики рубежа XX и XXI вв. является исследование взаимосвязи языка и человека: язык, с одной стороны, проявляется в практической жизнедеятельности человека, а с другой — воздействует на его мировоззрение, стратегии дискурсивных практик, охватывающие все сферы человеческого бытия. Язык многоаспектно отражает стороны материального и духовного мира личности — мораль, систему ценностей, менталитет, национальный характер.

Изучение характера — это ключ к познанию личности. Характер — «самая стойкая черта нации», так считал в начале XX в. психолог и социолог П.И. Ковалевский. В психологии характер понимается как система наиболее устойчивых индивидуально-психологических особенностей, проявляющихся в поведении человека. Отдельная черта характера представляет собой некоторый стереотип поведения, реализующийся в определённых ситуациях с высокой степенью вероятности.

Особую значимость в характере человека имеют волевые качества; это объясняется тем, что в обстоятельствах, требующих волевых усилий, характер проявляется отчётливей [Ильин, 2000, с. 168]. Изучение прошлого показывает, что войны, набеги, тяготы повседневной жизни закалили дух русского народа; богослужение, строгие религиозные посты укрепляли силу воли, умение ограничивать себя. В.В. Колесов отмечает, что «воля и есть основная черта национального характера» [Колесов, 2006, с. 448].

Психологи выделяют волю как главный компонент в психологическом складе личности. Воля — это та сторона психической деятельности, которая отражает общественные потребности и выражается в сознательной постановке цели (целеустремлённости), решимости или готовности достигнуть этой цели, активности, организованности и стойкости, необходимых для преодоления препятствий, стоящих на пути к достижению цели [Ильин, 2000, с. 168].

В толковом словаре даётся такое определение лексемы *воля*: «Одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений. *Сила воли. Воспитание воли. Преодолеть что-л. усилием воли. Если бы не твёрдая воля Батманова, не утомимо тянувшего их за собой, они неделями сидели бы на каждом участке.* Ажаев, Далеко от Москвы. || *к чему.* Сознательное стремление к осуществлению чего-л.; упорство, настойчивость в дости-

жении чего-л. *Воля к победе*» (здесь и далее толкования слов и примеры из «Словаря русского языка» под ред. Евгеньевой А.П. В 4 т. М., 1981—1984).

Характер долгое время отождествляли с волей человека. Воля связана, по преимуществу, с силой характера, его твёрдостью, решительностью, настойчивостью. Когда говорят, что у человека сильный характер, то тем самым как бы хотят подчеркнуть его целеустремлённость, его волевые качества. В этом смысле характер человека лучше всего проявляется в преодолении трудностей, в борьбе, т.е. в тех условиях, где в наибольшей степени проявляется воля человека. Но характер не исчерпывается силой, он имеет содержание, определяя, как в различных условиях будет функционировать воля. В волевых поступках характер складывается и в них же проявляется: волевые поступки в значимых для личности ситуациях переходят в характер человека, закрепляясь в нем в качестве относительно устойчивых его свойств; эти свойства в свою очередь обуславливают поведение человека, его волевые поступки.

Значимость воли как главного компонента в структуре характера находит своё отражение в языке. Слово *характер* помимо первичного толкования «совокупность основных, наиболее устойчивых психических свойств человека» используется и в значении «твёрдая, сильная воля, стойкость, упорство в достижении цели». В толковых и фразеологических словарях мы находим многочисленные подтверждения тому, что для носителей языка наличие-отсутствие характера (во втором значении этого слова) связано с оценкой человека, прежде всего по его волевым качествам. Это понимание получило отражение в толкованиях таких слов и устойчивых словосочетаний, как *харáктерный* — «упрямый, любящий делать по-своему»; *бесхарактерный* — «слабовольный, легко поддающийся чужому влиянию»; *человек с характером* — «человек с твёрдым характером»; *человек без характера* — «слабовольный»; *выдерживать характер* — «проявлять стойкость, непреклонность».

Лексемы, обозначающие волевые качества человека, можно систематизировать двумя способами. Первый способ — это рассматривать данные слова в составе семантического поля «характер» в качестве одного из его микрополей наряду с такими микрополями, как «моральные свойства человека», «отношение к другим людям» и т.п. Второй способ — анализировать лексемы в составе семантического поля «воля», куда также входят микрополя «проявление воли», «волевой акт», «выбор» и др. [Саяхова, 2000, с. 6]. На наш взгляд, предпочтительнее рассматривать микрополе «волевые черты» как элемент поля «характер человека».

В микрополе «волевые черты характера», по данным толковых, тематических словарей, входит 210 слов. Состав микрополя орга-

низуют слова разных частей речи: имена существительные, номинирующие черту характера (*упорство*) или человека, которому свойственно какое-либо качество (*храбрец*); имена прилагательные, характеризующие человека (*настойчивый*); глаголы, определяющие особенности поведения человека, обусловленные его характером (*трусить*); наречия, указывающие на признак действия (*отчаянно*). Большинство элементов микрополя образуют словообразовательные ряды и гнёзда: *смелый — смело — несмело, смелый — смелость, смелый — осмелеть — осмеливаться, смелый — смельчак*. Все элементы микрополя «Волевые черты характера» указывают на признак (черту характера), несмотря на различия в морфологической принадлежности. Полагаем, что структуру микрополя организуют прилагательные — чаще всего этимологически первые в словообразовательном ряду микрополя. Как часть речи имя прилагательное многофункционально, многопланово; его лексическое значение раскрывается за счёт парадигматических и синтагматических связей. Прилагательные, определяющие волевые черты, регулярно сочетаются с лексемами *человек, характер*: (*отважный, выдержанный, стойкий* и т.д.) человек, (*безвольный, слабый, вспыльчивый* и т.д.) характер. Типичная функция прилагательного — функция именного сказуемого, то есть они служат характеристикой лица: *Никита был смелый мальчик. Из него вышел бы неплохой моряк* (А.Н. Толстой. Как ни в чем не бывало). Парадигматические отношения прилагательных (в первую очередь, синонимические, антонимические) позволяют не только упорядочить структуру микрополя, но и уточнить семантику его элементов.

Опираясь на идеографическую классификацию лексики, можно установить следующие семантические рубрики внутри микрополя «Волевые черты характера»: *волевой — безвольный, сдержанный — вспыльчивый, смелый — трусливый* [Саяхова, 2000, с. 6]. Рубрикация внутри данного микрополя затруднена вследствие многозначности его элементов, а также диффузности семантики отдельных слов. В каждой рубрике есть противоположные качества: положительные и отрицательные, так как характеристика человека в основном дуальна. Отдельные волевые черты характера могут обозначаться несколькими синонимичными лексемами; это следствие особой значимости данного свойства личности для русских людей. В каждом микрополе можно выявить противопоставление синонимических рядов — синонимо-антонимические парадигмы, которые составляют единство, определяя объём и содержание понятия. Эти синонимо-антонимические группы могут служить основой для выделения семантических разрядов в рубриках. Помимо оппозиции лексем в некоторых рубриках выделяются слова, значение которых указывает на проявление той или иной черты

в сверхстепени, при этом положительное качество может получить отрицательную оценку.

Рубрика «волевой — безвольный» включает 24 прилагательных: *волевой, сильный, твёрдый, харáктерный, настойчивый, упорный, упрямый, упористый, настырный, стойкий, непоколебимый, непреклонный, несибаемый, железный, стальной — безвольный, слабый, слабовольный, бесхарактерный, слабохарактерный, нерешительный, мяккий, мягкотелый, бесхребетный*. Эти лексемы определяют наличие — отсутствие у человека воли, т.е. волевых качеств, необходимых для достижения целей, сопротивления жизненным трудностям, отстаивания своих взглядов и убеждений.

Внутри данной рубрики устанавливаются многочисленные синонимические ряды на основе общей семы. Члены синонимического ряда могут различаться стилистической окраской, сферой применения, выражаемой эмоциональной оценкой и значением усилительности. Так, синонимический ряд прилагательных *волевой, сильный, твёрдый, харáктерный* определяет в общем наличие-отсутствие у человека волевых качеств. *Волевой человек. Сильная натура. Твёрдый характер*. Прилагательное *характерный* является устаревшим, сейчас чаще употребляется в разговорном стиле: *Так он у тебя сердитый? — Ой, харáктерный! Бывало, начнёт ругаться — за что? — неизвестно* (А. Тарасов. Крупный зверь).

Ряд синонимов с доминантой *стойкий* характеризует способность человека сопротивляться внешнему воздействию: *стойкий, стоический, непреклонный, непоколебимый, несибаемый, железный, стальной*. Использование большого количества лексем для определения этого свойства свидетельствует о важности его для носителей русского языка. *С одним мотором, на высоте трёхсот метров, настойчивый и аккуратный лётчик все же выполнил задание* (Л. Соболев. Третье поколение).

Возможно выделение синонимического ряда с заглавным словом *настойчивый*: *настойчивый, упорный, упрямый, напористый, настырный, упористый*. Элементы ряда указывают на способность человека добиваться своих целей, осуществлять задуманное. *Он должен быть упорный и очень храбрый — такой, что много не говорит, а делает лучше других* (Л. Толстой. Севастополь в августе 1855 г.). Прилагательные *настырный, упористый*, которые отличаются просторечной окраской, негативно характеризуют чрезмерное проявление упорства [Топилина:] *Коней бережёте, а к людям как относитесь?* [Ольховатов:] *Опять за своё... Ладно, дам [коней]. — Настырная ты какая!* (Софронов. Сердце не прощает).

Для членов анализируемого микрополя характерны и отношения антонимии; она выступает одним из важнейших видов системных отношений между единицами языка, определяя границы

поля, так как основой антонимии является логическая противоположность внутри одной сущности.

В микрополе «волевые черты» обнаруживается специфика антонимических противопоставлений, обусловленная наличием у одного слова двух равнозначных по смыслу антонимов. Речь идёт о наличии так называемых антонимических вариантов [Новиков, 2003, с. 236]. Так, прилагательное *волевой* вступает в антонимические отношения со словами *безвольный*, *слабовольный*. *Кроткий и безвольный Гусев был беззащитен перед учениками, — они могли проделывать на его уроках всё, что им угодно* (В. Кожевников. Мальчик с окраины). Устанавливается и другая трёхчленная оппозиция: *характерный — бесхарактерный, слабохарактерный*. Очевидно, что для русского человека отсутствие воли (т.е. характера) и слабое её проявление оцениваются одинаково (негативно). *Отец, слабый и бесхарактерный, женился на моей матери из-за денег* (Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Когда слабовольного человека называют «бесхарактерным», с точки зрения психологии это не совсем так — и у безвольного человека есть определённые черты характера, такие, например, как боязливость, нерешительность и т.д. Понятие «бесхарактерный» указывает на отсутствие у человека собственной направленности, внутреннего стержня, который бы определял его поведение. Его поступки вызваны внешними воздействиями и не зависят от него самого.

Важно отметить, что для характеристики человека в русском языке используются лексемы как в прямом значении, так и в переносном. Существует ряд общих закономерностей метафоризации значения признаков слов: физический признак предмета переносится на человека, способствуя выделению и обозначению психических свойств личности (*тупой, резкий, мягкий, жёсткий, глубокий* человек и т.п.). Гудков Л.Д. отмечает: «Признаковая метафора регулярно служит задаче создания лексики «невидимых миров» — духовного начала человека, его внутреннего мира, моделей поведения, нравственных качеств, состояний сознания, эмоций, поступков» [Гудков, 1994, с. 45]. Метафора-прилагательное часто содержит точную и яркую характеристику лица.

Антонимы *сильный — слабый* имеют переносное значение. В основе переноса лежит сопоставление физической силы человека с его волей: если человек сильный — значит, у него твёрдая воля, и наоборот, физически слабый человек, по традиции, не отличается стойкостью. Метафора *слабый* продуктивна (см. *слабовольный, слабохарактерный, слабак*). Путём метафорического переноса образованы значения слов *твёрдый, стойкий*. Если мы обратимся к первичным номинативным значениям этих слов, то увидим, что оба

прилагательных в прямом значении указывают на качества предметов (*твёрдый* — «способный сохранять свою форму и размер в отличие от жидкого и газообразного»; *стойкий* — «долго сохраняющий и проявляющий свои свойства, не поддающийся разрушению, изменениям»). В переносном значении они характеризуют непоколебимого, непреклонного человека с сильной волей: *Поэт! — Услышишь суд глупца и смех толпы холодной; Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм* (Пушкин. Поэту). *Лейтенант Паскин знал свою дружную и стойкую команду, но и он, следя за действиями матросов, изумлялся их боевым качествам* (Новиков-Прибой. Цусима). Аналогичен по сути метафорический перенос значения прилагательных *железный, стальной* («непоколебимый, непреклонный; не знающий отклонений, отступлений»): *Самолюбие в нём было огромное, и характер он имел железный* (Тургенев. Рудин). Эти признаковые метафоры выражают положительную оценку характера. Антоним слова *твёрдый* — *мягкий* («такой, который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает приятное ощущение» — «кроткий, уступчивый, поддающийся какому-либо воздействию, напору»): *Человек он, впрочем, был деликатный, мягкий и неглупый* (Чехов. Ариадна).

Метафора (как и другие образные средства) имеет свойство быстро «стираться» от частого употребления и превращаться в штамп или термин. На наш взгляд, рассмотренные прилагательные, которые в переносном значении указывают на волевые черты характера, являются «стёртыми» метафорами, то есть частично утрачивают свою образность. Они регулярно служат для наименования свойств человека, выражая преимущественно рациональную оценку. Эти слова отличаются широкой сочетаемостью, общеупотребительностью, нейтральной стилистической окраской.

Метафоры, обозначающие волевые черты характера, выражают оценку не только рациональную, но и эмоциональную. На наш взгляд, яркой образностью и экспрессивностью отличаются такие метафорические определения характера, как *мягкотелый, бесхребетный*: «перен., разг. Не имеющий твёрдости в характере, во взглядах; беспринципный». *Агитатор из него тоже был неважный, так как хотя он был парень неглупый, но политически бесхребетный* (Фадеев. Письмо А.Ф. Колесниковой, 3 мая 1950); «легко поддающийся чужому влиянию; бесхарактерный» *Вы мягкотелый какой-то. Кулагин издевается над человеком, а вам безразлично* (Рыбаков. Екатерина Воронина). Образность метафоры — это результат смысловой двуплановости, следствие взаимодействия в семантике двух значений — первичного прямого, мотивирующего, и вторичного переносного, образно мотивируемого. Именно образность, сопря-

жение переносного значения с прямым позволяют более ярко выразить эмоциональную оценку явлений.

Каждый народ имеет свои стереотипные ассоциативно-образные представления о характере человека; внутренняя форма метафорически переосмысленных слов отражает ценностные представления русского народа. То, что русскими людьми резко осуждаются слабохарактерность, безвольность, доказывают не только приведённые примеры, но и построенные по этой же модели экспрессивные метафоры *амёба, размазня, слизняк, тряпка, тюфяк* — «бесхарактерный и безвольный человек» [Шведова, 2002, т. 1, с. 114]. Характер выражаемых ими оценок (презрение, пренебрежение), сниженный стиль обуславливают яркую эмотивную окрашенность языковых единиц.

Для характеристики отношения человека к опасной ситуации в русском языке используются 16 прилагательных: *смелый, решительный, храбрый, бесстрашный, отважный, мужественный, боевой, геройский, отчаянный, удалой* — *трусливый, несмелый, боязливый, пугливый, робкий, малодушный*. Большинство из них употребляются в прямом значении. Синонимический ряд с общим значением «смелый» включает больше прилагательных, чем противоположный по семантике ряд с доминантой «трусливый», что свидетельствует о важности для русского человека таких качеств, как храбрость, отвага, мужество. *Он был храбр и хорошо знал те острые минуты боя, когда командиру для решающего хода нужно пошутить со смертью* (А.Н. Толстой. Восемнадцатый год). *Со всех сторон слышны были новые и новые рассказы об отдельных примерах мужества, оказанных нашими солдатами и офицерами* (Л. Толстой. Война и мир). В разговорной речи для характеристики отважного, способного к подвигам человека используется пароним слова *героический*: *Виктор — смелый, отчаянный, героический парень*.

Прилагательное *малодушный* может быть отнесено к двум рубрикам: «наличие—отсутствие воли», «поведение в опасной ситуации», так как лексема эврисемична: «проявляющий малодушие, слабовольный, трусливый». *Куда — я годен, если во мне нет закала, я слаб, малодушен* (Чехов. Несчастье). *И малодушный к гибели клонит, бой променяв на спокойный очаг* (Мандельштам). Очевидно, отсутствие в характере волевых качеств не позволяет человеку проявить смелость в опасности.

Для интенсификации понятия «смелый» возникла метафора *отчаянный* — «не знающий страха, способный на самый рискованный поступок», относящаяся к разговорному стилю: *Вот, — говорит один товарищ, — уж на что Мишка отчаянный, а в этот овраг не прыгнет* (Тургенев. Отчаянный). Номинативное значение прилагательного — «впавший в отчаяние» (устар.); возможно, в безвы-

ходной ситуации человеку не остаётся другого выбора, как проявить бесстрашие.

Прилагательное *удалой* («отличающийся удалью») отличается от других элементов синонимического ряда экспрессивностью: *Жилин хоть не велик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина* (Л. Толстой. Кавказский пленник). Слово *удаль* синонимично лексемам *смелость, отвага, храбрость*. В то же время его значение — «безудержная, лихая смелость, соединённая с бойкостью, ухарством; молодечество» (СРЯ, т. 4, с. 463) — получает в других языках лишь описательное выражение. Некоторые денотативные семы в лексическом значении данного слова являются национально-маркированными, указывая на специфичность русского характера. *Удаль* — качество, граничащее с самоотверженностью и безрассудством, — всегда отличало русских воинов.

Рубрика «сдержанный — несдержанный» содержит 12 прилагательных: *сдержанный, выдержанный, ровный, уравновешенный, хладнокровный, невозмутимый — несдержанный, невыдержанный, вспыльчивый, горячий, взбалмошный, необузданный*. В данной рубрике собраны качества характера, связанные с умением человека сдерживать свои чувства, владеть собой, т.е. проявлять самообладание: *Обыкновенно невозмутимый, Данилов не на шутку начинал сердиться* (Гарин-Михайловский. Детство Тёмы) [*Коблов:*] *Не ехать ли мне с вами?* [*Стыров:*] *Нет, вы, Никита Абрамыч, горячи очень; тут надо быть хладнокровнее* (А. Островский. Невольницы).

Прилагательные в синонимическом ряду с доминантой *сдержанный*, указывающие на положительное качество, характеризуются нейтральной стилистической окраской. Значение отдельных слов образовано путём метафорического переноса. Внутренняя форма метафоры *сдержанный* — «такой, которому не дают проявиться в полной мере, которого сдерживают» (*сдержанное волнение, сдержанный плач*) не только указывает на проявление тех или иных эмоций, но и характеризует человека: *Самые искренние люди бывают часто самыми сдержанными людьми, и самые сильные чувства этих людей никогда не выражаются ими*. (Писарев. Реалисты). В основе вторичной номинации *уравновешенный* («обладающий ровным, спокойным, выдержанным характером») — сходство с действием («сделать одинаковым по весу, привести в равновесие»). *Иван Ильич считал себя человеком уравновешенным: чего-чего, а уж головы он никогда не терял* (А.Н. Толстой. Хмурое утро). Метафорическое значение слова *ровный* — «уравновешенный (о характере, поведении человека)» образовано путём ассоциативного переноса качеств предметов (гладкий, плоский, прямой) на характер

человека: *Прежде я была ровного, кроткого характера* (Чернышевский. История одной девушки). Приведённые примеры свидетельствуют о том, что метафорические наименования черт характера не всегда содержат дополнительные коннотативные семы.

Прилагательные, обозначающие отрицательные качества в данной рубрике, образуют синонимический ряд, элементы которого отличаются друг от друга высокой степенью экспрессивности, разговорной стилистической окраской. *Вспыльчивый* — «легко приходящий в раздражение, гнев, способный вспылить»: *Он иногда бывал очень вспыльчив, так что даже я спускал ему* (Достоевский. Подросток). *Горячий* — «вспыльчивый, легко возбуждающийся»: *Рассказывали, что отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не помнил* (Панаева. Воспоминания). *Взбалмошный* — «Разг. Сумасбродный, неуравновешенный, с причудами. *Это был простой степной барин, довольно взбалмошный, крикун, — грубый, но не злой* (Тургенев. Дворянское гнездо). Прилагательное *необузданный* указывает на крайнюю степень проявления несдержанности: *Страшна и необузданна была она в гневе* (Марков. Строговы).

Таким образом, многочисленные лексические синонимы детализированно определяют различные свойства характера, связанные с наличием—отсутствием воли человека, умением преодолевать трудности и свой страх, сопротивляться внешним обстоятельствам. Отдельные черты характера определяются при помощи большого количества слов; это следствие особой значимости данного свойства личности для русских людей (*настойчивый, упорный*) или его неприятия (*слабовольный, бесхарактерный*).

В русском языке для названия волевых свойств используются имена прилагательные как в прямом значении, так и в переносном. Если слова в прямом значении ориентированы часто на стилистически и эмотивно-нейтральное наименование качеств характера, то лексические метафоры могут выступать и в номинативно-характеризующей функции, закрепляясь в системе языка как единицы, детализирующие определение характера, способные интенсифицировать его оценку. Личность человека часто вызывает у окружающих потребность в эмоционально-экспрессивной характеристике, оценке, особенно отрицательные черты.

Обращение к языковому материалу, компонентный анализ значений языковых единиц с опорой на данные психологии позволили выделить несколько семантических рубрик в микрополе «Волевые черты характера человека». Изучение синонимо-антонимических групп в данном микрополе помогает понять многообразие типов русского характера, обратить внимание на поляризованность свойств душевного склада человека — твёрдость и слабость, смелость и трусость, сдержанность и вспыльчивость.

Список литературы

Гудков Л.Д. Метафора и рациональность. М., 1994.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981—1984.

Новиков Л.А. Современный русский язык: Учебник. 4-е изд. / Под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб.: Лань, 2003.

Саяхова Л.Г. Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2000.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2002.

Л.И. Раздобудько-Чович,

профессор, доктор филологических наук, декан филологического факультета Панъевропейского университета (г. Баня-Лука, Республика Сербская Босния и Герцеговина); e-mail: covicb@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГЕРОИЗМ»
В ЧЕРНОГОРСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ
МИРА В ПОЭМЕ П.П. НЕГОША «ГОРНЫЙ ВЕНЕЦ»
И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Цель данной работы — сопоставительный анализ лингвокультурного концепта «героизм» в обыденном сознании черногорцев и русских, а также выявление лингвистических средств выражения героических представлений, отражающих образцы героического поведения в черногорской и русской лингвокультурах на материале поэмы П.П. Негоша «*Горный венец*» и его перевода на русский язык, осуществлённого А. Шумиловым.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

— описание системы релевантных признаков лингвокультурного концепта «героизм» в черногорском наивном сознании на материале лексики и фразеологии поэмы Негоша;

— выявление национальной специфики о концепте представлений «героизм» в черногорской лингвокультуре;

— определение тенденции перевода упомянутого художественного концепта «героизм» с близкородственного сербского языка на русский со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности интерференции как явления взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в их контакте, что в переводе приводит к изменению в структуре или элементах структуры одного языка (языка цели) под влиянием другого (исходного языка).

В заключение автор пришёл к выводу, что лингвокультурный концепт «героизм» представляет собой сложное ментальное образование, оно фиксируется в речевом и невербальном поведении людей и обладает национальными специфическими особенностями в исследуемых черногорской и русской наивных картинах мира.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, лексика, фразеология, безэквивалентная лексика, языковая картина мира, наивное сознание.

Larisa I. Razdobudko-Chovich, PhD, professor, Dean of Faculte of Philology, Pan-European University, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina; e-mail covicb@mail.ru

Verbalization of the Concepts *Humanity* and *Bravery* in Njego's *Gorski vijenac* and its Russian Translation

The aim of this paper is to compare the linguo-cultural concepts of “humanity” and “bravery” present in the consciousness of the Montenegrin and the Russian people, as well as to highlight the linguistic means of expressing those images of bravery that reflect patterns of heroic behaviour in Montenegrin and Russian linguo-cultures, found in the poem *Gorski vijenac* [The Mountain Wreath] by P.P. Njegoš and its translation into Russian by A. Šumilov.

With this aim in view, the research comprises the following tasks: (a) to describe the system of relevant features of the linguo-cultural concepts of “humanity” and “bravery” in Montenegrin national consciousness encoded in the lexical and phraseological material of Njegoš’s poem; (b) to discover the national specifics of the images of bravery in Montenegrin linguo-culture; (c) to reveal the tendencies in translating the concepts of “humanity” and “bravery” from Serbian into Russian, with all the consequences, especially those relating to interference as a phenomenon of correlation between the structures and structural elements of two languages in contact, which in translation may lead to the transformation of structure or structural elements of one language (target language) under the influence of the other (source language).

The author concludes that the linguo-cultural concepts of “humanity” and “bravery” represent a very complex mental creation manifested in people’s both verbal and non-verbal behaviour and, moreover, marked with specific national features in the Montenegrin and the Russian images of the world.

Key words: linguo-cultural concept, lexis, phraseology, (non-)equivalent lexis, language image of the world, naive consciousness.

Трудно переоценить роль лексико-фразеологических единиц языка в реконструкции национальной картины мира. Они отражают исторический опыт народа, дают информацию о знаниях, которыми располагает культура, связанных с фрагментами «невидимого» мира.

Когнитивный подход к изучению языковых явлений характеризует современное языкознание, где концепты понимаются как единицы оперативного сознания, которые являются отражением факта действительности [Кубрякова, 1998, с. 47—50]. Лингвокультурные концепты могут быть объективно установлены и описаны с помощью анализа словарных дефиниций, иллюстраций словарных дефиниций, универсальных высказываний и вербально представлены в виде ядерных лексем, фразеологических единиц, словосочетаний и поговорок, словообразовательных структур и т.д.

Такое разнообразие средств их вербализации в языке предоставляет возможность полного отражения картины мира и культурных традиций в сознании носителей языка.

Лингвокультурные концепты проявляются в коммуникативном поведении, определяя этноспецифические нормы, стратегии и стереотипы общения [Стернин, 2002; Тер-Минасова, 2000]. Весьма востребованным остаётся изучение концептов культурологического аспекта [Мршевић-Радовић, 2008; Радић-Дугоњић, 2003] с точки зрения их вербальной представленности в идиостилиях определённых авторов художественных произведений [Голубев, 2008], а также с позиций переводоведения [Влахов, Флорин, 1980; Гарбовский, 2007; Пејановић, 2010], для которого представляется важным выяснить тенденции перевода с одного языка на другой упомянутых структур при их функционировании в текстах. Перечисленные обстоятельства составляют обоснование актуальности выбранной темы исследования.

Цель данной работы заключается в сопоставительном анализе лингвокультурного концепта «героизм» в обыденном сознании черногорцев и русских, а также выявление лингвистических средств выражения героических представлений, отражающих образцы героического поведения в черногорской и русской лингвокультурах на материале поэмы П.П. Негоша «*Горный венец*» [Негош, 1996] и его перевода на русский язык, осуществлённого А. Шумиловым [Негош, 1996].

Весьма верно определение Татьяны Бечанович: «...један од најзначајних кохезионих елемената црногорског књижевног канона свакако је семантичка структура чојства и јунаштва, чије се дијакроничко обликовање и деловање може пратити у Његошевом *Горском вијенцу*» [Бечановић, 2013].

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

— описание системы релевантных признаков лингвокультурного концепта «героизм» в черногорском наивном сознании на материале лексики и фразеологии поэмы Негоша;

— выявление национальной специфики о концепте представлений «героизм» в черногорской лингвокультуре;

— описание системы релевантных признаков лингвокультурного концепта «героизм» в русском наивном сознании на материале перевода поэмы Негоша;

— определение тенденций перевода упомянутого художественного концепта «героизм» с близкородственного сербского языка на русский.

В основе методологии данного исследования лежит комплексный подход, в котором в качестве основного выступает метод концептуального анализа текста, предполагающий рассмотрение способов языковой манифестации упомянутого концепта с последующим моделированием его структуры.

Используя приёмы семантико-стилистического, контекстуального и интертекстуального анализа текста, позволяющие выявить наличие межъязыковых и внутриязыковых признаков концепта «героизм», было установлено, что:

1. Ядерная лексема концепта «героизм» (серб. «јунаштво») в поэме Негоша «*Горный венец*» и в его переводе на русский язык, осуществлённого А. Шумиловым, реализует такие значения, как:

— негошевское толкование понятия *геройство*:

*Без муке се пјесна не испоја,
без муке се сабља не сакова.
Јунаштво је цар зла свакојега*¹... (с. 67)

¹ Михајло Стевановић у монографији *О језику Горског вијенца* [Стевановић, 1990, с. 96—97] даје следеће тумачење дистиха: «Без муке се пјесна не испоја, // без

Этот апофеоз *геройству* звучит из уст Вука Мичуновича, о котором герои *Горного венца* говорят, что он «и збори и твори! Српкиња га јошт рађала није од Косова, а ни пријед њега...» (с. 55) — «...что сказал — то сделал. Не рождался серб, ему подобный, ни до битвы косовской, ни прежде!» (с. 54). Значение понятия *геройство* реализуется с помощью устойчивых пословичных комплексов, с употреблением диалектных глагольных форм, выраженных аористом: без мук се пјесна не *испоја*, без мук се сабља не *сакова*; и выражением «Јунаштво је цар зла свакојега», ставшим крылатым. Толкование этого отрывка Михаилом Стевановичем следующее: «*ни песма не испева, ни сабља не сакова* без витешких (великих) дела достойных опевања» — и песни не споёшь, и сабли не скуёшь, если нет героических поступков, достойных песни. И тогда геройство одолевает зло (перевод мой. — Л.Р.) [Стевановић, 1990, с. 96].

В переводе Александра Шумилова отсутствуют диалектные формы оригинала и пословичные конструкции, но зато достоверно передан завуалированный смысл этого отрывка согласно толкованию М. Стевановича:

*Только битва порождает песню,
Для сраженья куется оружие.
Над злобою царствует геройство.* (с. 66);

— **храбрость, смелость, мужество:** продемонстрируем это значение на одном из эпизодов анализируемой поэмы. Жена Радуна, одного из героев поэмы, храбро сражается против турок вместе со своим мужем, скрывшись от них в башне. Негош её приравнивает к мужчине-герою, витязю, сравнивая с соколом — срб. *сивим соколом* (ясным соколом). Данный эпитет *сиви* (*соко*) — *ясный* (*сокол*), выступающий в сравнительной конструкции, характерен для народного эпоса. Кстати, данное сравнение является бродящей конструкцией, характерной для поэмы «*Горский венец*» в целом. В следующем четверостишии это сравнение имитирует народный говор, где присутствует кроме соко *сиви* и другая инверсия жена *млада*, просторечная лексема *ама* и окрашенная культурной коннотацией, лексема *господар*, который в то время уже убил семерых, передающая почтительное отношение жены к мужу, характеризующая культуру черногорской семьи:

мук се сабља не сакова», подразумевајући под муком херојска дела... шта их песма опева, а за која је опет потребно оружје (симбол је овде сабља). А кад таквих дела не би било, не би се ни песме ни какве се мисли певале (јер не би имале шта славити) те ни оружје (сабља) не би било потребно... ми... налазимо да у овоме песник јунаштво... оценио... као господара свих зала...»

*Жена млада, ама соко сиви,
Пуни пушке своје господару;
Радун гађа с прозора од куле,
Седмину је на обор убио. (с. 211)*

В переводе культурный пласт отсутствует, хотя Шумилов и старается использовать инверсию для передачи разговорного стиля данного отрывка:

*Молодая держится как сокол,
Храбро мужу ружья заряжает,
тот из башни бьёт через бойницы
и несколько положил на месте. (с. 210)*

Свободное словосочетание на *обор убио* — *убить наповал* Шумилов заменяет русским фразеологизмом *положить на месте*, что соответствует общей стилистической окраске данного отрывка.

— **подвиг, условия для совершения подвига:** национально-специфичная составляющая категории «подвиг», актуальная в черногорском культурном пространстве связана с идеалами самопреодоления и духовного совершенствования личности, самопожертвования и самоотречения во имя высокого идеала добра и правды, часто понимаемыми в религиозно-православном духе. Подчёркивая специфическую природу черногорского подвига, мы выделили совокупность свойств и характеристик, определяющих подвиг как особый вид духовной практики. Способность к подвигу есть значимая черта черногорского национального сознания. Это значение анализируемого концепта передаётся выражением, ставшим крылатым:

*У добру же лако добар бити,
на муци се познају јунаци (с. 39) —
В доброй жизни добрым быть нетрудно —
только в горе герой познаётся! (с. 38)*

В переводе нужно было только *в горе* заменить *в битве*.

— **исполнение долга; гибель при защите народа, отечества и свободы:** выполнить свой долг перед родиной и народом, защищая свою православную веру и свободу, способны лучшие из лучших: «Све су наше главе изабране», «Момци дивни, исто ка звијезде» (негошевское сравнение героев со звёздами)

*Све су наше главе изабране!
Момци дивни, исто ка звијезде;
што су досад ове горе дале,
сви падали у крваве борбе,
пали за чест, име и свободу. (с. 47)*

В переводе: точь-в-точь представлены элементы этого значения анализируемого концепта:

*Цвет народа, юные герои,
прекрасные, как звезды на небе,
рождённые нашими горами,
все погибли в кровавых сраженьях
за свободу, за честь и за имя (с. 46);*

— **пренебрежение опасностью:** в традиционной черногорской культуре мораль, долг, совесть, мотивирующие способность к подвигу, содержат иррациональное начало. Как показал анализ, черногорские герои в некоторых случаях проявляют показную или безудержную и безрассудную смелость. Например, герой Батрич пренебрёг опасностью и поверил туркам, которые его убили. Национально специфичными формами поведения в рамках сопоставляемых лингвокультур следует назвать наигранную, лихую смелость, соединённую с бойкостью, и готовность пожертвовать собственной жизнью ради других: «Ох до бога, а ох довијека, да чудно ли с главе погибосмо!» (с. 155) — «О Господи, какое несчастье! Мы лишились лучшего из лучших!» (с. 154) — так оплакивает Вук Томанович молодого юнака Батрича.

*Бог га јаки и мртва убио!
Како мога вјероват Турцима,
Тере им се на вјеру опушта. (с. 157)*

В переводе даны адекватные функционально-смысловые эквиваленты:

*Так в могиле пусть его накажет
Бог за эту сделанную глупость!
Как проклятым он смог довериться? (с. 156)*

— **герой:** обращение к героической тематике с целью выявления концептуализированного содержания героического компонента картины мира продиктовано тем, что герои воплощают собой систему ценностей данного общества, его идеалы, предпочтения и ожидания. Своими поступками, своей жизнью, а иногда и своей смертью герои демонстрируют те лучшие образцы поведения. Субъектом, воплощающим в себе героизм, является *герой* — человек, который отличается от остальных людей способностью совершать великие и благородные поступки в силу наличия у него таких качеств, как отвага, мужество, бесстрашие и самоотверженность. Обладая таким потенциалом, деятельность героя направлена на борьбу со злом, на борьбу за справедливость и свободу.

Что касается наименований людей, обладающих героическими качествами, то здесь следует отметить, что как в черногорской, так и русской культуре для обозначения храбрых, мужественных и отважных людей существуют сходные и национально специфиче-

ские названия. Так, в обеих лингвокультурах присутствуют в целом совпадающие лексемы — *јунак* — юнак, *херој* — герой; *витез* — витьязь; соко — сокол (характерные для поэтической речи и фольклора общеславянского происхождения).

Характерными только для поэмы Негоша оказались такие наименования героев, как: *момци прсих ватренијех* (с. 91), что не удалось перевести Шумилову, который перевёл обобщённой, выхолощенной конструкцией: *храбрые юнаки*, опуская метафору оригинала (с. 90); *сабља чита* (с. 163) — окказионально авторская метафора, также непереданная в переводе: *юнак читает* (с. 162); заимствованная Негошем церковно-русская конструкция *војнствени гениј свемогући* (с. 45) — лишь транскрибирована Шумиловым: *воинственный гений всемогущий* (с. 44). Кроме того, Негош своих героев называет и:

Све су наше главе изабране!
Момци дивни, исто ка звијезде. (с. 47)

В переводе Шумилов передает типично русской метафорой:

Цвет народа, юные герои,
Прекрасные, как звезды на небе. (с. 46)

Исключительно часто Негош прославляет своих героев *сиви соко*:

Што је фајде крити оно што је?
Онаквога сивога сокола
Черногорка јошт рађала није! (с. 157)

В переводе:

Что нам, братья, говорить напрасно!
Не рождала, как себя я помню,
Черногорка такого сокола. (с. 156)

Среди русских наименований героев, не нашедших полного или близкого соответствия в черногорской культуре, следует отметить разговорную лексему *удалец*, обозначающую бойкого, ловкого, полного молодечества человека, которая имеется в шумиловском переводе: «Наши горы *удальца* не знали, подобного юному Батричу» (с. 154) — «У ове се горе нигде није онаквога *младета* дизало» (с. 155).

Таким образом, весь перечисленный выше состав значений ядерных лексем: геройство, храбрость, смелость, мужество; подвиг, условия для совершения подвига; исполнение долга; гибель при защите народа, отечества и свободы; пренебрежение опасностью; герой — в каждом из сравниваемых языков представляет понятийную часть исследуемого концепта «героизм» (серб. «јунаштво»).

Из приведённых ниже примеров лексико-фразеологической вербализации концепта «героизм» можно заключить, что в тексте

поэмы рассматриваемый концепт эксплицируется не только определёнными лексемами и фразеологизмами, входящими в его состав, но и их ассоциативно-смысловыми полями, такими, как:

— *битва, бой*: в результате анализа также удалось установить, что ситуации, в которых проявляется героическое поведение в поэме *Горский венец*, чаще всего возникают в военное время. Во время боя человек совершает подвиги, связанные с защитой отечества и свободы:

Вам' предстоји преужасна *борба*:
племя ви се све одрекло себе
те црноме работа Мамону!
Паде на њем клетва бешчестија.
Што је Босна и по Арбаније?
Ваша браћа од оца и мајке;
Сви уједно и доста работе.
Крст носити вама је суђено
страшне *борбе* с својим и с туђином!
Тежак в'јенац, ал' је воће слатко!
Воскресења не бива без смрти.
Већ вас виђу под сјајним покровом,
чест, народност ће је васкреснула
и ће олтар на исток окренут,
ђе у њему чисти тамјан дими.
Славно мрите, кад мријет морате!
Чест рањена жеже храбра прса,
у њима јој нема боловања.
Поругани олтар јазичеством
на милост ће окренут небеса! (с. 181)

Как правило, у Негоша лексемы *бой, битва, сражение* сопровождаются недвусмысленными эпитетами: *крваве борбе, преужасна борба, страшне борбе, борба непрестана*, ославляемыми так потому, что сражение будет не только с врагами, но и с кровными братьями, принявшими ислам: «Крст носити вама је суђено страшне *борбе* с својим и с туђином!». Выражение *тежак в'јенац, ал' је воће слатко! Воскресења не бива без смрти* также стало крылатым. Реализация этого ассоциативного значения нашего концепта осуществляется рядом концептуальных метафор: *чест рањена, чест жеже, храбра прса, олтар ће окренут небеса; чест, народност ће је васкреснула*, которые не всегда переведены адекватно:

Ждѣт вас битва завтра жестокая.
Ваше племя забыло прошлое,
всѣ жертвуя чѣрному мамоне,
будь он проклят ныне и вовеки!
Половина албанцев, боснийцы —
Ваши братья единокровные.

Даже если всем вместе ударить,
долго биться с турками придётся.
Вам выпало драться в одиночку.
Несладкая доля вам досталась,
но потомки плод её оценят.
Нет без смерти и воскресения.
Я вас вижу под светлым покровом,
Вижу славу и честь народную,
вижу: храмы стоят с алтарями,
чистый ладан дымится над нами.
Коль придётся умереть: умрите,
но достойно, с бессмертной славой.
Скиньте камень с народной совести:
раненная честь сердца сжигает.
Язычеством алтарь осквернённый
нас услышать небесам помогает! (с. 182)

— **страх, трусость:** проявляя на поле боя героические качества, человек периодически сталкивается с опасностью, страх перед которой ему необходимо преодолеть, чтобы совершить требуемый обстоятельствами поступок. Человек, неспособный побороть свой страх перед опасностью, проявляет трусость. К трусливому поведению в черногорском и русском народном сознании закреплено резко отрицательное отношение:

*Страх животу каља образ често;
слабостима смо земљи привезани,
ништава је, него тврда веза.
Али тице те су најслабије
лови свјетлост лисичијех очих,
него орла кријући гледају. (с. 77)*

Данный сегмент, реализующий значение *страх*, представлен аллюзией автора на то, что в черногорском обыденном сознании героизм связан с такими качествами, как смелость, храбрость и мужество, смысл которых заключается в преодолении страха перед опасностью.

Иначе «очень часто страх нам честь марает» и крепчайшей связью вяжет нас с землёю, тогда как мужество, храбрость уносят нас в другое измерение, о котором имплицитно говорится в следующем стихе: «с известием о смерти любимых втрое наша любовь вырастает». Изображение происходящего реализуется с помощью иносказаний, символов и олицетворений.

В переводе допущено несколько оплошностей: *тице* вряд ли *куруцы*; *лови свјетлост лисичијех очих, него орла кријући гледају* не соответствует переводу Шумилова: «но, однако, страшный взор лисицы для курицы только и опасен, Он тускнеет пред орлиным оком»:

Очень часто страх нам честь марает,
Слабость нас вяжет с землёю
ничтожною, но крепчайшей связью.
Но, однако, страшный взор лисицы
Для курицы только и опасен,
Он тускнеет пред орлиным оком. (с. 76)

— **оружие:** для черногорцев оружие — святыня. Это ассоциативное поле вербализуется элементами народного причитания, плача — обрядовой и бытовой народной поэзии, лирико-драматической импровизации, в которой оплакивается утрата ружья как смерть близкого человека. Для выражения плача использован сплав разнородных элементов, таких, как ритуальное песнопение, речитативное проговаривание, эмоциональный нервный накал, сравнения, почитавшие утраченное оружие, выражающие естественные чувства сострадания и «оружие любия»: «*жа ми га је ка једнога сина, жа ми га је ка брата роднога*», даже проклятие: *Више жалим пуста цефердара //но да ми је руку окинула:*

Више жалим пуста цефердара
но да ми је руку окинула!
Жа ми га је ка једнога сина,
жа ми га је ка брата роднога,
јере бјеше пушка мимо пушке.
Срећан бјеше, а убојит бјеше;
око њега руке не превиях,
свагда бјеше као огледало;
у хиљаду другијех пушаках
познати га шћаше када пукне. (с. 213)

В переводе:

И поверьте, жаль мне джефердара,
Будто сына иль родного брата.
Был он лучше всех ружей на свете,
был на диво меток и удачлив.
Я и пальцем его не касался —
как зеркало он сиял на солнце.
По выстрелу джефердар мой верный
Я узнал бы из тысячи ружей. (с. 212)

Перевод передаёт основное значение этого сегмента и сохраняет метрическую систему плача как жанра, хотя не передан эмоционально-экспрессивный слой оригинала.

— **смерть — бессмертие:** в системе мировосприятия автора поэмы *Горный венец* явления жизни и смерти реализуются в виде членов своеобразной триады *жизнь — смерть — бессмертие*. Идея Негоша о вечном существовании в человеческой памяти лучше всего можно

выразить в следующей форме, передающей исконную этику, уходящую в далёкое прошлое: *человек рождён для подвига на благо родины, а смерть на бранном поле — это высшая награда; это лишь переход жертвы в заслуженное «царство поэзии», и вознесение её в пантеон мифических косовских юнаков. Для таких юнаков «немощная старость» — это кара божья, позор.* Человек на пути к бессмертию как к особой форме присутствия в памяти потомков воспринимает смерть как награду, как путь «к бессмертию и святому гробу»:

...Жертве благородне
да прелазе с бојнијех пољанах
у весело царство поезије,
како росне свијетле капљице
уз веселе зраке на небеса.
Куд ће више бруке од старости?
Ноге клону, а очи издају,
узблуги се мозак у тиквини,
пођетињи чело намрштено;
грдне јаме нагрдили лице,
мутне очи утекле у главу,
смрт се гадно испод чела смије
како жаба испод своје коре. (с. 91)

В переводе:

...Прекрасные жертвы
С поля боя в царство поэзии
переходят, как росные капли
светлым утром в голубое небо.
то позорней немощной старости?
Ноги слабнут, и глаза подводят,
в старой тыкве мозги прокисают,
лоб и щеки бороздят морщины,
и смеётся, будто черепаха,
уродлива смерть из-под черепа. (с. 90)

Или:

Гордо лежи велики војвода
под клучевма крви благородне,
ка малопред што гордо иђаше,
страсном мишљу прсих надутијех,
кроз дивјачне тмуше азијатске,
гутајућ их ватреним очима;
ка малопред што гордо иђаше
к светом гробу бесмртног живота,
презирући људско ништавило
и плетење безумне скупштине. (с. 47)

В переводе:

И великий лежит воевода,
истекая кровью благородной.
Лишь недавно он шагал по полю,
охваченный единственной мыслью
и дикие толпы азиатов
огненными взорами сжигая;
лишь недавно гордо шёл навстречу
бессмертию и святой могиле
презирая скупщины безумье
и коварство сплетников ничтожных. (с. 46)

Эта триада *жизнь — смерть — бессмертие* вербализуется с помощью ряда метафор (*веселе зраке, жертве благородне да прелазе с бојнијех пољанах у весело царство поезије, смрт се гадно испод чела смије*), фразеологизмов, возвышенной книжной лексики в сочетании с просторечной, иногда диалектной, что представляло определённую трудность для переводчика.

Таким образом, выше приведённые примеры представляют собой ассоциативную природу анализируемого концепта, проявляющуюся в художественном тексте, где ментальные проекции объединены единой системой смысла и подчинены задачам создания художественной образности.

Помимо словарных определений, актуализирующих обыденные представления о содержании концепта, понятийный блок лингвокультурного концепта также структурирован интенционалами научных понятий, представлений и культурных установок. Следует обратить особое внимание на понятие *чојство*, которому нет адекватного эквивалента в русском языке, хотя в словаре оно переводится как благородство, человечность, которые также имеют соответствующие сербские эквиваленты — *племенитост, човечност*. Но речь идёт о понятии *чојство*, которое особо ценится у черногорцев, и включает в себя *и благородство, и человечность, и гуманизм, и сопереживание с другими, умение разделить горе, несчастье, страдания другого человека, а самое главное — умение помочь слабому, беззащитному, беспомощному или попавшему в беду, иногда даже неприятелю*.

Так называемое *чојством* может быть самостоятельным концептом, но в данной работе мы считаем его сопутствующим анализируемому концепту «героизм». Ядерная лексема *чојство* в поэме встречается только два раза:

Первый раз — в отрывке:

О проклета земљо, пропала се!
Име ти је страшно и опако.
Или имам младог витеза,
Уграбиш га у првој младости,
Или имах чојка за човјество
Свакога ми узе прије рока. (с. 89)

— Вукота осыпает проклятиями землю, „забирающую лучших людей — настоящих героев, витязей, погибших, защищая своё отечество, совершивших благородные подвиги”.

В переводе:

Муж достойный, что славу стяжает,
погибнет в молодости ранней. (с. 88)

— Шумилов хотя и трансформировал, но удачно передал смысл стиха: *или имах чојка за човјество*². *Второй* — в ответе туркам (визирю Селиму) владыки Данилы, человека-гуманиста, глубоко мыслящего, предвидящего последствия нападения на сербских мусульман, всеми силами желающего предотвратить гражданскую войну, где героизм будет иметь весьма трагические последствия, однозначно определяет своё отношение к кровопролитию:

Коме закон лежи у топузу,
трагови му смрде *нечовјештвом*. (с. 101)

Перевод Шумилова:

Кто законы на клинке приносит —
Оставляет за собой пустыню (с. 100) —

вряд ли передаёт смысл этой сентенции, аллюзия слишком далека.

Вместе с тем вербализация этого художественного концепта осуществляется и с помощью таких значений как:

— **гуманизм** (поведение владыки Данилы, о котором мы уже говорили, основной смысл этики которого — защищать слабого, не уничтожать ничего, даже вражеского, считая, что тирана нужно заставить уважать право человека на жизнь. В данном примере значение концепта (чојства) вербализован на уровне сложного

---

² У монографији Михајла Стевановића *О језику Горског вијенца* даје се следеће тумачење овог стиха: «А није тешко схватити да се у стиху „или имах чојка за човјество” — не говори о човеку за човечанство него о човеку за човечност, за човјество, као и све три именице које се иза ње наводе: *човјештво*, *човество*, и *чојство* — јесу синоними, али не и *човјечанство* с њима, јер човечанство, у наше време, значи само **све људе света**. У Вуково и Његошево време је имало и значење *човечности*. Његош је употребљавао, не, истина, *човјечанство*, него црквено-руске ликове те речи (*человечество* и *човјечество*) и у значењу *човечности*» [Стефановић, 1990, с. 134].

синтаксического целого, состоящего из двух предложений. В первом даётся сравнение законов дикой природы, конкретно — право волка на овцу — и, якобы, такого же права тирана на незащитного человека³. Во втором предложении опровергается это право, и, согласно гуманным основам человеческого общества, тиранству (нужно) «стать ногой на горло» и заставить тирана уважать истинное право, то есть право слабого человека на жизнь. Разговорный эмоционально окрашенный фразеологизм *стати ногом за врат* со значением ‘заставить кого-то насильно что-либо сделать’ книжного характера лексема *тирјанство* усиливают экспрессию всего сложного синтаксического целого. В примере в завуалированном виде присутствуют все элементы концепта героизма:

Вук на овцу своје право има
ка тирјанин на слаба човјека.
Ал’ тирјанству стати ногом за врат,
довести га к познанију права,
то је људска дужност најсветија! (с. 69)

Перевод Шумилова стиха «*довести га к познанију права*» не соответствует оригиналу, так как речь идёт о правах человека на свободу⁴:

Волку право на овцу даётся,
Как тирану на людей бессильных.
Но тиранству стать ногой на горло
И поставить его перед правдой —
Вот святое дело человека! (с. 68)

— *христианская благодетель, христианская добродетель (благородный поступок)* — (освобождение старухи, поссорившей три черногорских племени по приказу турок, пригрозивших ей страшной карой): «*Тада скочи народ цио, узми камење да је под гомилом метну, али је не пусте главари, но је с муком одбране*» (с. 175). В данной авторской ремарке преобладают локальные диалектизмы родного края Негоша, которые переводчик перенёс средствами общезыковой нормы, то есть перевод не совсем адекватен: *Все вскакивают на ноги, хватают камни, чтобы забросать ими старуху, но старейшины этого не допускают и с трудом её защищают* (с. 174). Следовало хотя бы сохранить выражения с инверсионным порядком слов *народ цио* — например, народ весь православный, равно как глагольные формы мгновенного действия *скочи, узми, метну — прыг, хват, метнуть*.

³ Ср. русскую пословицу *лежащего не бьют*.

⁴ См. толкование этого стиха в монографии Стевановича *О језику Горског вијенца*, с. 99.

— *оказание помощи слабому, беззащитному*. Как отмечают исследователи, занимающиеся изучением вопросов, связанных с гуманизмом, модели поведения востребованы обществом в переломные моменты, когда героизм, человечность являются одним из выходов из критической ситуации. Например:

Пуштите их (јаребице), аманат ви божи,
јере их је невоља нагнала,
а не бисте ниједну хватали.
Утекле су к вама да утеку,
а нијесу да их покољете. (с. 43)

Если бы в переводе Шумилова из обилия просторечных, диалектных форм (*Пуштите, утеку и т.д.*), представляющих собой вербализацию этого значения *оказание помощи слабому, беззащитному*, был передан хотя бы плеоназм *Утекле су к вама да утеку*, то все четверостишие получило бы простонародную, диалектную окраску. А он (Шумилов) весь отрывок опустил до уровня нейтральной лексики. В желании сохранить десятисложник оригинала Шумилов выхолостил основную дихотомию славянизм — диалектизм, то есть смену средств высокого стиля — низким, просторечным, диалектным, и все перевёл нейтральными общезыковыми средствами:

Отпустите, это знак Господень!
Их (куропаток) погнало в руки к вам несчастье,
а иначе б их вы не видали!
Птицы ищут у вас прибежища,
а не смерти от людей жестоких! (с. 42)

Таким образом, анализируемый концепт *человечность, гуманность, благородство* (чојство) является важной составляющей духовной культуры черногорцев, и в этом смысле может быть рассмотрен как значимый элемент «культурного кода».

В основе этого концепта лежит представление об идеальном этическом и моральном поведении людей. В настоящее время, с одной стороны, можно фиксировать ослабление значимости традиционных ценностей, свойственных черногорской культуре, в современном обществе, а с другой — сохраняется, как нам кажется, общественная потребность в моделях и образцах героической личности.

На основании проведённого анализа перевода данной поэмы Александром Шумиловым на русский язык можно заключить, что в русском языке ядерная лексема концепта «героизм» реализует значения в основном такие же, как и в сербском языке: *храбрость, смелость, мужество, подвиг, исполнение долга, отдать жизнь во имя будущего, погибнуть, защищая народ и отчество; пренебрежение*

опасностью; самопожертвование. Итак, выделенное понятийное ядро этого концепта представляет собой нравственно и ценностно ориентированное поведение большой социальной, психологической и культурной значимости.

Однако в черногорском народном сознании героическое поведение складывается также из совокупности *силы воли, бдительности, патриотизма и человечности*, которая является проявлением *здорового смысла и благородства* и имеет особое наименование — чојство. Так, концепт «героизм» в поэме «Горский венец» существует неотделимо от концепта *человечность, гуманность, благородство* (серб. чојство) и представляет многоплановость концептосферы Негоша как проявление специфики его идиостиля. Лингвистические средства экспликации героических представлений, отражающие образцы героического поведения в черногорской и русской лингвокультурах, это — славянизмы и диалектизмы, составляющие основу идиостиля Петра Петровича Негоша.

Таким образом, лингвокультурный концепт «героизм» представляет собой сложное ментальное образование, оно фиксируется в речевом и невербальном поведении людей и обладает национальными специфическими особенностями в исследуемых черногорской и русской наивных картинах мира (у черногорцев — чојство; а у русских — безрассудная смелость).

Список литературы

- Влахов С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Голубев Д.А.* Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ярославский гос. пед. ун-т имени К.Д. Ушинского. Ярославль, 2008. 21 с.
- Кубрякова Е.С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова / Семантика языковых единиц: Докл. VI Междунар. конф. М.: Наука, 1998. С. 7—50.
- Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141, 172.
- Негош П.П.* Горный венец / Пер. с сербского и коммент. Александра Шумилова. Подгорица: УНИРЕКС, 1996.
- Стернин И.А.* О понятии «коммуникативный шок / Русское и французское коммуникативное поведение. Воронеж, 2002. С. 10—19.
- Бечановић, Т.* Семиотичка интерпретација Горског вијенца. Преузето са <http://www.ff.ucg.ac.me/njegos/Z1/Tatjana%20Becanovic.pdf>

- Мршевић-Радовић, Д.* Фразеологија и национална култура. Београд: Штампа Чигоја, 2008.
- Његош, П.* Горски вијенац. Подгорица: УНИРЕКС, 1996.
- Пејановић, А.* Фразеологија Горског вијенца. Подгорица: ЦАНУ, 2010. С. 157—305.
- Радић-Дугоњић, М.* Прилог проучавању инваријатних и варијантних обележја концепата емоције у српском и руском језику (на материјалу руског превода «Сеоба» Милоша Црњанског). Стил, Међународни часопис, Београд-Бања Лука, 2003. С. 321—330.
- Стевановић М.* О језику Горског вијенца. Београд: Српска академија науке и уметности, научна књига, 1990.

С.В. Фащанова,

кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета; e-mail: sweta-svetlaya@rambler.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА (на материале радиодискурса)*

В статье рассматриваются прецедентные феномены (прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные ситуации), которые репрезентируют значимые для национальной культуры явления, ставшие символическими для национального менталитета. Определяется соотношение понятий «интертекст» и «прецедентный текст». На материале современного радиодискурса (радиостанции: «Эхо Москвы», «Радио Сибирь», «Русское Радио», «Маяк» и др.) выделены основные источники прецедентных текстов, проанализированы способы их включения в радиодискурс. Описываются способы трансформации прецедентных текстов. Кроме этого специальное внимание уделяется значению прецедентных текстов, выделяются ключевые понятия и категории, репрезентирующие русскую культуру и русский менталитет на определённом этапе времени.

Ключевые слова: прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация), менталитет, радиодискурс, языковая игра.

Svetlana V. Fashchanova, Cand. Sc. (Philology), Assistant at the Russian language department, National Research Tomsk State University; e-mail: sweta-svetlaya@rambler.ru

Key Precedent Phenomena in the Context of National Mentality: A Case Study of Radio Discourse

In the article, the author analyzes a number of key Russian precedent phenomena (precedent texts, precedent names, precedent situations) that are of considerable importance to the national culture, have become symbolic and reflect distinct features of the national mentality. The concepts “intertext” and “precedent text” are studied. Through the means of modern radio discourse (radio stations “Ekho Moskyu,” “Radio Sibir,” “Russkoye Radio,” “Mayak,” etc.) the main sources of precedent texts are identified; methods of their inclusion in the radio discourse are analyzed; ways of precedent texts transformation are described. Special attention is given to the content of precedent texts, key concepts and categories representing the Russian culture and the Russian mentality at a certain historical stage.

Key words: precedent phenomena (precedent text, precedent name, precedent situation), national mentality, radio discourse, word play.

Согласно концепции канадского социолога Г.М. Маклюэна, эра массмедиа и электронной информации меняет среду обитания человека: устраняет национальные границы, даёт возможность

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.

преодолеть пространство и время [Жаркова, 2014, электронный ресурс]. Глобальная сеть СМИ позволяет создать универсальность духовной регуляции, т.е. воздействовать на человеческую личность вообще. Именно поэтому язык массмедиа и тексты массовой коммуникации, или медиатексты, — одна из самых распространённых форм существования языка в современном обществе.

Т.Г. Добросклонская указывает: «Концепция единого информационного пространства имеет ключевое значение для понимания динамики языковых изменений, т.к. позволяет представить многогранную деятельность мировых и национальных массмедиа в виде единой, целостной системы, функционирование которой оказывает существенное влияние на протекание лингвокультурных процессов» [Добросклонская, 2008, с. 10]. В свете этих концепций представляется возможным говорить о том, что язык СМИ в настоящее время «выполняет в информационном обществе роль своеобразной модели национального языка. Он во многом формирует литературные нормы, языковые вкусы и предпочтения, оказывая влияние на восприятие политики, идеологии, искусства и литературы» [Володина, электронный ресурс]. Следовательно, можно говорить о том, что язык СМИ сегодня отражает ментальность народа, содержит ключевые для нации ценностные ориентиры, нравственные нормы и выступает в качестве «зеркала», отражающего отношение нации к конкретным личностям, событиям и т.д.

Целью данного исследования является изучение содержательных, формальных характеристик прецедентных текстов в радиодискурсе, их коммуникативной роли, что позволит определить особенности использования прецедентных текстов в радиодискурсе и выявить специфическое содержание, отражающее фундаментальные для русского менталитета ценности.

В качестве материала исследования были использованы аудиозаписи и стенограммы радиодискурса периода 2007—2013 гг. («Маяк», «Эхо Москвы», «Радио Сибирь», «Русское Радио», «Авторadio», «Европа Плюс» и др.).

Национальные языки отличаются друг от друга не столько некоторыми отдельными, изолированными друг от друга параметрами, сколько всей совокупностью вербальной и невербальной информации [Гришаева, 2008, с. 118]. Последнюю язык как ментальный феномен фиксирует и передаёт различными вербальными механизмами и при необходимости также вербализует её. Значительную роль в этом играют прецедентные тексты.

В научной литературе понятие *интертекстуальность* соотносится с понятием *прецедентный текст*. Специфика медиадискурса (и радиодискурса в частности) связана более с прецедентностью, чем с интертекстуальностью. Интертекстуальность соотнесена

с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью (интертекстуальные знаки — феномены культуры); прецедентность соотносится с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра. Интертекстуальные знаки проверены временем и традицией: они существуют в течение жизни нескольких поколений людей, существование прецедентных феноменов ограничено временем их рецепции и реинтерпретации. Для прецедентных феноменов важна техническая поддержка, прежде всего, средствами массовой коммуникации, обеспечивающая их тотальную рецепцию максимально широким кругом потребителей [Кузьмина, 2010, с. 153].

Часто активное использование прецедентных текстов связывают с процессом демократизации языка [Лаптева, 1996, с. 150—157]. Демократизация языка — явление многогранное. С одной стороны, общее снижение культуры привело к широкому внедрению в повседневную речь элементов жаргона и просторечий, и одной из активных тенденций в современном языке является вульгаризация. С другой стороны, процессы демократизации языка находят отражение в таких интересных, с точки зрения лингвистики, процессах, как использование прецедентных текстов.

Прецедентный текст может включаться в радиодискурс двумя способами: цитацией и квазичитацией, т.е. включение в текст СМИ чужого текста осуществляется в неизменённом виде, цитация: *Сейчас музыкальный презент / прямо с пьлу с жару!* // («Хит FM») или в изменённом, трансформированном, переиначенном виде, квазичитация: *Пять минут для пользы тела* — рубрика на «Русском Радио», ср.: для пользы дела. Включение прецедентного текста обостряет внимание адресата, активизирует его коммуникативные отношения с автором. Слушатель (часто неосознанно) должен ответить на ряд вопросов: Откуда цитата? Кто автор? Почему радиоведущий использует её? Как она связана с текстом радиоведущего? Если цитата выступает в изменённом виде, то количество вопросов увеличивается: Что изменено? Как было в оригинале? Зачем произведено изменение? Как связана изменённая цитата с данным текстом? Эти и другие вопросы требуют у адресата ответа, порождая такой тип речевой деятельности (речевого поведения), который Т.Г. Винокур образно назвала «коммуникативным соавторством» [цит. по: Земская, 1996, с. 159]. Участие в такого рода соавторстве составляет особую привлекательность для адресата, заставляя его проделать ряд умозаключений, чтобы понять замысел отправителя текста, установить связь между цитатой и текстом журналиста/радиоведущего.

Отметим, что авторы редко дают пояснения использованной цитации и квазичитации, стимулируя адресата к поиску ответа.

В итоге удачная разгадка порождает удовлетворение и повышает мотивацию к дальнейшему общению и участию в языковой игре. В цитатную формулу автором могут включаться слова, контрастирующие с ней и принадлежащие к другим — бытовым, сниженным пластам лексики. Стилистический план, заданный серьёзной темой, снижается употреблением слов, относящихся к нелитературной, даже вульгарной лексике. Это прежде всего разговорные и жаргонные слова в неподобающем текстовом окружении, что создаёт эффект разнородности текста [Лаптева, 1996, с. 23]. Например: *Если у вас есть предложения / то не парьтесь / совмещайте приятное с мегатанцевальным //* («Русское Радио», ср.: совместить приятное с полезным). Следует отметить, что обозначенный способ трансформации прецедентных текстов активен и устойчив.

Эффект языковой игры создаётся в процессе трансформации прецедентного текста путём приобретения нового смысла в конкретном контексте, обычно отличающемся от того, о чем писал (говорил) цитируемый автор. Получается намёк на нечто известное слушателю в его предшествующем ассоциативном и апперцепционном опыте. Такой намёк может создаваться и не прямым цитированием, а просто упоминанием схожей ситуации, в результате чего получается невольное соединение воспринимающей стороной знакомого и нового, обычно это вызывает комический эффект [Земская, 1996, с. 157—162]. Некоторые из этих текстов становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка, например рекламный ролик, анекдот.

Главной особенностью прецедентных текстов является их способность: 1) играть роль эталона культуры; 2) функционировать в виде свёрнутой метафоры; 3) выступать в качестве символа некоего феномена или ситуации. К прецедентным текстам относятся и прецедентные имена: например, имена известных исторических личностей, персонажей литературных произведений или киногероев (Аполлон, великолепная семёрка, бедный Йорик и др.), т.е. прецедентным может быть не только текст, но и ситуация, лицо, высказывание [Захаренко и др., 1997, с. 82]. Все чаще в корпус современного русского языка стали включаться прецедентные имена современности, прецедентные высказывания современных политиков и деятелей культуры. Многие художественные фильмы советского периода и популярные зарубежные фильмы давно превратились в источник прецедентных феноменов: «Джентльмены удачи», «Мимино», «Двенадцать стульев», «Белое солнце пустыни» и др. [Жумагулова, 2011, с. 279]. Тенденции в современном обществе таковы, что развитие культуры происходит отнюдь не в сторону

элитарности. Не случайно в списке лидеров прецедентности в данное время преобладают пласты «массовой» культуры — кинематограф, эстрада. Эти культурные сферы формируют динамичную, постоянно изменяющуюся, а потому всегда актуальную периферию культурного фонда, того комплекса знаний, которыми обладает типичный представитель той или иной культуры, живущий в определённом времени. Количество обращений к художественной литературе (как отечественной классике, так и зарубежной) уступает эстраде и кинематографу.

Облигаторные книги (перечень произведений художественной литературы, входящих в школьную программу) являются богатым источником порождения прецедентных текстов (цитаты, имена, сюжеты). Как правило, обращение к прецедентным текстам требует апелляции к фоновым знаниям реципиента. Прецедентный текст — это своего рода реминисценция от одного слова до фразы или целого текста. Каждый прецедентный текст вызывает в сознании носителей языка уникальную цепь ассоциаций. Сюда можно отнести личность автора, принадлежность к определённой исторической эпохе, сюжетную линию, наиболее яркие отрывки, величину текста и т.д.

В радиодискурсе в качестве прецедентных выступают различные группы текстов, чаще всего:

1. Строки современных популярных эстрадных композиций: *Ну / если глаза в глаза не возбраняется / то уши в уши / тоже можно //* («Радио Сибирь», ср.: Глаза в глаза, ладонь в ладонь (строки из песни одной из современных поп-исполнительниц));

2. Строки шлягеров советского периода: *А над Томском / тучи ходят хмуро //* («Радио Сибирь», ср.: На границе тучи ходят хмуро (песня «Три танкиста»));

3. Лозунги, афоризмы как советского, так и постсоветского периодов: *Земли / крестьянам // заводы / рабочим // пиво / мне! //* («Русское Радио»);

4. Пословицы, поговорки, крылатые выражения: *Если бы все в жизни было легко // но без труда // сами знаете // а рыба нынче / с характером //* («Милицейская волна», ср.: Без труда не вытянешь и рыбку из пруда).

Гораздо реже в радиодискурсе встречается обращение к классическим произведениям литературы, кино, фактам мировой истории и культуры, т.е. к тем источникам, которые уже стали интертекстами, ключевыми знаками мировой культуры: *Студент! // университет призывает тебя / креативом жечь сердца людей! //* («Радио Сибирь», ср.: Плаголом жги сердца людей (А.С. Пушкин «Пророк»)).

Соотношение источников прецедентности в радиодискурсе свидетельствует о системе ценностей, которая формируется в совре-

менном обществе, так как прецедентный текст — это, прежде всего, лингвокультурный знак, который демонстрирует нравственные приоритеты говорящих. Отход культурно значимых прецедентных текстов на второй план является свидетельством снижения общего культурного уровня социума и стремления средств массовой коммуникации сформировать новые ценности у аудитории.

Способы трансформации прецедентных текстов разнообразны. Наиболее распространённый вид модификации — замена одного или нескольких ключевых слов на слова, связанные с ситуацией общения в радиоэфире либо с предметом обсуждения радиопередачи: *Да / невооружённым ухом/этого не заметишь //* («Русское Радио», ср.: невооружённым глазом этого не увидишь). Известный прецедентный текст трансформируется, отражая специфический характер протекания радиокommunikации, связанный с отсутствием визуализации и необходимостью в некоторых ситуациях напряжённого «вслушивания».

Не менее распространённым способом изменения исходного прецедентного текста является его дополнение новыми словами, которые придают высказыванию совершенно иной смысл: *Все чарты мира / покорились этому синглу // пришёл / увидел / победил / и сам / похоже / удивился //* («DFM», ср.: Пришёл, увидел, победил).

В целях экономии речевых усилий, а также для реализации ряда коммуникативных целей говорящих возможно усечение «лишних» для конкретной коммуникативной ситуации компонентов, ср.: *«Чужой монастырь»* — название программы на радиостанции «Эхо Москвы», рассказывающей об обычаях и традициях, интересных фактах из жизни разных стран, ср.: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Другой вид трансформации, встречающийся намного реже, формально связан с изменением интонации, а по сути — с изменением смысла высказывания: *Учиться / учиться / и ещё раз учиться? // А жить когда же? // Вопросают студенты / и я их понимаю! //* («Русское Радио», ср.: Учиться, учиться и учиться. В.И. Ленин).

Использование прецедентных текстов в изменённом виде связано, прежде всего, со стремлением отправителя языковой игры усилить эстетический компонент высказывания. Однако в языке средств массовой коммуникации, изначально ориентированном на информационное воздействие на адресата, прецедентные тексты, наряду с эстетической, реализуют ряд других функций. Среди них — отражение ментальности народа.

Рассмотрим некоторые черты национального характера, нашедшие отражение в используемых в радиодискурсе прецедентных текстах. Характеризуя русский менталитет, следует отметить, что одна из типичных черт русского характера — свободолюбие,

стремление к независимости. В языковом воплощении данная черта характера находит отражение в критике действующих политиков и политического руководства: *Упало правительство Украины // и мы подобрали то / что плохо лежит* («Эхо Москвы»). Политика — одна из сфер жизни, которая является постоянным объектом языковой игры русских, причём закономерностью является оценочность, содержащаяся в языковой игре, как правило, отрицательная: *перекаддафить Кадаффи; Как аукнется / так и откликнутся наши слушатели* («Радио Сибирь»); *Послушайте / Таня / если вы до сих пор живете и работаете в России // так ли уж хорошо там / в Америке? // Рыба ищет / где глубже / человек / где лучше* («Эхо Москвы»).

Характерной чертой национального характера является гостеприимство. В радиодискурсе это проявляется в желании радиоведущих включить слушателя в коммуникативное пространство радиоэфира, сделать его локально очерченным, комфортным для аудитории: *Хлеб да соль / а точнее / приветы да поздравления сегодня вам обеспечены* («Радио Сибирь»). Трансформация известного прецедентного текста выполняет функцию своеобразного приглашения к прослушиванию программы «Привет» на радиостанции «Радио Сибирь». Ведущие данной программы активно используют её название в качестве основы для разнообразных каламбуров с целью привлечь внимание, «пригласить» максимально возможное количество слушателей к диалогу: *«Радио Сибирь» открывает приветливые двери // программа «Привет» в эфире; Большой сибирский привет ловите; Итак / вы попали под раздачу // под раздачу приветов*. Другие радиостанции используют специфические этикетные формулы с окказиональной лексикой (обозначающей принадлежность к конкретному радио) для привлечения аудитории: *Приветствуем вас в наших авторадийных / русскорадийных объятиях; Всем шлём наш авторадийный / русскорадийный привет*.

Трудолюбие также является неотъемлемой чертой национального характера, в русской традиции осуждается лень, праздность: *Есть миг / значит надо его использовать* («Радио Сибирь», ср.: «Есть только миг между прошлым и будущим»). Подчёркивается необходимость приложить усилия для получения результата: *Если бы всё в жизни было легко // но без труда // сами знаете // а рыба нынче / с характером* («Милицейская волна», ср.: Без труда не вытащишь и рыбку из пруда).

К национальным особенностям можно отнести и обострённое чувство справедливости, желание наказать нарушителей закона: *УСТИНОВА: А съём мигалки тут при чем? КУЗИЧЕВ: При том же ровно. МИХАЛКОВ: Вот это по-нашему! КУЗИЧЕВ: Если есть общественное мнение... МИХАЛКОВ: Мигнул / свистнул / в тюрьму! // Отлично! // Вот это по-нашему!* («Радио Маяк», ср.: Украл — вы-

пил — в тюрьму, телевизионная комедия «Джентльмены удачи»). Трансформация известного прецедентного высказывания в полной мере отражает отношение к нарушениям и к наказанию за них в нашей стране, так как в большинстве случаев наказываются мелкие хулиганства, а крупные правонарушения — нет. Однако для национального менталитета характерно чувство надежды, что всё встанет на свои места и справедливость будет восстановлена: *БАТРУТДИНОВ: ...И периодически / когда я смотрю на своих сокурсников / развезжающих на «майбахах» / едущих в свою Венгрию / я понимаю / что вроде тем занимался / и получаю-то хорошо / но почему не так? // Но / видимо / всему своё время // И Кесарю // кесарево. САВЕЛЬЕВ: А Венгрия // венгру («Радио Маяк»).*

Одна из основных причин использования трансформированных прецедентных текстов в радиодискурсе связана с балагурством, которое является типичной чертой национального характера. Оно выражается в создании целого ряда каламбуров, цель которых — снять напряжение, развеселить собеседника, разрушить стереотипы: *Смотри ушами («Радио России»); Увидеть везучую машинку «Радио Сибирь» / хорошая примета // К тому же / она и куда угодно вас довезёт // Она же везучая! («Радио Сибирь»); А сейчас Братья Гримм со своей сказкой (имеется в виду музыкальный коллектив «Братья Гримм») («Радио Сибирь»).* Балагурство лежит в основе активного включения в речь языковой игры во всех типах коммуникации, балагурство снижает официальность общения, усиливает личностное начало, а также способствует реализации разнообразных коммуникативных целей отправителя языковой игры (маскируя их под развлечение), что особенно необходимо для средств массовой коммуникации.

Использование прецедентных текстов является одним из продуктивных речевых и коммуникативных приёмов в радиодискурсе, рассмотренные случаи их употребления, а также контекст позволили выявить некоторые особенности русского менталитета, характерные для русского народа в данный отрезок времени.

Список литературы

- Володина М.Н.* Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm>
- Гришаева Л.И.* Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 118—123.
- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): Учеб. пособие. М., 2008.

- Жаркова Т.В.* Проблема речевой культуры общества и влияние медиатехнологий // Культура и образование. 2014. Январь. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/01/1238>
- Жумагулова Н.С.* Прецедентные тексты англоязычной литературы в структуре элитарной языковой личности // Вестн. Кокшетауского гос. ун-та имени Ш. Уалиханова. Серия филологическая. Кокшетау: Изд-во Кокшетауского гос. ун-та, 2011. № 1—2. С. 277—281.
- Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. Вып. 1. М., 1997. С. 82—103.
- Земская Е.А.* Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996. С. 157—162.
- Кузьмина Н.А.* Интертекстуальность современных СМИ: тенденции развития // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. Доклады Международ. науч. конф. М.: Ф-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. С. 152—157.
- Лантева О.А.* Стилистические приёмы создания языковой иронии в современном газетном тексте // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 150—157.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

Т.М. Шомахова,

доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»; e-mail: shomakhova@rambler.ru

Х.М. Пхитиков,

соискатель кафедры романских языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»; e-mail: xauti.pxitikov@yandex.ru

ШУМЕРО-АККАДСКИЕ, АССИРО-ВАВИЛОНСКИЕ, ХАТТО-ХЕТТО-АДЫГСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

(на материале клинописных текстов)

В настоящей статье анализируются шумеро-аккадские, ассиро-вавилонские, хатто-хеттские клинописные параллели с привлечением к исследованию кабардино-черкесского языка (абхазо-адыгская языковая группа), генетическое родство которого учёными устанавливается с хаттским языком. Проблема антропологизации знаний о языке и культуре в конце XX в. и начале XXI в. затронула практически все сферы научного познания, в том числе и перевод. Исследование показывает, что текст перевода находится на пересечении исследовательских зон языка, мышления и культуры, смысловая организация которых может раскрываться на уровне семантической теории перевода. Привлечение кабардино-черкесского языка к анализу клинописных текстов вскрывает сходство последнего с шумеро-аккадским и ассиро-вавилонским, что даёт нам основание для его прочтения на кабардино-черкесском языке с целью нового осмысления и научного обоснования исторических событий, имевших место 4000—6000 лет тому назад.

Ключевые слова: шумеро-аккадские, ассиро-вавилонские, хатто-хеттские, кабардино-черкесский язык, клинописные тексты, перевод, семантика.

Tatyana M. Shomakhova, Professor at the Department of Romance languages, H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russia; e-mail: shomakhova@rambler.ru

Xauti M. Pkhitikov, Competitor at the Department of Romance languages, H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russia; e-mail: xauti.pxitikov@yandex.ru

Sumerian-Akkadian, Assyro-Babylonian, Hattic-Hittite-Adyge Language Parallels in Translation Mirror: A Case Study of Cuneiform Texts

In the present article, Sumerian-Akkadian, Assyro-Babylonian and Hattic-Hittite-Adyge cuneiform parallels are analyzed. The authors also make reference to the Kabardian Circassian language (the Abkhaz-Adyge language group) whose genetic relationship with the Hattic language is now being established by scientists. In the late 19th and early 20th centuries, the issue of anthropologization of knowledge about languages and cultures penetrated all spheres of scientific knowledge, including translation. Our research shows that the target text is at the crossing of research zones of language, thinking and culture whose

semantic organization can be revealed by means of the semantic theory of translation. The comparative analysis of the Kabardinian-Circassian language and cuneiform texts reveals similarities between the latter and the Sumerian-Akkadian and Assyro-Babylonian languages. This enables us to read the cuneiform texts in Kabardian-Circassian to reconsider and give scientific credence to historical events that took place 4000—6000 years ago.

Key words: Sumerian-Akkadian, Assyro-Babylonian, Hattic-Hittite, Kabardinian-Circassian languages, cuneiform texts, translation, semantics.

Многообразие языков и культур, восходящих своими корнями к шумеро-аккадской, хатто-хеттской цивилизациям, как первому человеческому опыту общения свидетельствует о сущности существования Человека на Земле, его большом стремлении быть понятым, не быть одиноким в этом огромном космическом пространстве. И с тех пор осознанно или не осознанно человечество ищет пути реализации своего первостепенного назначения — установления и урегулирования своих межэтнических отношений. Путь этот, как показывает время, не всегда был простым и успешным [Шомахова, 2008, с. 344].

В этой связи нельзя не согласиться Т.М. Шомаховой, которая отмечает, что проблема антропологизации знаний о языке и культуре в конце XX и начале XXI в. затронула практически все сферы научного познания, в том числе и перевод, который всегда эксплицитно (цель) и имплицитно (средство) присутствует в сопоставительной лингвистике, способствующей раскрытию не только закономерностей развития как самого языка, но и содержательной (смысловой) стороны, его культурологической специфики, заложенной в языковых единицах [Шомахова, 2009, с. 223].

Вне всякого сомнения, текст перевода находится на пересечении исследовательских зон языка, мышления и культуры, смысловая организация которых может раскрываться на уровне семантической теории перевода.

Следовательно, изучение взаимоотношений между языком и культурой является одним из ведущих направлений современной лингвистики, в которой проблема диахронического изучения историко-культурных, когнитивных, языковых и речевых процессов, влиявших на формирование культуры отдельного этноса, остаётся мало изученной [Янушкевич, 2009, с. 5].

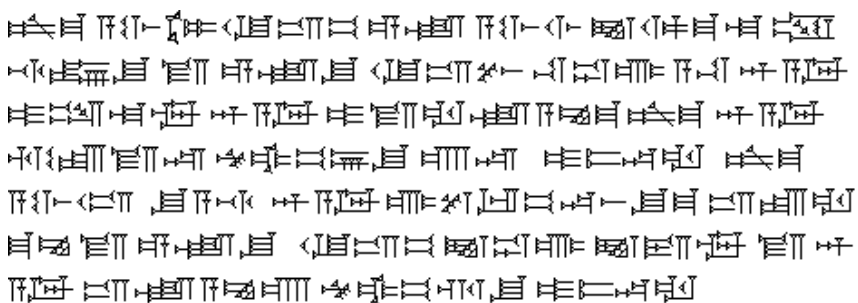
Интерес, проявляемый учёными к древнейшим языкам, неслучаен и связан с необходимостью дешифровки шумеро-аккадских, ассиро-вавилонских, хатто-хеттских клинописных текстов с привлечением к исследованию абхазо-адыгских языков и, в частности, кабардино-черкесского, генетическое родство, типологическое сходство и историческая близость которых неоднократно отмечались в работах С. Агер, В.Г. Ардзинба, Т.В. Гамкрелидзе, И.М. Ду-

наевской, И.М. Дьяконова, Вяч.Вс. Иванова, Дж.Г. Маккуина, М.И. Максимова, Н.Г. Лавпаче, Н.В. Сычева, В.Н. Ярцевой, E. Laroch, H.S. Schuster, E. Forger, P.E. Zimansky и др. [Ардзинба, 1982, 1989; Гамкрелидзе, 1959, 1961; Дунаевская, 1960, 1961; Дьяконов, 1979; Иванов, 1963, 1985; Лавпаче, 2011; Маккуин 1983; Максимов, 1948; Сычев, 2008; Ярцева, 1990; Laroch, 1947; Schuster, 1974; Forger, 1922; Zimansky, 1998].

Как известно, шумерский язык — язык шумеров, древнего народа, населявшего Южное Двуречье (совр. Ирак), вымер к началу 2-го тыс. до н.э. По клинописным текстам известен с 29—28 вв. по 3—1 вв. до н.э. Оставался в Месопотамии вторым книжным языком наряду с аккадским языком [Ярцева, 1960, с. 589].

Аккадский язык (вавилоно-ассирийский, ассиро-вавилонский язык) — один из семитских языков (северо-восточная группа). Язык древнего населения Месопотамии и Ассирии (совр. Ирак). Не позже середины 3-го тыс. до н.э. был распространён в Месопотамии наряду с шумерским языком. К началу 2-го тыс. до н.э. всё население Месопотамии и долины реки Тигр стало пользоваться только аккадским языком [Ярцева, 1960, с. 22].

Представленный ниже клинописный текст описывает военное действие аккадцев против города Уб (приблизительно 3000—2600 гг. до н.э.).

(Ареп С.).

Транслитерация:

1. Ma-ra-si-ma-a-pi-la-m-k-is-bi-el-a-pi-s-i-da-da-m-si-ui-k-ti.
2. In-su-s-e-li-su-ka-is-a-pu-no-d-u-a-na-ana-ak.
3. I-li-sa-gu-a-na-ak-is-a-al-lu-i-mi-ma-ma-ra-si-ma-a-na-ak.
4. I-ja-ta-s-zu-mi-ub-bi-r-su-ui-zu-i-ta-b-al-ma-ra-si-ma.
5. A-ui-nu-m-ssa-ti-a-na-ak-ui-ta-i-pa-b-za-as-su-ma-is-ta-al.
6. Ma-mi-s-ie-l-su-ka-is-bi-i-da-du-ui-da-da-ak.
7. A-na-ak-is-li-am-ui-mu-ui-b-bu-ri-su-i-ta-b-al.

Читаем по кабардино-черкесски:

1. Марашмэ апилъэм К1ыщ биел1 апищ идадэм шиук1ти.
2. Ин шущ ел1 шук1э ишапу Нэд у анан а. Акъ.
3. Или шагу анэ Акъ ишэ 1эл л1ы а Мимэ Марашмэ анэ Акъ.
4. И джатэщ зумы1уб бир шууи

зуитэ Бал Марашмэ. 5. А уи Нум щлатли анэ Акъ Утэ ипэбзэ Аш шумэ иштэ Іэл. 6. Мамыш ел1 шук1э Иш би идаду уи дадэ Акъщ. 7. Анэ Акъ Иш л1ам Уму Уб бири шуит1э Бал.

Перевод на русский:

1. Мараш руками душит Киш врагов мужчин, трёхпалых (вид оружия) его дедушка убивает. 2. Большой всадник убивает на коне, навсегда увозит из Нод он наанец из Ака. 3. Бьют мать аккадийку, как мясо отбивают, увозит злой мужчина, мать аккадийка Мимы Мараша. 4. Крепко держи свой меч Бал Мараш, враг всадник звенит. 5. Закапай своего Нума мать аккадийка Ута, говорит Аш всадник на диком коне. 6. Мамыш убивает на коне Иша врага его дедушки, твоего деда аккадийца. 7. Мать аккадийка мертвого Иша, Ум из города Уб враг всадника Бал.

Вавилонская письменность (война Ахийцев в Месопотамии приблизительно 11—14 вв. до н.э.).

[<http://yandex.ru>]

Транслитерация:

1. A-hi-si-r-ku-ira-si-e-li-ssa-m-ka-l-pa-ri-ti. 2. Na-ri-b-na-ta-ti-i-ta-ni-da-da-tu-ti-ja-ha-ra-ei. 3. Bi-lu-ti-ie-a-ua-ra-ti-di-mu-j-si-ru. 4. Ui-s-su-ui-na-ma-ui-ha-za-ja-ui-pi-l-ha-ma. 5. Nu-ma-ma-id-bi-lu-ti-ie-is-hu-a-pa. 6. Su-ma-la-ma-si-m-bi-si-lu-la-m-ui-ti-ma-i-si-ui-ti-ma. 7. Ssi-a-na-az-an-u-ka-la-ka-ta-n. 8. Nu-r-sa-tu-ha-m-ue-ba-ra-bu. 9. Ma-ir-su-u-bi-is-sa-ti-id-ti-sa-ssa-m-ka-l. 10. Dz-a-ji-zi-ma-ssa-m-ka-l-dz-i-ti-ni-h-ti-gu-a-hi-lu. 11. I-ra-t-sa-uz-ma-si-na-an-ha-ma-gj-al-ma-nu-ma-ti. 12. Ka-n-ji-zi-ma-na-m-di-ku-za-m-si. 13. Ka-ma-si-iz-ka-la-ku-s-ma-ra-s-su-ni-sa-r-ui-ti. 14. Ka-ui-ti-si-li-tu-r-gj-i-ma-su-si-ui-na-ma. 15. U-gj-al-i-la-m-pa-hi-ma-a-na-ka-t-an. 16. Ha-m-ku-na-bi-il-ti-ie-gj-e-ia. 17. Ui-sa-bi-nu-m-ma-an-na-ri-bi-ni-da-da-ti. 18. Ssi-li-e-ba-ss-zu-ti-is-bu-ra-si-bu-ui.

Читаем по кабардино-черкесски:

1. Ахьи шыр кьураси ел1 Шамкьал Парыти. 2. Нарыб нат1эти и Тани дадэ Тут джэхэрэ е. 3. Би лыти яуэрэт ди муджссыру. 4. Уш шу унэмэ уихьэ зэджэу Пылхэмэ. 5. Нумэ Мэид би лыти яйс хуапэ. 6. Шумэ Ламэшым биши лы Лам 1утмэ иши 1утмэ. 7. Щ1ы анэ 1эзэну кьалэк1э Тан. 8. Нур сатухэхэм уебэрабу. 9. Маир шуу бишшати идтищэ Шамкьал. 10. Дзэ джызмэ Шамкьал дзит1 нихьти гу Ахьи лы. 11. Ират шэ узмэ си наанхэмэ Гьалмэ Нумэт1э. 12. Кьан джызмэ нэм дикьуызамсэ. 13. Кьамэси из кьалэ из Куш Мараш шу нысэр 1ут. 14. Кьауит1 шыль т1ур гьымэ шу си унэмэ. 15. У Гьал Илэм пахьмэ шэпахьмэ анэк1э Тан. 16. Хьэмк1ыу Наби илти ягьея. 17. Ушэ би Нум маан нарыбын дадэти. 18. Щыль ебэщ зути иш Бура сибуи.

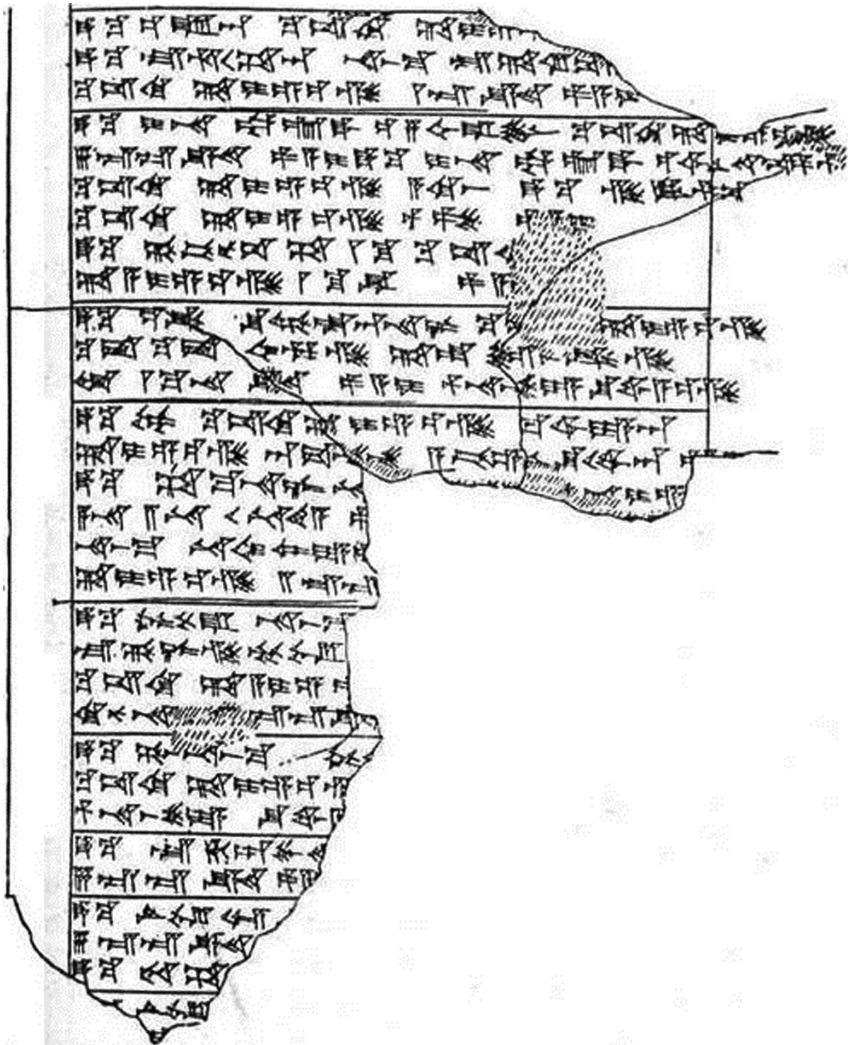
Перевод на русский:

1. Ахийцев на доблестном коне убивает Шамкал Паритов. 2. Хорошего парня из Тана дедушка Тут зовет, эй. 3. Враг мужчины бьет его, как толкут мудж острый. 4. В доме всадника Уша собаку зовут Пил (слон). 5. Нума одень врага мужчину Маида. 6. Всадник Ламиш враг мужчины который стоит на коне у Лама. 7. Земля мать врачевать будет в городе Тан. 8. Божественный свет попираешь. 9. Шамкал останавливает тысячу врагов всадников Маира. 10. Под многочисленный стон армии Шамкал несет сердце ахийского мужчины. 11. Ранят моих наанцев, царь Нума. 12. Глазам больно смотреть как родственник стонет. 13. Много в городе кинжалов и Кушийцев, Мараша всадник сноха стоит. 14. Двое лежа стреляют, двое плачут всадников у моего дома. 15. Тебе царю Ила у которого мать из Тана боеприпасы подносят. 16. Галопом скачут оплакивая Наби мужа. 17. Уведи врага Нуму, хороших дедушкиных детей маанцев. 18. Лежит боком звенит конь у Бу бога, Бу всадник, мои сироты.

Хаттский язык (протохеттский язык) — древнейший язык северо-восточной Малой Азии. Был вытеснен индоевропейскими языками (хеттским и палайским). Сохранились обращения к богам, вкрапленные в хеттские клинописные тексты [Ярцева, 1960, с. 570].

Хеттский язык — один из хетто-лувийских языков, мёртвый язык народа, населявшего центральную и северную части древней Анатолии. Будучи первым в истории индоевропейских языков с письменной фиксацией, хеттский язык отражает многие архаичные черты; одновременно отмечаются и явные инновации. Письменность хеттского языка — клинопись, по-видимому, заимствованная из северной Сирии в 19—18 вв. до н.э. и близкородственная староаккадской [Ярцева, 1960, с. 572].

Предлагается текст хеттской клинописи, представленный в работах Т.В. Гамкрелидзе, М.И. Максимова [Гамкрелидзе, 1959; Максимов, 1948].

Транслитерация:

1. Gj-al-ku-as-i-tu-an-am-is-at-u-si. 2. Gj-al-i-ma-li-ra-ui-ku-a-an-as-i-ma-li-u-si...is. 3. Ku-as-um-as-is-im-a-ie-is-i-ra-ti-sa-i-zu-li-ma-s-pa-n. 4. Gj-al-ku-a-im-as-ad-a-is-si-n ga-l-iz-is-a-un-ar-pa-ku-as-um-as-ie-is-i-ra-ti-sa. 5. Ui-na-zi-zu-li-ma-si-pa-i-ga-l-i-ku-a-ia-si-a-da-is-si-n-ga-l-is-si-ne-sa-pa. 6. ku-as-um-as-i-ie-is-i-ra-ti-sa-a-ui-ma-in-am-a-ku-a-ra-si-ku-a. 7. Ku-as-um-as-i-ie-is-i-ra-ti-sa-si-pa-ma-iz... 8. Gj-al-ku-a-dj-ab-ah-a-is-a-is-an-i-zi-ku-as. 9. Us-a-ie-is-i-ra-ti-sa-is-su-ra-pa... 10. Gj-al-ku-a-si-li-u-li-ma-ui-lu-an-as-i-i-ku-a...si-ie-is-i-ra-ti-sa. 11. Ku-at-a-ku-a-ta-ma-hu-a-ra-ti-sa-ui-s-ad-a-si-i...ra-ti-sa. 12. Ui-na-ma-i-ku-as-lu-si-a-i-si-ra-ti-sa. 13. I-zi-ku-a-mi-ku-as-ui-ma-s-ie-i-si-ra-ti-sa-ku-a-si-si-a-na. 14. Ui-s-ie-i-si-ra-ti-sa-a-na-a-da-ma-mo-bi-e-li-ui-si-a-na... 15. Gj-al-ku-a-sa-ku-as-i-i... 16. Es-i-ha-na-ui-na-ha-a-pa... 17. Es-i-i-ku-a-na-u-ji-mi-se-ssa... 18. Ui-si-ie-is-i-ra-ti-sa-ha-r... 19. Gj-al-ku-ma-ssa-di-ra-si-i-na-na. 20. Lu-ui-s-ma-ra-ssi-mi-ssa-di-ri... 21. ku-a-is-a-ui-ma-ui-s-ie-is-i... 22. Ui-ma-ha-si...zu-zi-li. 23. Gj-al-ku-a-sa-in-a-si-ku-a... 24. Ku-a-ui-ma-ui-s-ie-is-i-ra-ti-sa. 25. Su-ss-mu-si-lu-ssi. 26. Gj-al-ku-a-lu-ha-ti-pa-s... 27. Ui-na-zi-zu-li-ma-si-pa-i...

Читаем по кабардино-черкески:

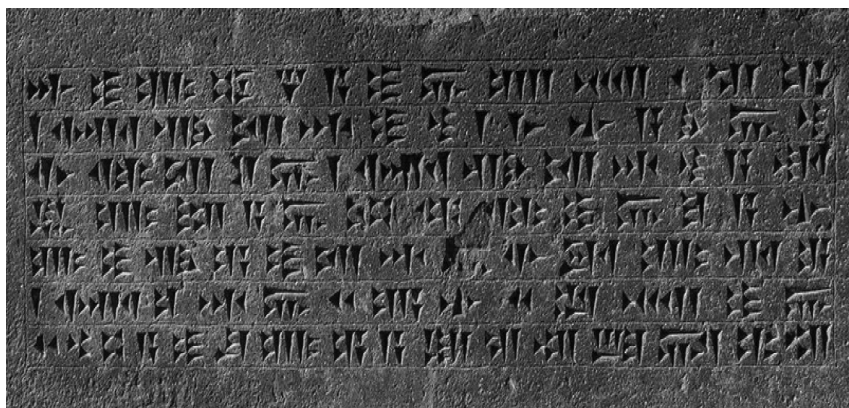
1. Гьал кьуэщи т1ыуанэм ишэт Уши. 2. Гьалмэ л1ыр уи кьуэ анэщи мэ л1ы Уш...иш. 3. Кьуэш Умэщ исымэ иеисиратисэ и Зулимэщ Пан. 4. Гьал кьуэ имэщ адэ Исын Гьал изыса унэр пэ кьуэш Умэщ йеисиратисэ. 5. Унэ зы Зулимэщи пэ и Гьал кьуэ и ащи адэ Исын Гьал исщи нешапэмэ. 6. Кьуэш Умэщи йеисиратисэ а Умэ инэмэ кьуэращи кьуэ. 7. Кьуэш Умэщи йеисиратисэ шыпэмэ из... 8. Гьал кьуэ джабэхэ ишэ ишэн и зы кьуэш. 9. Уша йеисиратисэ ишурэ пэ... 10. Гьал кьуэ си л1у л1ымэ уил1 анэщи и кьуэ... ши йеисиратисэ. 11. Кьуэт1э кьуэт1э махуэратисэ Уш адэси е.....ратси. 12. Уи Намэ и кьуэш л1ыщи а исыратисэ. 13. И зы кьуэми кьуэш Умэщ йеисиратисэ кьуэши си анэ. 14. Уш йеисиратисэ анэ адэмэ мобы ел1 Уши анэ... 15. Гьал кьуэ щак1уэщи и... 16. Ещи хьэнэ унэхэ апэ... 17. Ещи икьуэ наужьми сешэ... 18. Уш йеисиратисэ хьэр з... 19. Гьал кьуэмэ Шадыращи и нанэ. 20. Л1ы Уш Марашы мы Шадыри... 21. Кьуэ ишэ Умэ Уш а йеси... 22. Умэхэщи...зу зыл1. 23. Гьал кьуэ шэ инащи кьуэ... 24. Кьуэ Умэ Уш йеисиратисэ. 25. Шуш Муси л1ыщи. 26. Гьал кьуэ л1ыхэти пэш. 27. Унэ зы Зулимэщи пэ а...

Перевод на русский язык:

1. Уш забирает царского сына у незаконной жены 2. Если твой сын царский возьми Уш своего взрослого взрослого сына... увези. 3. Восседающий брат Умы её Зулимы Пан. 4. Отец царского сына царь из города Исина, поставил дом старший брат Умы. 5. В одном доме у Зулимы старший сын царя у него отец Исинский царь на троне навсегда увозит . Его брат Ума он Умы любимый внук. 7. Его

брат Ума лошадиный нос..8. Царя сына везет один из братьев Джабовых 9. Уш везет старшего 10. Царский сын мой муж мужчина твой муж матери сын...его. 11. Внук отца Уша его ясный день. 12. Восседающий мужчина твой брат Нама. 13. Один из братьев по матери брат Умы 14. Убивает он его маму и отца Уш мать...15. Царский сын охотник..16. Его ханейские дома...17. Старая карга уводит его сына и меня 18. Собаку Уша зовут з... 19. Бабушка царского сына из Шадовых 20. Уш мужчина Мараш из Шадовых.. 21. Сына забирает Ума у Уш ... 22. Умовы....один мужчина. 23. Вези царского сына растерянного сына... 24. Сын Уша становится сыном Умы... 25. Повзрослевший всадник Муса... 26. Царя сыновья мужчины вперед. 27. В одном доме у Зулимы старший...

Анализируемые нами исторические клинописные тексты имели место приблизительно в 2400—2300 гг. до н.э. [Сычев, 2008, с. 21—33].

Плита с Аккадской письменностью 16—18 век до н.э. надпись на фундаменте храма в крепости Эребуни на холме Арин-Берд близ Еревана. (Надпись выполнена на урартском языке клинописью, заимствованной у ассирийцев. Текст приписывает постройку храма царю Аргишти I [Zimansky, 1998. с. 19].)

Транслитерация:

1. A-ni-ui-ba-si-sa-a-i-ni-i-bi-ni-ta-ui-si-ia. 2. Iia-ri-gja-ba-nu-i-ta-ma-sa-a-ha-ne-sa. 3. Ssi-di-ba-di-in-ia-ri-gja-ba-nu-sa-a-gja-al. 4. Ku-a-ua-ri-a-ni-bi-ba-ui-lu-di-i-ni-ma-as. 5. Ui-gja-ie-i-ba-nu... ssi-da-sa-ui-ri-ie. 6. Iia-ri-si-a-nu-ni-ni-ta-n-si-ni-al-bi-ni-ta-i-ni. 7. Ni-na-t-bi-a-i-su-ue-i-a-ku-a-si-ba-tu-ne-sa-pa-su.

Читаем по кабардински:

1. Ани уибаси шэ а и Ний Бинитлэ Усие. 2. Илэри гъэбануитлэ Машэ ахэ нешэ. 3. Щиди Бадын илэри гъэбану шэ а Гъал. 4. Клуэ уэри а Ни Бибэ уилл ди инымэ Аш. 5. Уигъэ еи бану ...щи дашэ

Ури е. 6. ИТэри си ану Нини Танщи Ни Албинитлэ и Ни. 7. Ни Натби а ишу уе а кьуэси Бату нешэ пасу.

Перевод по русски:

1. Усия осиротела, уведи из Ний Бина. 2. В войну Маша их забирает. 3. Бадин останавливает войну и забирает царя. 4. Сходи ты тоже в Ни к Бибе к мужу нашему в Аш. 5. В год войны... везут нас в Ур эй. 6. Мать моя Нина Тан Ни Альбина из Ни. 7. Ни Натби их забирает ой его сына Бату забирает рано.

Следует отметить, что встречаемые в клинописных текстах имена и фамилии имеют место в современных северо-кавказских народах. Так, так например: Мараиш-Марашевы, Киш-Кишевы, Мима-имя Мима (есть детская считалка), Мимовы, Бал-Баловы, Ут-Утовы, Шамкал-Шамхаловы, Парит-Паритовы, Тан-Тановы, Маид-имя Маид, Ламиш-Ламишевы, Лам-имя Лама, Маир-Маировы, Уш-Ушевы, Ума-Умовы, Зулима-имя Зулима, Пан-Пановы, Шад-Шадовы, Муса-Мусовы, Ахи-Ахиевы, Пил-Пиловы, Бина — имя Бина (шумерский святой), Маша — имя Маша, Бадин — имя Бадин, Бадинокковы, Биба — имя Биба (основатель Вавилона), Аш-Ашевы, Ур — имя Ура (отсюда кабардинцы зовут русских — Урис-сидящий в Уре), Урусовы, Нина — имя Нина, Нинашевы, Альбина — имя Альбина, Бата — имя Бата, Батовы, Уш-Туш (имя), Натби — имя Натби, Натбиевы.

Список литературы

- Агер С.* Шумеро-аккадская письменность и дочерние клинописи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garshin.ru>
- Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Ардзинба В.Г.* Древние цивилизации. М., 1989.
- Гамкрелидзе Т.В.* Клинописная система аккадско-хеттской групп и вопрос о происхождении хеттской цивилизации // Вестн. Древней истории. М., 1959. № 1.
- Гамкрелидзе Т.В.* Аккадо-хеттская слоговая азбука и проблема происхождения хаттского подлинника // Вестн. Древней истории. М., 1961. № 1.
- Дунаевская И.М.* О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа // Сборник в честь академика Н.А. Орбели. М.; Л., 1960.
- Дунаевская И.М.* Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола. Переднеазиатский сборник. М., 1961.
- Дьяконов И.М.* Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979. С. 79—83.
- Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов В.В.* Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 26—59.
- Лавначе Н.Г.* Мирровозрение древних агыхов, хаттов [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: <http://www.gerodot.ru>
- Маккуин Дж.Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

- Максимов М.И.* К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря // Вестн. Древней истории. М., 1948. № 4. С. 24—34.
- Сычев Н.В.* Книга династий. М., 2008. С. 21—33.
- Шомахова Т.М.* Невербально-вербализованный акт коммуникации акт перспективы развития // Преподавание иностранных языков и культур в начале XXI: инновации и традиции. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. С. 344—349.
- Шомахова Т.М.* Le concept de “bonté” dans des contes français et russes // La traduction: philosophie, linguistique et didactique. France. Lille3: Université Charles-de-Gaulle, 2009. P. 223—227.
- Янушкевич И.Ф.* Лингвосомиотика англосаксонской культуры. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2009. 489 с.
- Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1960.
- Laroch, E.* Etudes “protohittites”. JCL.1., 1947, RA, 51, 1947.
- Schuster, H.S.* Die hattischen Bilinguen. 1. Einleitung. Texte und Kommentar. T. 1. Leiden, 1974.
- Forrer, E.* Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches / ZDMG. 1922 1/2. Режим доступа: <http://yandex.ru>. Картинки. Вавилонская письменность клинописью.
- Zimansky, P.E.* Ancient Ararat, A Handbook of Urartian Studies New York: Caravan books, 1998. ISBN 0-88206-091-0.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н.Н. Миронова,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: nnmironova@yandex.ru

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР»

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

17.10 — 22.10.2014, г. Краков (Польша)

С 18 по 21 октября 2014 г. в г. Кракове (Польша) прошла международная научная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур», организованная Высшей школой перевода (факультетом) МГУ имени М.В. Ломоносова и Краковским педагогическим университетом имени Комиссии народного образования, Центром культуры и русского языка (фонд «Русский мир»). Конференция была посвящена 200-летию со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова (15 октября 1814 — 15 июля 1841).

Более 70 участников конференции (профессора, доценты, преподаватели, аспиранты) из более 10 стран мира — России, Польши, Азербайджана, Белоруссии, Болгарии, Греции, Казахстана, Израиля, Испании, Японии и др. — выступили с докладами по тематике теории и практики перевода и преподавания русского языка в мире.

Российские коллеги приняли самое активное участие в конференции. Были представлены города: Москва, С.-Петербург, Анапа, Екатеринбург, Казань, Калуга, Краснодар, Красноярск, Омск, Ростов-на-Дону, Смоленск, Ярославль, Ясная Поляна (Тула) и др.

На торжественном заседании международной конференции прозвучали приветствия руководства Краковского педагогического университета, Центра культуры и русского языка (Фонд «Русский мир»), консула Российской Федерации в г. Кракове, декана Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова.

Н.К. Гарбовский выступил с докладом «“Выхожу один я ...”: свобода и ответственность переводчика». Прозвучавшие в докладе вопросы связаны с новым прочтением многоликой классики, которая живёт во множестве прочтений и возрождается в каждом новом переводе, продолжается в читателях и переводчиках — внимательных, строгих, очарованных художественным произведением. Нужно думать, оценивать, сопоставлять, искать формы, чтобы облечь в них мысли, но при этом не забывать сомневаться — вот формула для нового переводчика.

Н.Н. Миронова в докладе «Михаил Лермонтов — переводчик классической немецкой лирики» рассмотрела переводы М.Ю. Лермонтова на русский язык известных стихотворений Генриха Гейне, И.В. Гёте, Фридриха Шиллера, принадлежащие золотому фонду немецкой классической лирики и ставшие образцами русской классической лирики. Были показаны возможности теории эквивалентности нарративного текста по В. Шмиду для изучения соответствия/несоответствия оригиналу.

В докладе *Э.Н. Мишкурова* «Художественный перевод в зеркале герменевтики» был предложен новый синергетический тип герменевтической парадигмы перевода, включающий в себя и современное переводоведческое знание, и практический опыт как образец решения актуальных задач.

Обсуждения докладов продолжились на секционных заседаниях по двум направлениям:

I. *Перевод и переводоведение*. М.Ю. Лермонтов в переводах: история и современность.

Перевод и переводоведение. Наука о переводе в глобальном мире.

II. *Русский язык* в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации.

О.И. Костикова (Россия) выступила с докладом на тему: «Что ищет он в стране далёкой... Что обретёт в краю родном? Перевод в культурно-антропологической парадигме», рассмотрев вопросы религии в поэзии М.Ю. Лермонтова. *Иноуэ Юкиёси* (Япония) познакомил слушателей с семиотикой перевода, его выступление на тему «Анаграмма, скрытая в произведениях М.Ю. Лермонтова “Демон”, “Дары Терека” и “Тамара”, и её перевод на японский язык» содержало немало открытий скрытых знаков в лексемах Лермонтова. «Прагматику эмотивности в прозе М.Ю. Лермонтова: лингвокультурологический аспект» раскрыла *С.В. Коростова* (Россия). Обзор переводов М.Ю. Лермонтова был дан в докладе *Е.Д. Леоненковой* (Россия) «М.Ю. Лермонтов — переводчик своего времени».

В целом ряде докладов были освещены вопросы рецепции М.Ю. Лермонтова в разных странах: «М.Ю. Лермонтов в азербайджанском переводе» (*Афаг Аллахверди гызы Садыгова*, Азербайджан), «Йордан Ковачев — болгарский переводчик поэзии М.Ю. Лермонтова» (*Н.С. Иванова*, Болгария), «Воздушный корабль» Лермонтова: от немецкого стихотворения Цедлица к латышскому переводу» (*Ж.И. Борман*, Латвия), «История перевода произведений М.Ю. Лермонтова на казахский язык» (*Е.С. Адаева, Л.Н. Дауренбекова*, Казахстан), «Лирика Лермонтова в переводческой интерпретации Абая Кунанбаева» (*Г.А. Шалабаева*, Казахстан), «Интерпретация философской лирики Михаила Лермонтова в переводах

Абая Кунанбаева: к проблеме жанрового единства» (К.Б. Уразаева, Казахстан).

Пониманию произведений М.Ю. Лермонтова как прецедентных текстов посвящён доклад *Н.В. Александрович* (Россия) «Жизнь и смерть как концепты в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». *С.В. Коростова* (Россия) рассмотрела языковые средства репрезентации категории эмотивности в прозе М.Ю. Лермонтова.

Направление «Наука о переводе в глобальном мире» было представлено докладами, посвящёнными художественному и специализированному переводу.

Так, некоторые исследователи обратились к переводам классической литературы во всё её многообразии: доклад *В.И. Жельвиса* (Россия), «NOFEARSHAKESPEARE: плюсы и минусы адаптации», *Е.А. Масловой* (Россия) «Толкование текста: о чём рассказывает нам “Хозяйка” Достоевского и её переводы на испанский и итальянский языки» и др.

Общим вопросам теории перевода были посвящены доклады *Е.М. Мешковой* (Россия) «О методологии герменевтики: лингво-поэтический анализ художественного текста», *В.А. Разумовской* (Россия) «Энергия художественного текста: диссипативная система и перевод», *В.И. Сенкевича* (Польша) «Культурная релевантность языка и перевод», *Е.А. Титовой* (Россия) «Прагматическая значимость учёта звуковой инструментовки поэтического текста при переводе».

Г.В. Алексеева (Россия) ввела слушателей в мир Л.Н. Толстого: взаимодействие великого писателя и переводчика отражено в её докладе «Э. Моод над переводом трактата Л.Н. Толстого “Что такое искусство?”: диалог переводчика и писателя».

Сопоставлению переводов в паре языков посвятили свои выступления:

Хорошавина А.Г. и *Сулейманова А.А.* (Россия) «Особенности перевода некоторых видов лакун с китайского на русский язык (на материале романа Мо Яна «Страна вина»); *Р. Славомирски, И. Козера* (Польша) «К вопросу о переводе поэзии В.С. Высоцкого».

Анализу дискурсов разных видов в их переводческом аспекте посвящены доклады: *Т.Я. Матеуш, И. Козера* (Польша) «Проблемы перевода политического текста. Значение контекста в анализе дискурса», *О.В. Мануковой* (Россия) «Эквивалентность медицинских терминов в комбинации языков русский — английский», *М.В. Ундритцовой* (Россия) «Особенности формирования гастрономической картины мира».

Завершил работу переводоведческой секции доклад пана *В. Гавески* (Польша) на тему: «Мой новый перевод романа в стихах “Евгений Онегин” А.С. Пушкина. Заметки переводчика». Автор

представил в историческом разрезе историю переводов романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, начиная с XIX столетия и вплоть до начала XXI в. на польский язык. Кроме общеизвестных переводчиков, таких как Лео Бельмонт, Юлиан Тувим и Адам Важик, В. Гаевски указал фамилии переводчиков XIX в., таких, как Адам Сикорски, Бенедикт Долэнга, Станислав Будзиньски, Адам Плуг /Антони Петкевич/, Виктор Гомулицки, а также назвал имена менее известных современных переводчиков — Тадеуш Бобиньски, Феликс Нец, Анджей Сыч и Анджей Ленвандовски.

В. Гаевски объяснил аудитории собственную концепцию перевода пушкинского шедевра, выдвигая как фактор первостепенной важности принцип умеренности в выборе метрической системы «Онегинской строфы» в польском языке, а также принцип гармонии (так называемое «золотое сечение»).

Направление «Русский язык в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации» было представлено докладами авторов из европейских стран. Было отмечено, что трудности преподавания русского языка как иностранного при подготовке переводчиков связано с разного рода особенностями как русского языка, так и принимающего языка и принимающей культуры. Знание русской истории и культуры, несомненно, расширит рамки восприятия языка. Формированию лингвокультурологической компетенции были посвящены доклады *М.Н. Есаковой* (Россия) и *Э.К. Харацидиса* (Греция) «История русской культуры в курсе подготовки переводчиков» и *Т.М. Обуховой* (Россия) «Московское культурное пространство в восприятии арабских студентов».

Межкультурная коммуникация в разных сферах взаимодействия была рассмотрена в докладах *З.И. Гурьевой* и *Е.В. Петрушовой* (Россия) «К вопросу о взаимодействии культур в процессе межнациональной бизнес-коммуникации», *Д. Лесневской* (Болгария) «Обучение профессионально-деловому общению в теории и практике преподавания РКИ» и *Г.М. Литвиновой* (Россия) «Курс «Межкультурная коммуникация» в рамках программы обучения инофонов РКИ». Группа соавторов из Казахстана (*М.Б. Нартазина*, *К.С. Кулманов*, *Г.Д. Сейпильдинова*, *А.А. Алимова*) поделилась исследованиями по теме: «Язык и культура в межкультурной коммуникации в образовательной системе республики Казахстан». Взаимодействию и обогащению лингвокультур посвящены доклады *Г. Нефагиной* (Польша) «Языковой образ русского американца в эмигрантской литературе», *Е.Д. Брызгалиной* (Россия) «Влияние французского языка на культуру России», *О.Н. Калита* (Греция — Россия) и *Г. Павлидиса* (Греция) «Структура и особенности профиля обучающегося в системе ЭО русскому языку в греческой аудитории». Особенности системы языка посвятили свои доклады

Т.Л. Ляхнович (Беларусь) «Степенная морфологическая классификация глаголов и преимущества её использования в преподавании русского языка» и *Ж.Х. Салханова* (Казахстан) «Риторический аспект изучения и преподавания языка».

Международному программному и организационному комитету конференции, в работе которого участвовали российские и зарубежные учёные, удалось разработать такую концепцию конференции, которая бы включала в себя многообразные междисциплинарные направления в пространстве теории, методологии и истории перевода.

Особо отмечу факт участия в конференции аспирантов и студентов. Состоялся студенческий круглый стол «Языки. Культуры. Перевод в глобальном мире».

Гостеприимная атмосфера, в которой проходила конференция, несомненно, способствовала обмену мнениями по рассматриваемым теоретическим и практическим вопросам. Культурная программа конференции, включавшая в себя театрализованное представление, посвященное 200-летию юбилею М.Ю. Лермонтова, многочасовую экскурсию по исторической части г. Кракова, оставила самые добрые воспоминания.

К началу конференции были опубликованы программа и тезисы докладов. Отобранные редколлегией доклады будут опубликованы в Вестнике Московского университета. Серия 22. Теория перевода.

Материалы конференции подготовлены в электронной версии:

УДК 81; 001.32; 81:005.745

ББК 81.2; 71

Международная научная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур». 17—22 октября 2014 г. Материалы: электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2014. 451 с.

ISBN 978-5-19-011006-7

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2014 год**

№ С.

Общая теория перевода

<i>Ван Мэняо.</i> Категория верности в китайской теории перевода. 1	5
<i>Конурбаев М.Э., Лингарт А.А.</i> Опыт лингвопоэтического сопоставления и филологического толкования английских переводов Библии: морфология, синтаксис, ритм 2	5
<i>Конурбаев М.Э., Лингарт А.А.</i> Опыт лингвопоэтического сопоставления и филологического толкования английских переводов Библии: семантика и ритм молитвы 3	3
<i>Мишкуроев Э.Н.</i> О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть IV) 1	14
<i>Мишкуроев Э.Н.</i> «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода (часть V) 3	24
<i>Чович Б.</i> О трёх типах переводов: интерлингвистическом, интралингвистическом и трансмутации 3	47

Теория художественного перевода

<i>Миронова Н.Н.</i> Михаил Лермонтов — переводчик классической немецкой лирики. К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. 4	5
---	---

История перевода

<i>Конурбаев М.Э., Лингарт А.А.</i> Опыт лингвопоэтического сопоставления и филологического толкования английских переводов Библии: методология 1	30
<i>Шомахова Т.М., Пхитиков Х.М.</i> Шумеро-аккадские, ассиро-вавилонские, хатто-хетто-адыгские языковые параллели в зеркале перевода (на материале клинописных текстов) 4	130

Методология перевода

<i>Ахмедов О.С.</i> Калькирование как особый приём в переводе налоговых и таможенных терминов. 1	56
<i>Иса Г.И.</i> Актуальные проблемы технического перевода в области строительства и архитектуры 2	21
<i>Исолахти Н.</i> Опустить за ненадобностью — точность перевода судебного допроса 3	59

<i>Какзанова Е.М.</i> Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода	3	81
<i>Киынова Ж.К.</i> Славянизмы как средство стилизации в переводах религиозной литературы	1	62
<i>Нестерова Н.М., Папулова Ю.К.</i> “The lambs of London” и/или «Лондонские сочинители»: о проблеме перевода заглавия	3	90
<i>Опарина О.И.</i> К вопросу о переводе научных текстов (на примере работ Ч. Дарвина)	2	31
<i>Степанова М.А.</i> Реализация общей стратегии позитивной презентации в переводах внешнеполитических президентских выступлений лидеров США, Великобритании и России	2	42
<i>Фёдорова И.К.</i> Проблемы киноперевода в аспекте зрительского восприятия	2	63
<i>Шемчук Ю.М., Кочергина Н.М.</i> Непереводимость переводимого лимерика	1	70
<i>Шер Д.К., Печникова А.Д.</i> Сохранение потенциала речевого воздействия при передаче содержания речей в сфере политического дискурса на иностранный язык	1	76
 <i>Теория художественного перевода</i>		
<i>Кикоть В.М.</i> Формообразующие средства поэтического выражения, подтекст и перевод	1	84
<i>Коростелёва А.А.</i> Тип гармоничной личности в звучащем переводе японского кино (функциональная нагрузка коммуникативных средств)	1	107
<i>Костионова М.В.</i> Перевод как фактор формирования литературной репутации писателя (на материале ранних русских переводов романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»)	1	127
<i>Лукина В.М.</i> Утраты и замещения в поэтическом переводе (на материале переводов на русский язык стихотворения «О праздной болтовне» (“Personal talk”) У. Вордсворта, стихотворения «Замок» К.А. Выборновой и его перевода на французский язык В.М. Лукиной)	1	143
 <i>Перевод и лингвистика</i>		
<i>Агеева А.В.</i> Типология иноязычных вкраплений в русских текстах	1	153
<i>Атабаева М.С.</i> Этнокультурная семантическая функция зоокомпонентных фразеологизмов в межкультурной коммуникации	1	163
<i>Габдреева Н.В.</i> Разновременные переводы как источник изучения французских заимствований XIX века	1	171
<i>Пискарева А.А.</i> Фиксация англоязычных заимствований в немецкой справочной литературе на примере справочника “Der Anglizismen-Index”	1	178

<i>Хожиева З.Б.</i> Проблема языковой картины мира в современной лингвистике	1	189
<i>Лингвистические и культурологические аспекты перевода</i>		
<i>Алексеева Е.А.</i> Имя собственное в аспекте перевода	2	77
<i>Артемяева Ю.В., Миронов Н.С.</i> Адекватность перевода, или Перевод с русского на русский язык.	3	102
<i>Борисова Л.В.</i> Концептуальный анализ лексемы «зло» (русско-чувашские параллели)	2	88
<i>Есакова М.Н., Харатсидис Э.К.</i> Культурно-антропологическая парадигма науки о переводе (на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на французский и греческий языки).	3	115
<i>Қасым Б.Қ.</i> Лингвокультурные концепты в системе священных чисел	4	86
<i>Коровкина М.Е.</i> О влиянии национальной картины мира на перевод (на примере особенностей перевода русскоязычных бессубъектных конструкций на английский язык)	3	128
<i>Лычкина Ю.С.</i> Лексические единицы, обозначающие волевые черты характера в русском языке	4	94
<i>Петрова Е.В.</i> Перевод фразеологизмов с семантикой <i>удачи</i> как проблема межъязыковой структурно-семантической и концептуальной асимметрии	2	101
<i>Петросова Е.Г., Кремнева Ю.Г.</i> Синтаксические и пунктуационные трансформации при переводе английской модернистской прозы (на материале произведений Элизабет Боуэн)	2	109
<i>Раздобудько-Чович Л.И.</i> Вербализация концепта «героизм» в черногорской и русской языковых картинах мира в поэме П.П. Негоша «Горный венец» и его перевода на русский язык	4	105
<i>Фещанова С.В.</i> Ключевые прецедентные феномены в контексте национального менталитета (на материале радиодискурса)	4	121
<i>Дидактика перевода</i>		
<i>Гаврилов Л.А., Курапова Е.А., Торсуков Е.Г.</i> Подготовка переводческих кадров в России (к истории вопроса)	2	125
<i>Кучерявенко В.В.</i> Методические особенности вводного курса юридического перевода для студентов переводческой специальности.	2	136
<i>Нараян Мита.</i> Перевод для специальных целей (теория и методика преподавания).	2	150
<i>Пэн Лин.</i> К вопросу формирования социокультурной компетенции филолога-переводчика	4	16

<i>Толмачёв С.Г.</i> Оптимизация системы подготовки военнослужащих со знанием иностранного языка в Вооружённых силах Российской Федерации	.2	155
<i>Шестакова Ди Франко Н.Н.</i> О преимуществах использования интернета в преподавании последовательного перевода	.2	159

Вопросы терминологии

<i>Ким Ире.</i> Лексическая и терминологическая вариативность в корейском языке	.3	140
---	----	-----

Поэтика перевода

<i>Алексеева М.О.</i> К вопросу о звучании русской поэзии в польских переводах и о переводе стихов Юлиана Тувима на русский язык	.4	24
<i>Бойко Б.Л.</i> Звуки, цвета, свет и запахи в картине войны (по текстам «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого)	.4	35
<i>Мешкова Е.М.</i> Лингвопоэтическая неоднородность оригинала и эквивалентность перевода (на материале драмы У. Шекспира «Юлий Цезарь» и её переводов на русский язык)	.4	45
<i>Наугольных Е.А.</i> Эстетика языковых девиаций: природа антиномы и специфика её перевода (на материале романа Дж. Джойса «Улисс»).	.4	55

Лингводидактика

<i>Волкова А.А.</i> Роль контекста в восприятии и понимании иноязычных вкраплений в радиокommunikации	.4	66
<i>Нестерова Н.Г.</i> Роль аутентичных радиотекстов в диалоге культур	.4	72

Хроника научной жизни

<i>Гарбовский Н., Костикова О.</i> «Взаимодействие академического и профессионального сообществ в поисках нового партнёрства» — Международный форум CIUTI 2014	.1	196
<i>Миронова Н.Н.</i> О Международной конференции «Перевод как средство взаимодействия культур». К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова	.4	140

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате ПДФ;

— *примечания* в виде подстраничных сносок. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8-495-939-33-48.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и ее соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.